

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Юрген Торвальд

РАЗГРОМ НА ВОСТОКЕ

ПОРАЖЕНИЕ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

1944–1945

Книга посвящена событиям, которые непосредственно предшествовали краху фашистской Германии. В течение 1944 года немецкие войска терпели поражение за поражением на всех фронтах, но самое масштабное отступление происходило на востоке. Автор рассказывает о том, как в ходе Восточно-прусской операции советские войска, освободив свою страну от захватчиков, вступили на территорию врага. О позиции Гитлера, который не хотел верить реальным военным сводкам и своими нелепыми приказами и нежеланием начать переговоры о капитуляции лишил армию возможности сдаться, а гражданское население – спастись. Советская армия шла на Берлин, к окончательной победе, не щадя никого на своем пути. Уничтожив за годы войны бесчисленное множество людей, Гитлер в конце концов погубил и свою страну, обрек на невозполнимые потери свой народ...

Юрген Торвальд Разгром на востоке. Поражение фашистской Германии. 1944-1945

Глава 1

«Фронт остается там, где он есть!»

Ночью 8 января 1945 г. поезд начальника Генерального штаба германской армии катился на запад из Цоссена, городка южнее Берлина, к городу Гисен в Гессене. Поступили сообщения о появлении формирований тяжелых британских бомбардировщиков над Руром и Центральной Германией. Более легкие самолеты сбрасывали бомбы на Берлин. Поезд, который останавливался и несколько раз совершал объезды, запаздывал. Но это давно перестало быть необычным.

Генерал Гейнц Гудериан спал. Ночник ронял тусклый свет на его большую голову, подчеркивая неправильные черты лица. Он снова ехал на совещание в штаб-квартиру фюрера. Эта встреча решала судьбу Восточного фронта, судьбу всей Восточной Германии. Гудериан хотел максимально сэкономить свои силы, но не находил мира в душе. Его ужасало намеченное на 12 января генеральное наступление русских на Восточном фронте.

Гудериан знал, какие огромные силы русские скопили для готовящегося нападения, – его начальник разведки на востоке, генерал Гелен, был квалифицированным и основательным человеком. И ситуация казалась тревожнее оттого, что советские армии теперь отделяли от немецкой территории лишь крохотные участки обширных областей, завоеванных три-четыре года назад. В Восточной Пруссии русские войска уже стояли на немецкой земле. И население восточнопруссских городов Неммерсдорфа и Голдапа, застигнутое неожиданным русским наступлением, переживало сильный страх перед будущим.

Генерал Гудериан стал начальником штаба почти случайно. Безусловно, он долго был членом Генерального штаба. Он был главным создателем германских бронетанковых войск и до 1941 г. командовал танковой армией в пекле сражений. Но в ходе Московской кампании зимой 1941/42 г. Гитлер внезапно его отстранил. Гудериан оставался не у дел до 1943 г., когда снова стал необходимым,

чтобы вдохнуть новую жизнь в германские танковые войска, которые истощились почти до предела. Его сделали главным инспектором бронетанковых войск. Затем наступило 20 июля 1944 г. с покушением на жизнь Гитлера. Гудериан стал новым начальником штаба, потому что человек, предназначенный для этой работы, заболел.

Немногие оставшиеся в живых после восстания 20 июля порицали Гудериана за то, что он принял свой пост в момент, когда генералы, чиновники, собраты по оружию попадали под арест и их быстро и безжалостно казнили. Они не простили ему приказ, который он выпустил, пребывая на своем посту, относительно доли вины Генерального штаба в заговоре офицеров. Некоторые даже подозревали, что Гудериан принял этот пост из-за старого недовольства генералом Беком, который некогда был начальником штаба, а теперь стал предателем и который в более ранние дни выказал мало сочувствия революционным идеям Гудериана об использовании танковых войск. Но это подозрение не было оправданно.

Этот прямолинейный человек был убежден: восстание, предательство и тираноубийство неуместны, когда существует угроза безоговорочного подчинения и уничтожения. И верил, что такие моменты требуют сплочения и объединения сил против врага.

Как и большинство генералов, Гудериан не был политиком. Он думал, что работа солдата – это сражение, а работа политических деятелей – заканчивать войну, когда нет никакого другого выхода. И начиная с деклараций Рузвельта и Черчилля в Касабланке он утвердился во мнении, что он, солдат, не имел никакой альтернативы, кроме как стоять перед врагом и бороться с ним, независимо от преступлений, совершенных Гитлером. Затем, во время злополучного декабрьского наступления в Арденнах, был захвачен вражеский документ относительно союзнического плана «Затмение». «Затмение» было преданным отражением того направления мысли по поводу обращения с Германией после победы союзников, которую представлял американский министр финансов Моргентхау. Гудериан

видел в этом документе проект полного разрушения немецкой нации.

Время от времени Гудериан задавался вопросом: примет ли он еще раз пост, если заранее известно о его сокрушительном бремени? Но было бесполезно задаваться вопросом. Он принял этот пост. Он бросился исполнять новые обязанности со всей своей значительной энергией и без особого размышления.

До того времени он имел мало опыта общения со штаб-квартирой фюрера или непосредственно с Гитлером. Он был уверен: конец неловкой стратегии Гитлера положит лишь его, Гудериана, упорная настойчивость и храбрость. И еще – откровенность. Возможно, он переоценил себя.

Гудериан многое узнал с тех пор. Он узнал штаб-квартиру фюрера. Он узнал то болото самообмана и мании величия, нехватку проницательности и ужасную некомпетентность, рабскую преданность и чрезвычайную отставку, личную злость и интригу – это болото, питаемое отказом Гитлера признавать собственные ошибки, его разъедающим недоверием к другим, ненавистью и свинцовым страхом перед концом, который Гитлер пробовал скрыть за экстравагантными обещаниями окончательной победы.

Гудериан имел упорство бульдога. Он был почти настойчиво откровенен. И его упрямство действительно вырвало у Гитлера много уступок с лета 1944 г. Но когда он оглядывался на общее количество дивидендов, оно казалось достаточно маленьким. В большинстве случаев вязкость болота одерживала победу.

В течение 1944 г. немецкие войска испытали ужас тяжелых отступлений.

На западе английские и американские войска вторжения произвели высадку на побережье Нормандии. После недель кровавой борьбы они прорвали линии немецкой обороны, пронеслись через Францию и Бельгию, обошли голландскую территорию и достигли германской границы.

В Италии союзнический фронт неуклонно продвигался на север. На севере опустошенные финны заключили

перемирие с Советским Союзом. Немецкая альпийская армия отступила в Северную Норвегию, прокладывая себе путь на юг медленными сухопутными маршами.

И все же все эти поражения, отступления, катастрофы были несравнимы с отступлениями на востоке.

В начале июня 1944 г. Восточный фронт стоял на советской земле далеко за пределами немецких границ. Но всего несколько недель спустя вся структура зашаталась.

Начался этот процесс в секторе группы армий «Центр» под командованием фельдмаршала Буша, линии фронта которого, глубоко выступая, растянулись больше чем на 700 километров от Ковеля через Пинск, Жлобин, Могилев, Оршу и Витебск до пункта северо-восточнее Полоцка. По этому фронту германские 2, 4 и 9-я армии и 3-я танковая армия, только с сорока дивизиями и всего двумя дивизиями в резерве, оказались перед ста пятьюдесятью пехотными дивизиями и семьюдесятью пятью бронетанковыми дивизиями русских.

Напрасно командующие группой армий «Центр» фельдмаршал фон Клюге и позже его преемник – фельдмаршал Буш указывали снова и снова, что этот выпуклый фронт был стратегически слабым и буквально «приглашал» напасть на него. Напрасно оба военачальника требовали разрешения ликвидировать выпуклость, выправить линию фронта и таким образом получить резервы. Но Гитлер, в ужасе от постоянно растущего числа поражений, знал только один вид «стратегии»: бить во всех направлениях. Он категорически отказал. Он не намеревался отступать с завоеванной земли.

22 июня 1944 г., после многочасового артиллерийского обстрела, советские войска начали летнее наступление. Русские бронетанковые колонны врезались в немецкие линии в Жлобине, Рогачеве, к северу и к югу от Витебска. Они ударили по левому флангу 4-й армии в тылу. Они докатились до Березины, захватили переправы и отрезали немецкое отступление. Большая часть 4-й армии и приблизительно половина 3-й танковой армии – почти

триста тысяч человек – встретили смерть в дремучих, темных лесах к востоку от Минска. Все шесть дивизий были окружены под Бобруйском, Оршей и Витебском. Большинство взятых в плен немецких солдат и офицеров были уничтожены.

Фельдмаршал Буш был поспешно заменен фельдмаршалом Моделем, человеком симпатичным Гитлеру, способным в чрезмерном чувстве собственного достоинства нетерпеливо вступить в азартную игру, честолюбивым и, следовательно, хорошим исполнителем приказов Гитлера. Дивизии начали катиться на север от Румынского фронта, который в это время стоял в тишине, вводящей в заблуждение. Большинство из них пришли слишком поздно. 5 июля русские взяли Молодечно, 8 июля – Барановичи. Затем они сделали паузу, чтобы перегруппировать свои ряды, и фельдмаршал Модель преуспел в том, что образовал недолгий, шаткий фронт по линии Ковель – Пинск – Лида – Вильно.

Даже Модель теперь не видел другого выбора, кроме как отвести группу армий «Север», чтобы получить свежие войска. После краха группы армий «Центр» «Север» сформировал обширный плацдарм в Балтийских странах – Латвии и Эстонии. Южный фланг группы армий «Север» должен был быть расширен, чтобы поддержать контакт с отступающими остатками группы армий «Центр». Много дивизий могли быть высвобождены, если бы группа армий «Север» была отведена к югу от реки Двины. Гитлер отказался пойти на это, продолжая держаться за каждый метр завоеванной земли. Новое наступление русских развернулось 14 июля. Немцы, приложив отчаянные усилия, преуспели только в том, чтобы удержать Варшаву. Но дальше на севере русские первой атакой форсировали реку Неман и пронеслись вперед к границам Восточной Пруссии.

Гудериан заснул вновь, но это только вернуло ему беспокоящий танец мучительных сновидений, которые преследовали его так долго. Он услышал собственный голос, многократно повторяющий быстрые, взволнованные слова: «Русские – у ворот Восточной

Пруссии. В любой день они могут достигнуть моря. Они могут отрезать группу армий «Север». Тогда группа армий «Север» будет расплыена впустую. Мы нуждаемся в тридцати ее дивизиях в Восточной Пруссии. Мы нуждаемся в них на Нареве. Мы нуждаемся в них на Висле. Мы нуждаемся в них, чтобы защитить нашу землю!» Затем появилось лицо Гитлера, смертельно бледное за зелеными очками, и его рот, повторяющий: «Нет, это исключено! Группа армий «Север» сражается там, где она есть. Немецкий солдат не сдает и метра земли. Нет, это исключено! Группа армий «Север» сражается там, где она есть...»

Сны Гудериана кружились, бесконечно повторяясь...

Июль – август 1944 г.: русские в Восточной Пруссии. Тонкая немецкая линия фронта все еще держится. Группа армий «Север» в Латвии и Эстонии пока сохранена. Отчаянная борьба с Гитлером, чтобы доставить триста тысяч человек на юг для защиты Восточной Германии. Ответ Гитлера: «Нет!» Первый русский прорыв к Балтийскому морю отрежет группу армий «Север». Контакт вновь установлен.

2 сентября: Финляндия заключает мир.

18—27 сентября: группа армий «Север», вытесненная из Эстонии, отступает в Латвию. Новое предложение передислоцировать ее к Восточной Пруссии. Ответ Гитлера: «Нет!»

9 октября: русские прорываются к Балтийскому морю: к северу и к югу от Мемеля. Группа армий «Север» отрезана окончательно. Запрос: позволить группе армий «Север» подготовить прорыв к Восточной Пруссии, пока русские в Мемеле все еще слабы. Ответ Гитлера: «Нет!»

16 октября: массивное русское нападение на Восточную Пруссию. Генерал Хоссбах сопротивляется с полуреорганизованными остатками 4-й армии, большая часть которой была перемолота под Витебском. Четыре шатких немецких армейских корпуса выступают против пяти советских армий. Новый запрос: позволить группе

армий «Север», все еще невредимой, прорваться к Восточной Пруссии. Ответ Гитлера: «Нет!»

22 октября: русские вторгаются в Восточную Пруссию, захватывают Голдап и Неммерсдорф.

25 октября: 4-я армия останавливает русских в отчаянной борьбе. Новый русский прорыв с севера угрожает потерей Восточной Пруссии. Запрос: отвести группу армий «Север». Гитлер: «Нет! Группа армий «Север» сражается там, где она есть...»

27 октября: решительное усилие Хоссбаха останавливает русских в Восточной Пруссии.

11, 18, 20 и 23 ноября: запросы возвратить группу армий «Север». Все усилия выбить русских из Восточной Пруссии терпят неудачу.

26 и 28 ноября, 5 декабря: новые запросы отвести группу армий «Север». Ответ Гитлера: «Нет, это исключено, немецкий солдат не сдает и метра земли, нет, это исключено...»

И это не были единственные события, которые возвращали Гудериана даже в его снах назад в водоворот кризисов, опасностей и бедствий, составляющих часы его бодрствования. Были и другие события, еще более обширные, еще более хаотичные, настоящая драма, которая разворачивалась между Варшавой и Балканами...

5 августа 1944 г.: конференция с румынским премьер-министром Антонеску. Гудериан выступает в роли переводчика. Антонеску в стороне Гудериану: «Я просто не понимаю, как офицеры приняли участие в покушении на Гитлера. Вы можете быть уверены, что я могу доверять моим генералам вслепую!»

6 августа: генерал Фрисснер, командующий группой армий «Юг», посылает сообщение Гитлеру: «Внутренняя ситуация в Румынии неопределенная. Король, вероятно, генератор идеи выхода из войны. Они надеются, что западные державы не оставят Румынию коммунистам. Всему фронту группы армий «Юг», от Черного моря через

Днестр до Карпат, угрожает готовящееся русское наступление. Фронт ослаблен потерей дивизий, переданных группе армий «Центр». Румынская 4-я армия и группа армий Димитреску – ненадежны. Фронт будет надежен, только если Румыния остается лояльной, если германские войска больше не передаются и если все рассеянные германские войска в Румынии – военно-воздушные силы, морские пехотинцы, войска окружных команд и полиция – размещены под контролем группы армий. Если эти условия не соблюдены, то неизбежно непосредственное отступление к западу от реки Прут».

7 августа: Гитлер: «Фронт остается там, где он есть!» 13 августа: вместо того чтобы отвести группу армий «Север», Гитлер приказывает, чтобы все резервные дивизии и все, кроме одной танковой, дивизии группы армий «Юг» были переведены на север к Висле, Нареву и Восточной Пруссии.

20 августа: русские начинают крупномасштабное наступление на юге. Румыны бросают оружие, бегут или присоединяются к русским. Русские прорываются через немецкий фронт, достигают реки Прут.

22 августа: немецкая 6-я армия отрезана. Гитлер разрешил отступление группе армий «Юг». Слишком поздно. 6-я армия окружена. Части 8-й армии спасаются в предгорьях Восточных Карпат.

23 августа: германский посол фон Киллингер арестован в Бухаресте. Румынский премьер-министр Антонеску заключен в тюрьму. Король Михаил возглавляет движение, направленное на разрыв с Германией. Гитлер приказывает клику предателя арестовать. Сформировать национальное правительство. Бомбить Бухарест! Слишком поздно. Румыния объявляет войну Германии. Советские армии маршируют через Румынию без сопротивления. Попытки, грабеж, аресты, насилие, высылка немцев, застигнутых русским продвижением, и также бесчисленных румын. Российские войска позади германского фронта на Балканах.

1 сентября: отступление. Серьезные опасения относительно того, что случится с немецким поселением в Трансильвании. Гитлер: «Я приказываю, чтобы немецкие подданные в Трансильвании организовали сопротивление!» Фактические события: русские вторгаются в Трансильванию. Все немцы, которые не убежали в последний момент, убиты или ограблены, вытеснены, высланы. Беженцы в фургонах двигаются через Венгрию в Австрию.

14 сентября: русские на границах Баната. Новые трагедии для немецких поселенцев. Гитлер: «Банат будет удержан!» Фактические события: русские достигают Темесвара, столицы Баната. Ужасный произвол. Массовое бегство немцев Баната на юг. Переправ через Дунай недостаточно для перевозки толп. Американские и британские самолеты бросают мины в реку, атакуют паромы. Вайсскирхен, в 70 километрах к югу от Темесвара, пал. Тысячи немцев – старики, женщины, дети – убиты.

Октябрь 1944 г.: русский прорыв в немецкое поселение в Сирмия. Партизаны Тито. Те, кто не избежал партизан, убиты, вытеснены или сотнями тысяч загнаны в лагеря.

15 октября: назначенный немцами губернатор Венгрии фон Хорват пробует добиться перемирия. Арестован немецкой тайной полицией.

27 октября: группа армий «А» отброшена к реке Тиссе.

Ноябрь 1944 г.: постоянные русские продвижения в Венгрии. Произвол против немцев, равно как и венгров. Русские готовят наступление, чтобы пересечь Дунай.

23 декабря: русские захватили Штульвайссенбург в 56 километрах к юго-западу от Будапешта.

24 декабря: Будапешт окружен...

Около девяти часов утра 9 января генерал Гудериан пробудился от внезапного толчка поезда. Он поднялся и пошел по проходам к вагону для совещаний. Его адъютант, Фрейтаг-Лорингховен, заключил по выражению

лица Гудериана, что этот день увидит другое столкновение с Гитлером – и, вероятно, сильное.

Гудериан сел за стол и уставился в серое зимнее утро. Он думал о бесконечных снежных пустынях, которые он пересек три дня назад, 6 января, когда отправился встретиться с командующим группой армий «А». Эта группа армий была первой, почувствовавшей новое наступление русских.

Он склонился над картой. Немецкий фронт на востоке был, наконец, стабилизирован по линии, которая начиналась около города Тильзита в Восточной Пруссии. Затем эта линия следовала за восточнопрусской границей, прорезала территорию Восточной Пруссии около города Голдапа и убегала на юго-запад по реке Нарев вниз к ее слиянию с Вислой в Модлине. Южнее Модлина она следовала за левым берегом Вислы, охватывая большую часть Варшавы к западу от реки. Она изогнулась вокруг большого русского плацдарма в Пулаве и затем воссоединялась с рекой внизу в области Цволен, где она окружала другой русский плацдарм. За пределами Цволена она снова следовала за западным берегом Вислы до Баранова и здесь сходилась с наибольшим и самым опасным русским плацдармом. Затем эта линия пересекала Вислу и направлялась на юг до Кассы, приблизительно в 208 километрах к северо-востоку от Будапешта, где соединялась с группой армий «Юг».

В то время как в Латвии почти нетронутая группа армий бесцельно занимала маленький карман, 800 километров фронта от Тильзита вниз к Кассе были укомплектованы двумя немецкими армейскими группами, обе из которых прошли пекло русского летнего наступления.

Группа армий «Центр» между Тильзитом и Модлином должна была быть восстановлена, насколько еще позволяли немецкие ресурсы. Командующим группой был генерал Рейнхардт. Его северный фланг удерживала 3-я танковая армия, которая больше не соответствовала своему названию, под командованием генерала Рауса, седовласого австрийца. Южнее располагалась 4-я армия

под командованием генерала Хоссбаха. Она только оправилась от жестокой оборонительной операции октября. 4-я армия образовала опасную выпуклость перед группой армий «Центр». Юго-западнее Нарева располагалась слабая 2-я армия под командованием генерала Вейса.

Группа армий «А» удерживала линию от Модлина до Кассы. Командовал ею генерал Харпе, молодой мужчина, который провел долгие годы в боях на Восточном фронте. 9-я армия Харпе^[1], составленная из нескольких неодинаково оснащенных дивизий, стояла вдоль Вислы к северу и югу от Варшавы. 4-я танковая армия под командованием генерала Грэзера прибыла с юга, обойдя большой русский плацдарм в Баранове. Затем следовала 17-я армия под командованием генерала Шульца, между Вислой и горами Бескиды. Наконец, прибыла 1-я танковая армия под командованием генерала Хенрици, которая оседлала горы Бескиды и соединилась с группой армий «Юг» рядом с Кассой.

В ноябре 1944 г. германская разведка донесла о сосредоточении четырех новых советских армейских групп. Группы армий Рокоссовского и Черняховского продвинулись к Восточной Пруссии. Группы армий Жукова и Конева появились на Висле к югу от Модлина. Главные силы двух южных групп сконцентрировались на плацдармах в Пулаве и в Баранове. Нападение из Баранова подвергло бы опасности немецкие области Силезии и Саксонии. Из Пулавы русские войска угрожали району Варты и за его пределами Берлину.

Информация, которую собрала германская разведка относительно огромной силы русских, сначала показалась не слишком правдоподобной даже Гудериану. Но она была так хорошо документирована, что не могла быть подвергнута сомнению.

Гудериан начал приготовления к грядущему штурму. Постепенно он отодвинул части от шатких линий фронта и восстановил их до танковых дивизий, с семьюдесятью – восьмьюдесятью танками в каждой, вновь достигнув по

крайней мере одной трети их прежней силы. Он собрал четырнадцать резервных дивизий и возобновил свою постоянную, бесплодную борьбу с Гитлером за тридцать дивизий группы армий в Курляндии.

Но в сентябре 1944 г. Гитлер выдвинул дерзкую идею еще раз взять инициативу на Западном фронте. Он подготовился напасть на союзнические линии в Арденнах, которые были весьма экономно укомплектованы западными командующими, которые думали, что Германия слишком слаба для нападения. Гитлер же полагал, что сможет вернуть Антверпен и нанести американцам удар, который задержал бы их наступление на многие месяцы. Генерал Йодль, этот странный человек, был достаточно проницательным, чтобы предвидеть грядущее бедствие, но он давно не смел противиться воле Гитлера и поддержал этот план. Таким образом, последние резервы откатились к Западному фронту, где они были сформированы в 5-ю танковую армию и 6-ю танковую армию СС. Но Гитлер обещал, что пошлет эти войска обратно на восток, как только будет одержана победа в Арденнах или когда станет ясно, что успеха там не достичь.

Наконец, Гудериан издал приказ, который привел в движение сотни тысяч человек. В Восточной Пруссии, Западной Пруссии, Померании, в «генерал-губернаторстве», в районе Варты и далее на юг – от Балтийского моря вниз в Силезию – немцы, поляки и военнопленные начали рыть западни для танков, сокращать траншеи и создавать пояс укреплений вокруг каждого города. Этот приказ бросил вызов команде Гитлера, запрещающей строительство оборонительных сооружений позади линий, потому что это подрывало боевой дух войск. Но Гудериан подписался: «Адольф Гитлер – через Гудериана».

Этот случай был единственным, когда он прибег к такой уловке. И вероятно, единственная причина, которой он руководствовался, заключалась в том, что Эрих Кох, окружной руководитель Восточной Пруссии, уже ожидал мер Гудериана, поскольку Кох развернул обширные

земляные работы в своем районе сразу, как только русские начали летнее наступление 1944 г. И с тех пор в глазах Гитлера Кох был самым воплощением безжалостного желания сопротивляться, его действие проложило путь к грандиозной попытке Гудериана создать глубокую сеть полевых укреплений позади всего Восточного фронта.

Вскоре после того, как Гудериан начал готовить эти оборонительные сооружения, Гитлер решил повысить окружных руководителей на востоке – в Кенигсберге, Данциге, Позене, Штеттине и Бреслау – до «имперских комиссаров обороны». Этот шаг сделал их истинными владельцами восточной зоны. И они желали многого благодаря этой новой власти – особенно Кох.

Первые полевые укрепления были сооружены согласно прихоти Коха. Он отказался от требования генерала Рейнхардта, командующего группой армий «Центр», строить достаточно отдаленные позиции, потому что это было бы признаком «пораженчества». Он отказался удалить гражданское население, за исключением только лишь 8-километрового пояса непосредственно позади линий фронта, или предпринять подготовку к эвакуации на случай катастрофы, потому что «никакой истинный немец не позволит себе даже мысли, что Восточная Пруссия может попасть в русские руки». Вместо этого он обратился к гражданскому населению с просьбой вооружаться. Он называл себя «фюрером народной армии Восточной Пруссии». Он отказался поручить обучение его народной армии военным или поместить ее под военный контроль. И даже добился разрешения Гитлера сделать так, чтобы его собственные функционеры управляли армейским персоналом и выслеживали «трусов». В рамках своей компетенции имперского комиссара обороны он сталкивался с военной промышленностью Восточной Пруссии, создавал собственные арсеналы и хранил их в неприкосновенности от войск регулярной армии.

Несмотря на вмешательство окружных руководителей на востоке, укрепленные линии наконец пролегли от Восточной Пруссии вниз к границам Силезии. К концу августа Гудериан преуспел в том, что поднял сто

батальонов с личным составом, ограниченно годным к службе, и обеспечил их двумя тысячами единиц полевого оружия из захваченных поставок, чтобы оборонять ключевые позиции.

Однако один-единственный приказ Гитлера лишил Гудериана всех его людей и большей части оружия. Они покатались на запад, когда фронт во Франции рухнул и осколки западных германских армий хлынули назад через германские границы. Все протесты Гудериана, все его предупреждения о восточной угрозе игнорировались.

Но даже тогда Гудериан не сдался. Он предложил Гитлеру в областях, над которыми нависла угроза, укомплектовать линии обороны местной милицией. Он не подозревал, что в уме Гитлера этот план соединялся с экспериментами Коха, пока, три дня спустя, Гитлер не объявил, что идея Гудериана относительно народной армии будет осуществлена не только на востоке, но и по всей Германии. А выполнение плана было отдано в руки Мартина Бормана, руководителя канцелярии нацистской партии.

Это было концом. Борман – глупая, примитивная, опасная тень Гитлера, неспособная к оценке политических или военных дел, непрерывно занятая распространением собственной власти и власти партии, – превратил народную армию в инструмент партийной пропаганды.

И теперь, в январе 1945 г., оборонительные линии на востоке, бесчисленные траншеи, западни для танков, щели для стрелков и оружия, над которыми трудились десятки и сотни тысяч человек, пустуют, засыпанные снегом.

16 декабря 1944 г. началось наступление Гитлера в Арденнах. К 22 декабря его провал стал очевидным. Гудериан пошел в штаб-квартиру фюрера рождественской ночью, чтобы потребовать немедленно передислоцировать на восток дивизии, которые больше не были необходимы на западе.

Но ум Гитлера все еще был прикован к Антверпену. Он утверждал, что инициатива по-прежнему в его руках. Он

категорически заявил, что информация Гудериана о силе русских была явным измышлением.

Гудериан возвратился в свой штаб с пустыми руками. В это время он получил известие, что Будапешт захвачен русскими. По прибытии он нашел другое ждущее его донесение: по приказу из штаб-квартиры фюрера танковый корпус Гилле, сохраненный в резерве позади фронта Вислы, послали в Венгрию, чтобы возвратить иностранную столицу. Это была завершающая ошибка: резервы, которые он так мучительно копил, передавались другому фронту.

Гудериан, сдерживая ярость и отчаяние, возвратился в штаб-квартиру фюрера в новогоднюю ночь. Но Гитлер, так же как и на Рождество, отрицал угрозу с востока. Он не хотел признать, что ненавидевший его противник – Сталин располагал такими огромными силами. Гитлер повторил свое частое утверждение, что все, что Сталин мог собрать, были «очищенные русские отбросы» и «отверженная шваль, собранная по пути». Он кричал, что Гелену со всеми его донесениями место в сумасшедшем доме. Гитлер не заметил возражения Гудериана, что ему, Гудериану, место, видимо, в том же сумасшедшем доме, так как он разделяет взгляды Гелена.

Еще раз Гудериан потребовал курляндскую дивизию. Он показал вычисления своих транспортных специалистов, доказывающих, что передача, включая тяжелое оборудование, была полностью возможна. Гитлер отказал.

Тогда Гудериан возобновил борьбу за силы, которые стали доступными на западе. Но Гитлер еще не верил в свой провал в Арденнах. Он заявил, что на востоке он все еще имел земли, чтобы их проиграть, – но не на западе. Никакие аргументы не помогали. Не было никаких запасов для востока.

После совещания, когда Гудериан, все еще дрожавший от ярости, завтракал, Гиммлер сказал ему:

– Вы действительно думаете, что русские будут атаковать? Это было бы самым большим блефом со времен

Чингисхана!

Мысли генерала Гудериана были прерваны появлением генерала Гелена. Начальник разведки прибыл для заключительного доклада о готовящемся совещании у Гитлера.

Гелен начал:

– Я подготовил другое специальное донесение, основанное на последней информации, касающееся сил в секторе плацдарма в Баранове. Согласно моей информации, враг сосредоточил на фронте протяженностью восемьдесят километров пять армий пехоты, шесть танковых корпусов, два отдельных танковых корпуса и пять танковых бригад. В настоящее время соотношение сил складывается в пользу врага следующим образом: пехота – одиннадцать к одному; танки – семь к одному; артиллерия – двадцать к одному. В некоторых секторах артиллерия русских насчитывает триста восемьдесят орудий на километр. Мое свидетельство неопровержимо. Оно должно убедить даже фюрера: если чего-то не предпринять, мы получим катастрофу на плацдарме в Баранове.

Гудериан поднялся и зашагал по кабинету.

– Гелен, сегодня – наш последний шанс, – сказал он. – Если танковые дивизии с запада послать на восток не позже чем сегодня вечером, они смогут добраться туда вовремя... – Гудериан остановился. – Гелен, когда вы докладываете, держитесь спокойно, что бы ни случилось. Держитесь спокойно, даже если фюрер позволяет себе увлечься и злоупотребляет Генеральным штабом или вами лично.

Гелен кивнул. Он разложил свои карты и бумаги на столе.

Гудериан продолжал:

– Резюме о пунктах, которые будут обсуждаться. Во-первых, немедленный отвод из Курляндии. Во-вторых, передача моторизованных войск с запада на восток, сегодня вечером. В-третьих, в случае отказа, по крайней

мере отвод выступающего фронта 4-й армии в Восточной Пруссии, что даст нам несколько дивизий для резервов. В-четвертых, одобрение операции «Поездка на санях» для группы армий «А». Это означает: отвод нашего выступающего фронта между плацдармами в Пулаве и Баранове незадолго до нападения русских, что сэкономит четыре дивизии для резервов. Агрессивная оборона на плацдарме в Пулаве, задерживающая оборона от плацдарма в Баранове до границы Силезии...

Для обстоятельного исследования генерала Йодля в штаб-квартире фюрера была предоставлена вполне достаточная комната, рассчитанная приблизительно на двадцать человек, которые вечером 9 января встретились для совещания с Гитлером.

Высокая, тяжелая фигура фельдмаршала Кейтеля возвышалась над собранием. Сам Йодль был бледен, его лицо казалось подобием маски. Полный Геринг стоял между его щеголеватым офицером по связи, генералом Христианом, и военно-морским адъютантом фон Путткамером. Интеллигентное, умное лицо генерала Винтера, начальника штаба оперативной группы «Юг», приятно контрастировало с бледными чертами Генриха Гимmlера. У стола с картой стоял коренастый, кривоногий генерал Бургдорф, начальник управления кадров ОКХ, известный как «могильщик корпуса немецких офицеров».

Вошел Гитлер. Он ступал осторожно, как старик, приволакивающий левую ногу. Его левая рука дрожала, плечи повисли, голова поникла. Лицо было дряблым и бледным. Серые пряди проглядывали в темных волосах. Двубортный серый костюм с золотыми пуговицами бесформенно висел на нем.

Гитлер обменялся рукопожатиями с каждым. Он подошел к столу. Адъютант придвинул ему стул, и Гитлер тяжело на него опустился.

А затем раздался этот странный, шелестящий, потрескивающий звук, который в течение уже многих месяцев сопровождал эти совещания – раздражающий, парализующий фон, который напоминал слушателям, что

воображаемый колосс распадался: звук, который издавала левая рука Гитлера, дрожащая на картах.

Но все еще было опасно судить о внутренних ресурсах Гитлера по их внешнему упадку. Его воображение, что и говорить, покинуло его. У него оставалась лишь странная жесткость – он казался неспособным думать, рассуждать или планировать, в отличие от дней пика его власти. Но за этой жесткостью все еще стояла маниакальная сила.

Гитлер все еще обладал отчаянным желанием жить, своим жестоким неприятием суровых фактов и своей неблагоприятной верой в судьбу, которая, некогда подняв его столь высоко, теперь не позволит ему упасть.

Разум был бессилён против судьбы.

Гудериан с лицом, передававшим напряженность, расположился слева от Гитлера, чтобы сделать доклад. Это стало традицией, так как взрыв бомбы 20 июля разрушил правую барабанную перепонку Гитлера.

– Мой фюрер, – начал Гудериан, – я приехал еще раз, чтобы совещаться с вами лично. Мы имеем информацию, которая внушает уверенность, что русское зимнее наступление, нацеленное на Берлин, начнется через три дня, 12 января. Я хочу сообщить вам еще раз, как я сделал это 24 декабря и 31 декабря, о реальной ситуации на Восточном фронте. Я привел генерала Гелена, чтобы показать вам любой документ, который вы пожелаете увидеть. 6 января я лично посетил группу армий «А» в Кракове, чтобы получить информацию относительно ситуации в этом секторе. Это – последний момент для действий. Я надеюсь, что наш доклад побудит вас передать Восточному фронту подкрепление, которое там необходимо, – и вы сделаете это сегодня вечером.

В ранние утренние часы 10 января генерал Харпе, главнокомандующий группой армий «А», ехал на юг по шоссе Кельце к своему штабу в Кракове. Равнины с обеих сторон прямой, без лесов дороги были покрыты снегом. Они бесконечно простирались во все направления – пустые, белые и плоские, без единого препятствия для русских бронетанковых войск.

Генерал возвращался из поездки на фронт, расположенный на плацдарме в Баранове. Он обсудил с генералом Грэзером посещение Гудерианом штаба группы армий «А». Они говорили об обещании Гудериана решительно потребовать подкреплений с запада или, в случае неудачи, одобрения операции «Поездка на санях», плана, разработанного Харпе и его помощником, генералом фон Ксиландером. Харпе слишком хорошо знал, что этот план в лучшем случае мог не больше чем воспрепятствовать русским вторгнуться в Силезию. Но по крайней мере, это была операция, которая давала немного надежды...

Пронизывающий ветер катился по равнинам. Генерал Харпе спрятал лицо в мехе воротника. Он был человеком, который все еще верил в судьбу Гитлера. Он даже все еще верил в разведку Гитлера и не обратил особого внимания на предупреждение Гудериана, что операция «Поездка на санях» интерпретируется Гитлером как выражение нехватки у Харпе боевого духа. Харпе надеялся – надеялся уверенно, – что в последний момент Гитлер поймет, насколько отчаянной была ситуация.

Автомобиль генерала вкатился в Краков и остановился перед зданием школы, где располагался его штаб. Генерал фон Ксиландер ждал на ступенях.

– Верховное командование армии только что прислало результаты совещания генерала Гудериана в штаб-квартире фюрера, – сказал фон Ксиландер. – Фюрер отказался от всего. От курляндских войск с запада, «Поездки на санях» – от всего. Фронт остается там, где он есть. И ситуация остается такой, какова она есть. Фюрер не верит, что будет русское наступление...

Глава 2

Увертюра на Висле

Ночью 12 января глубокую тишину над заснеженными пустыми просторами фронта в Баранове разорвал внезапный рев тяжелой советской артиллерии, взрывающей заграждения. Было около половины второго.

До шести часов утра многие тысячи российских снарядов градом осыпали немецкие линии. Они буквально распыляли позиции и людей. Между шестью и шестью тридцатью артиллерийский обстрел немного ослабел, чтобы только вновь вырасти до такого уровня, какого Вторая мировая война не знала прежде.

Затем русские пошли в атаку. Бесчисленные полковые колонны проникли в разрушенный немецкий фронт, не беспокоясь об опасности для флангов. Позади них катили советские танковые армии, одинаково равнодушные к тому, что происходило справа, слева или позади них. Они продолжали путь на запад. Рои пехотных дивизий следовали по их пятам, моторизованные любыми транспортными средствами, которые попадались под руку.

Прежде чем день закончился, 4-я немецкая танковая армия была рассеяна. Войска, которые пережили артобстрел, были охвачены русскими. В сумерках немецкие автоматы все еще можно было услышать здесь и там – но полевое оружие умолкло, контратаки прекратились. На передовых линиях командная цепь была разорвана на части. Все коммуникации с тылом были отрезаны. Едва ли кто-то знал, кем был его сосед. Оставшиеся в живых если не были захвачены, то предоставлены сами себе. Некоторые из них, по отдельности или маленькими группами, с небольшим количеством боеприпасов и без пищи, старались пробиться на запад через потоки русских.

Утром, которое увидело крах 4-й танковой армии, южный фланг группы армий Конева, между Карпатами и Вислой, начал наступление на немецкую 17-ю армию. Но Конев использовал меньшие силы. Хотя он проник в немецкий

фронт в нескольких местах, немецкий командующий генерал Шульц поддерживал свои линии.

Когда первый день сражения приблизился к концу, генерал Харпе в штаб-квартире группы армий «А» в Кракове имел мало информации о ситуации в 17-й армии и вообще не обладал никакой последовательной информацией о 4-й танковой армии. Только в одном была уверенность: пробита огромная брешь, которая становилась больше с каждым часом, и через нее толпы русских танков и пехота устремились на запад. Русские танки опередили скудные немецкие резервы.

Той ночью Артур Грэзер, окружной руководитель, имперский губернатор и имперский комиссар обороны района Варты, устроил небольшую вечеринку на своей вилле в Мариензее. Этот дом находился около густого заснеженного леса приблизительно в 16 километрах от Позена, столицы района.

Вилла была построена специально для Грэзера. Его оппоненты считали безумием тратить впустую рабочую силу, время и материалы на это строительство, в то время как велась война. Но Грэзер был в состоянии процитировать от своего имени изречение Гитлера, что «национал-социалистическая империя даже во время войны должна демонстрировать свою культурную миссию на Востоке».

Огни сверкали за занавесками виллы в Мариензее. Науман, секретарь организации «Национальное просвещение и пропаганда», выступал в тот день в Позене, обращаясь к толпе из тысячи человек. Он говорил, находясь в неведении относительно русского наступления. И единственное оправдание, которое могло бы его извинить, было его неведение относительно того, что случилось в Баранове. Но неведение, как известно, – плохое оправдание.

Науман объявил немцам в Позене и целом районе Варты, что Восточный фронт не будет разрушен ни при каких обстоятельствах. Он повторил то, что официальная пропаганда распространяла от Тильзита до Катовице:

Восточный фронт никогда не был более сильным, что немецкие отступления были не более чем маневрами, чтобы сохранить силу, и что существующий фронт настолько далеко, насколько русским будет когда-либо разрешено подойти. Науман говорил о совершенно новых армиях и о совершенно новом оружии и заявил, что абсолютно уверен в окончательной победе.

И теперь, несколько часов спустя, он сидел в Мариензее среди гостей, которых Грэзер пригласил в честь Наумана. От пылающего лица Наумана исходил оптимизм и заражал компанию – по крайней мере, такое создавалось впечатление. Больше всего он заражал Грэзера. Тот поднял свой стакан:

– Еще раз я пользуюсь возможностью, чтобы поблагодарить вас, господин секретарь, за то, что вы посетили район, несмотря на огромное бремя работы, лежащее на ваших плечах, в этот день, который засвидетельствовал начало решающего сражения. Никогда, ни на одно мгновение, мы не сомневались, что победа будет нашей. Никогда мы не сомневались, что волна большевизма остановится у границ района Варты, что здесь враг получит заключительный удар. Поэтому ни один человек не покинул район. Каждый из нас неустрашимо верил нашему фюреру и победе и нетерпеливо ждал решающего сражения. В случае необходимости мы готовы блокировать путь большевизму собственными телами, создать стену из человеческой плоти, которая спасет Германию и всю Европу от восточного варварства. Мы благодарим вас, господин секретарь, за то, что вы вновь заверили население района Варты в том, что, в соответствии с желанием фюрера, ни один метр этой земли не будет загрязнен большевистской толпой. Мы благодарим вас за то, что вы показали нам, как близки мы к заключительной победе.

Падал снег. Он покрывал обширные равнины района Варты, который, после раздела Польши между Россией и Германией в 1939 г., стал провинцией рейха. Окружной руководитель Грэзер вступил в должность в сентябре 1939 г. Новые границы были установлены вскоре после

этого. Возник «район Варты». Хотя некоторые области в пределах этих новых границ были немецкими по культуре, район также включал обширные территории, которые были явно польскими. Вместе с областями Данциг – Западная Пруссия и следующим южным сектором Восточной Пруссии район стал лабораторией для расовых и этнических понятий, которые были неотъемлемой частью национал-социализма.

Грэзер был уроженцем этого сектора. Он родился и пошел в школу в прежней немецкой области Позен и стал наследником старых, глубоких антагонизмов. В Первой мировой войне он был пилотом морской авиации. Позже водил такси и управлял экскурсионной службой в Данциге.

Теперь, как окружной руководитель района Варты, он был правителем королевской области. Он был владельцем всех немцев и даже более того – владельцем всех поляков. Его задачей было обнаружение, какие поляки имели в своих венах немецкую кровь; он собирал списки, которые градуировали их согласно расовой смеси, и удалял «чистую» группу поляков так называемого «генерал-губернаторства» между германо-русской границей и районом Варты. Высланные поляки должны были быть заменены немцами, которые потеряли свои фермы в Балтийских странах, Галиции и Бессарабии, которые в 1939 г. стали частями Советского Союза. Позже должны были быть добавлены немцы из самого рейха, особенно заслуженные ветераны. Планы, составленные Гиммлером, Борманом и Грэзером, предусматривали, что останутся только те поляки, кому уготовано стать рабской рабочей силой.

Грэзер стал также имперским комиссаром и генералом СС, командуя каждой службой СС в своем районе. Власть, сконцентрированная в его руках, едва ли могла быть превышена. Он использовал ее – и не только для плохого. Он стимулировал сельское хозяйство, несмотря на войну и тот факт, что большинство новых поселенцев были непривычны к новым условиям. Он построил образцовые фермы, шоссе и железные дороги.

Но он был не в состоянии увидеть, что строил на пловуне. Прежде, возможно, он испытывал сомнения. Но скоро осознание своей власти развратило его полностью. Его характер распался. Единый правитель в своем собственном королевстве, он забывал смотреть за пределы его границ. Всякий раз, когда планировались большие политические и военные дела, он цеплялся за рабское, беспечное доверие Гитлеру.

Грэзер был глубоко потрясен приказом строить укрепления, поскольку этот приказ нес известие, что война приближалась к его области. Он повиновался приказу. Но когда осенью 1944 г. некоторые из его ведущих чиновников первыми предложили, чтобы он подготовил план для эвакуации района, Грэзер обвинил их в безумии и предупредил, что никакой истинный немец не будет даже думать о такой возможности. Необходимы были месяцы и месяцы давления, прежде чем он согласился на подготовку секретного, чисто теоретического плана эвакуации. И отдал приказ, чтобы этот план, который предусматривал постепенную эвакуацию последовательно трех зон, не был обнародован ни при каких обстоятельствах.

Он запретил любому человеку, который оставлял район Варты, демонстрировать, что опасность, которая угрожала всем, существует. И его вера в Гитлера, в победу и в обещанное новое чудо-оружие была выкована в немцах этого района всеми средствами пропаганды и давления.

Танковые войска Конева катились на запад. Они оставили прорванный германский фронт далеко позади.

Теперь они приближались к реке Нида и железной дороге между Краковом и Варшавой. Они пересекли их 14 января и были теперь менее чем в 80 километрах от Кракова.

Прорыв в секторе 4-й танковой армии повлиял на смежные германские армии на севере и юге. Они должны были бросить свои резервы и даже части, торопливо забранные с линий фронта, на новые позиции, защищая фланг и тыл.

Новости о катастрофе достигли Гитлера в его штаб-квартире в Гессене. Но иллюзии о грядущих триумфах в Арденнах держали его на западе.

Даже теперь Гитлер не разрешил войскам группы армий генерала Харпе покидать их безнадежные позиции. Вместо этого он отдал общепринятый приказ: каждое подразделение будет бороться и умирать там, куда оно было поставлено. Вопреки протесту Гудериана он взял танковый корпус «Великая Германия» из Восточной Пруссии, где русское нападение было неизбежно, и переместил его в Лодзь. Он забрал две танковые дивизии из Венгрии и две с Западного фронта и послал их в Силезию, перекрикивая возражение Гудериана, что они, возможно, не смогут прибыть вовремя, чтобы закрыть зияющий фронт. Он внезапно обвинил Гудериана и Харпе в том, что они держат резервы слишком близко к линии фронта, хотя это было сделано в соответствии с его собственными приказами. Так же как предсказывал Гудериан, Гитлер теперь интерпретировал операцию Харпе «Поездка на санях» как предвзятый план уступить дорогу. Ясно, что дни Харпе были сочтены.

14 января другое русское наступление началось дальше на севере. Группа армий Жукова атаковала и к северу и к югу от Варшавы. Германский фронт, лишенный резервов, разрушился, как стекло. Войска Жукова пересекли лед Вислы. Его южный фланг, начинающийся с плацдарма в Пулаве, и его северные войска, продвигающиеся на запад между Варшавой и Модлином, замыкались на 9-й армии. В быстром двойном охвате эти две колонны продвинулись и вошли в Варшаву с севера и юга. Этот город не имел обороноспособности, которая могла оправдать его название «цитадель».

9-я армия была растерзана на клочки в течение нескольких дней. Теперь по широкой дуге Вислы от Кракова до Модлина не осталось непрерывного германского фронта.

Русские приблизились к Кракову вечером 16 января. Кельце и Радом лежали позади них. В Варшаве все еще оставались четыре немецких батальона,

скомплектованные из пациентов, страдающих от болезней живота. Но ничего этого не было известно в штабе группы армий «А» – здесь коммуникации также были разрушены.

Таковы события, которые 16 января вынудили Гитлера наконец бросить свою штаб-квартиру на западе и переместиться в канцелярию в Берлине.

Гитлер достиг столицы в состоянии крайнего волнения. Он был в ярости от ударов, градом сыплющихся на него со всех сторон. Но так как фюрер не мог постичь реальных причин катастрофы, не признавая своих собственных ошибок, он стал обвинять других – «слабаков и предателей», фантомы которых часто посещали его после 20 июля. Генерал Харпе был уволен. Гитлер снова набросился на человека, который до последнего часа верил в него и единственная ошибка которого заключалась в том, что он не мог достигнуть невозможного. Генерала Шёрнера вызвали из Курляндии, чтобы он занял место Харпе. Ему было поручено любыми средствами установить порядок в группе армий «А», отбрасывая все слабые элементы, и остановить русских.

Гудериан появился в канцелярии поздно вечером 16 января. Как раз перед отъездом из своего штаба в Цоссене он получил последний доклад о ситуации от полковника фон Бонина. Группа армий «А» утратила контакт с Варшавой – город был, вероятно, потерян. В своем докладе Гитлеру Гудериан говорил о мрачной ситуации повсюду, упоминая Варшаву только случайно.

Гитлер прервал его.

– Это просто неслыханно! – вскричал он. – Варшава – цитадель. Варшава имеет командующего цитаделью с приказами удерживать город до последнего дыхания. Я хочу получить полный доклад немедленно.

По случайному совпадению в тот самый момент полковник фон Бонин делал доклад по телефону, связавшись со штаб-квартирой фюрера. Армия только что получила радиосообщение от командующего цитаделью в Варшаве, в котором тот заявлял, что он все еще в городе,

но вынужден будет оставить его в течение ночи. Это подлило масло в огонь недоверия Гитлера. Сначала он приказал незамедлительно отправить радиосообщение в Варшаву, что город должен быть удержан любой ценой. Затем, бледный от ярости, фюрер потребовал объяснения того, как прошло более раннее сообщение о падении Варшавы. Ему сказали, что полковник фон Христен, офицер по операциям в штабе Гудериана, получил это сообщение из Кракова и передал его полковнику фон дер Кнезебеку, руководителю операций, который, в свою очередь, передал его фон Бонину. Гитлер, еще более взволнованный столь многими именами аристократов, приказал незамедлительно арестовать этих офицеров.

В то время как на Висле армии погибали, Гудериан вел часовое, бесплодное сражение с Гитлером за трех офицеров, которые только передали сообщение.

На следующий день Гудериана подвергли перекрестному допросу. После опроса он возвратился к Гитлеру, чтобы потребовать отпустить его офицеров и предложить свою отставку, – но напрасно. После другого длинного и яростного столкновения Гитлер смотрел на него красными глазами под дергающимися веками и, едва скрывая свою ненависть, сказал:

– Прекратите требовать. Это не вы, я хочу покарать. Это не отдельные офицеры, которых я хочу покарать. Я хочу покарать Генеральный штаб. Клику Генерального штаба, которая подготовила заговор 20 июля, они должны быть уничтожены!

Тем временем немцы в «генерал-губернаторстве» и в районе Варты тонули в наводнении вторгшихся русских армий.

Группа армий «А» оставалась без командующего в течение почти трех дней. Генерал Шёрнер, которого вызвали из Курляндии, не прибыл в Силезию до 20 января. Но когда все же прибыл, оказалось, что командовать в общем-то нечем. Никто не знал, где мог бы находиться штаб 4-й танковой армии – он где-то пробивал себе путь на запад, измотанный русскими танками. Штаб 9-й армии был

недостижим. Да и штаб самой группы армий преследовал враг. 17 января в Ченстохове он едва избежал атаки русских танков.

Русские танки, сопровождаемые моторизованной пехотой, продвинулись вперед, не встретив никаких препятствий. Все, что стояло на их пути, расстреливалось или втаптывалось в землю. Если они сталкивались с сильным сопротивлением, то отступали, обходили препятствие и катились на запад. К 20 января Краков, Лодзь, Влоклавек и Ченстохова были в руках русских.

Тактика Конева, однако, не всегда была успешной. Германские XXIV и XL танковые корпуса из-за их положения не были в состоянии начать контратаку. Но и при этом они не могли быть втоптаны или разбиты. Они боролись. Точно острова, они стояли выше волн русского наводнения, которое разбивалось о них. Ведя бои по всем направлениям, они скоро стали точкой опоры для многих уцелевших частей пехотных дивизий, оттесняемых мощным валом, поскольку русские далеко превосходили их численностью. Их конец был предрешен. Из-за пехоты, которая была теперь с ними, они больше не могли положиться на свою подвижность и скорость.

Генерал Неринг, командир XXIV танкового корпуса, принял командование остатками XLII пехотного корпуса, командир которого погиб в сражении. 15 января Неринг получил приказ прорваться в направлении Глогау в Силезии. Ведя бои с русскими танками, пехотой и военно-воздушными силами, прибывающими со всех сторон, он начал свой марш к германской границе, расположенной в 300 километрах на запад. Много гражданских беженцев присоединилось к нему.

В течение тех дней похолодало, ветер усилился, и дороги обледенели. Большая часть пехоты теперь не была пригодна для сражения. И вдруг посреди хаоса, с севера, прибыла помощь.

14 января Гитлер приказал, чтобы армейский корпус «Великая Германия» из Восточной Пруссии присоединился к группе армий «А». Само собой

разумеется, корпус прибыл слишком поздно. Когда он выгружался из поезда в Лодзи, город был уже под огнем тяжелой русской артиллерии. Войска вступили в сражение с врагом почти немедленно после выгрузки из поездов.

18 января генерал фон Заукен, командир элитного танкового корпуса «Великая Германия», стоял в предместьях Лодзи, рассматривая заснеженные окрестности в полевой бинокль. Позади него город был обращен в бегство. Время от времени советские танки выдвигались ближе, и снежные вихри показывали, где падали их снаряды.

Фон Заукен очень хорошо знал, что его приказы – закрыть промежуток перед группой армий «А» – больше не имели смысла. Русские уже угрожали его тылу – если бы он не отступал без задержки, то был бы окружен. Но фон Заукен также знал об отчаянно тяжелом положении войск генерала Неринга. И таким образом он решил пойти на юго-запад и прибыть на помощь Нерингу.

Километр за километром войска фон Заукена прорезали путь через русское наступление. 22 января они достигли корпуса Неринга. Два командующих обменялись рукопожатиями на берегах реки Варты.

Но это был единственный сектор, в котором русских остановили. В других местах они двигались вперед без помех.

Генерал Петцель, военный окружной командующий городом Позеном, записал в своем дневнике:

«Начальник Генерального штаба имеет для нас только один ответ: «Мы ничего не имеем – помогайте себе сами!» Штаб-квартира корпуса подготовила дополнительные оборонительные сооружения вдоль вторых позиций. Силы корпуса состоят из одиннадцати батальонов, большинство из них – необстрелянные новички. Кроме того, семнадцать батальонов – из мужчин народной армии. С такими войсками оборона исключена. В лучшем случае мы можем поместить мужчин в некоторых ключевых пунктах. Наш единственный шанс в том, что некоторые из передовых

войск могут пробиться назад и присоединиться к нам. Но это случается слишком редко и обычно только после того, как дополнительные оборонительные сооружения уже разрушены. Русские врзаются всюду между ключевыми пунктами, окружают войска и уничтожают их...

Тревога в цитадели Позен утром 20 января. Гарнизон состоит приблизительно из десяти тысяч мужчин. Его ядро – школа офицеров, состоящая приблизительно из двух тысяч кадетов и лейтенантов пехоты.

Явное безумие использовать этот ценный материал для войск. Но нет никакого выбора – если оборона не брошена в целом. Остальная часть гарнизона – домовая оборона, команды скорой помощи, местная милиция».

Окружной руководитель Грэзер встретился с катастрофой лицом к лицу более внезапно, чем воображал в свой самый темный час. До 17 января было не слишком поздно для него взять ответственность и отдать спасительный приказ об эвакуации района Варты. Он имел и машины и власть, чтобы переправить немцев в безопасное место за пределами Одера. Как только это было достигнуто, он и его чиновники, возможно, все еще боролись и умирали, оставаясь верными своим словам о сопротивлении до последнего дыхания.

Но Грэзер не мог решиться. Генерал Петцель, военный командующий округом, убеждал опубликовать планы эвакуации. Но Грэзер цеплялся за пропагандистские обещания, которые ему дали. Он не мог поверить, что фронт рухнет, что Гитлер лгал. Он обращался к штаб-квартире фюрера, чтобы получить решение, – но не получил никакого ответа.

Наконец, 20 января, после длинной и мрачной беседы с генералом Петцелем, Грэзер решил приказать эвакуировать район Варты. Он сделал так только потому, что в полдень получил внезапный приказ от Гитлера, подписанный Борманом, немедленно прибыть в Берлин для консультации с секретной службой штаб-квартиры рейха. Грэзер интерпретировал этот приказ так, что он якобы разрешает эвакуацию.

Планы эвакуации, до сих пор сохраняемые в тайне, предусматривали отход в три этапа в западном направлении. Но полученный приказ затрагивал три зоны одновременно. Население западной зоны и большинство населения центрального района Варты пересекло немецкую границу в течение нескольких дней и со сравнительно небольшими потерями. Но колонны из восточной зоны, которые действительно избежали российских войск, нашли деревни и города вдоль своего пути покинутыми. Там, где они ожидали получить тепло и пищу для себя и своих детей, они нашли только холодные каменные плиты под очагом и поляков, уносящих награбленное добро. Оставшиеся в живых прибыли в Силезию в жестоко уменьшенном числе, привезя своих мертвых в фургонах.

Грэзер к шести часам вечера 20 января созвал свой штаб в последний раз.

Позен стал совсем другим городом. Генерал Петцель объявил осадное положение. Опасаясь и дрожа, немецкое население ждало грядущих событий. В прежние дни не меньше шестидесяти человек сопровождали Грэзера. Сегодня их было двадцать. Другие готовились к бегству или уже уехали тайком.

Грэзер вошел вскоре после шести часов. Он выглядел бледным и сломленным.

– Господа, – сказал он усталым голосом, – через день, самое большее через два дня русские будут в Польше.

Он смотрел над головами собравшихся. Одни или другие из присутствующих все еще ожидали услышать о «цитадели Позен» и «борьбе до конца». Но Грэзер только сказал:

– Я оставляю здесь незаконченным дело моей жизни. Мои корни в этой земле глубоки... Я оставлю Позен сегодня вечером. Приказ фюрера призывает меня в Берлин для выполнения задачи с секретной службой штаб-квартиры рейха. Мой представитель примет руководство районом.

Он добавил несколько слов благодарности и почти сразу уехал.

Наступила глубокая тишина. Наконец, послышался тонкий, шепелявый голос представителя:

– Все офицеры и штат оставят столицу округа к девяти часам сегодня вечером. Партийный руководитель Позена имеет приказы эвакуировать из города всех немцев к полуночи.

И в заключение мрачной сцены представитель установил порядок очередности распределения автомобилей и бензина. Бегство всего партийного руководства и их прощальный приказ гражданскому населению оставить город сразу вызвали панику.

Чиновники железной дороги в Позене делали все, что могли, чтобы обеспечить перевозку масс беженцев, которые прибыли с востока и заполнили станцию. Но их ресурсы заканчивались. Большая часть населения покидала город пешком, присоединяясь к колоннам, которые направлялись на запад через засыпанные снегом равнины, по пятам их преследовали русские. Новые колонны формировались в городе – в некоторые допускали только тех, кто был в состоянии пройти пешком 60 километров, – условие за пределами сил большинства. Оставшиеся, охваченные в Позене русским наступлением, увеличили беспорядок. Предложение вступить в сражающиеся подразделения было встречено равнодушно.

Вспыхнул грабеж. Некоторые из стариков и больных были оставлены позади – транспортные средства армии, партии и СС отказались везти их. Днем 21 января поступил обычный приказ Гитлера командующему цитаделью, генералу Маттерну, защищать Позен до последнего дыхания. 22 января колонны беженцев все еще выходили из города. Но даже после того, как монотонный стук их шагов и постоянные, приглушенные удары тысяч копыт стихли на улицах, обреченный город все еще был наполнен большим количеством немцев. Это были старики, больные, беременные женщины, дети – те, кто не

был достаточно силен для бегства в зимнее время, и те, кто родились здесь и не хотели оставлять свои дома.

Рано утром 22 января первые русские танки появились к югу от Позена. Штаб корпуса оставил город и передвигался на запад. Русские напали на город прежде, чем день был закончен. На следующий день они пересекли реку Варту. Далее на севере русские части двигались прямо на Кюстрин и Франкфурт-на-Одере, стреляя по колоннам беженцев, которые они настигли. Теперь ничто не разделяло их и реку Одер.

25 января Позен был окружен.

Генерал Маттерн, командующий цитаделью Позен, был тучным мужчиной лет около шестидесяти. Он больше не верил в победу. И все же издал следующий приказ дня: «Вражеское нападение на цитадель Позен началось. Позен будет защищен. Верный приказам фюрера и нашей военной традиции, он будет защищен до последнего человека. Наше сопротивление должно сломать и сломает нападение врага!»

Но его мясистая рука дрожала, когда он ставил подпись.

В осажденном Позене было много людей, которые все еще имели веру. Не разношерстная местная милиция, или разнородные наземные команды военно-воздушных сил, или отставшие, которые были собраны здесь и приданы новым частям. Не войска отделения штурмовых орудий без самих штурмовых орудий. Эти силы, изначально слабые или уничтоженные их недавним бегством, охватывали, как пояс, западную часть города. Но вера все еще была жива в двух тысячах кадетов, которые с частью местной милиции ждали нападения русских в восточных частях города. Они были неустрашимы, обвиняя за все прошлые катастрофы кого угодно, кроме человека в берлинской канцелярии. Несмотря на Сталинград, несмотря на весь опыт, они полагали, что осада будет снята. Вера жила и в их командующем, майоре Гонелле.

Первые русские артиллерийские снаряды взорвались в городе. Польское население, разрываемое между

надеждой, что немецкое правление закончилось, и опасением относительно неизвестного грядущего правления, уползло в подвалы, смешиваясь с немцами, которые остались в городе.

Несколько дней прошли, пока русский командующий закрепился к северу от города и стал разведывать немецкие линии. Затем началась атака. На юго-западе, в секторе войск военно-воздушных сил, русские прорвались с первой атаки и глубоко врезались в город. В подвалах первые немцы внезапно увидели дула русских автоматов. При помощи польских коммунистов русские стали выявлять немцев. В гарнизоне знали о судьбе соотечественников, которых вытащили из подвалов и перевели «на ту сторону», избитых, голодных, больных. О них забывали в ярости сражения, которое больше не являлось таковым, а было лишь убийством и разрушением.

Гиммлер, находясь в своем удаленном штабе, усмотрел в русском прорыве признак слабости генерала Маттерна. 28 января он освободил Маттерна от командования и назначил Гонелла, надеясь, что тот продолжит сражаться. Гонелл был повышен в звании до генерала. Маттерн предпринял оборону единственного переднего сектора.

Гонелл, уверенный, что скоро придет помощь, бросил лучшие войска и кадетов в шаткий фронт милиции и военно-воздушных сил. Они сражались с неподражаемым упорством и все же вынуждены были сдавать улицу за улицей. К 1 февраля большая часть города была ими оставлена.

Замок Позен, преобразованный в дополнительный госпиталь и наполненный ранеными солдатами, попал в руки к русским. За ранеными никто не ухаживал, и тяжелораненые испражнялись там же, где лежали. Распространилась дизентерия. Каждое утро приезжали похоронные команды, чтобы удалить мертвых, выбрасывая их прямо из окон.

День за днем кольцо сжималось вокруг Позена, где находился штаб Гонелла.

Генерал, в своем плохо освещенном бомбоубежище, больше не понимал, что от него ожидают. Он узнал, что не будет никакой помощи для Позена. Но Гиммлер категорически отрицал, что приказ бороться до последнего человека будет отозван и что будет предпринято наступление на западе.

О наступлении русских сообщали из всех районов города. Гарнизон мог в лучшем случае протянуть еще несколько дней. Гонелл, как ожидали, пожертвует всем гарнизоном. Он же не видел в этом никакого смысла. Ночью 15 февраля его вера в мир, для которого он жил, разломилась на кусочки. То, что он получил вместо этого в последние моменты, было, возможно, более драгоценным.

Ночью 16 февраля под свою ответственность Гонелл приказал всем частям к востоку от реки Варты, которая протекает через Позен, попробовать прорваться к немецким линиям фронта. Прежде чем приказ был отдан, Гонелл имел разговор с Маттерном, который убеждал его капитулировать. Но Гонелл знал, что немногие из его солдат пожелают сдаться прежде, чем попытаются прорваться. Приказ был сформулирован с большой заботой, чтобы защитить тех, кто действительно прорвался. После того как приказ был отдан, Гонелл сообщил в штаб группы армий, чтобы исключить сомнения, что он один нес за него ответственность.

В полночь войска силой в две тысячи человек собрались и двинулись для прорыва. Передвигаясь походным порядком в одной колонне через карьеры и по открытой местности, они прошли незамеченными вне русских линий.

Затем они рассеялись. Следующим утром, 17 февраля, русские увидели, что их противник исчез. Русские танки, моторизованная пехота и польская милиция открыли беспощадную охоту. Осадные силы русских сокрушили остатки германских войск к востоку от реки и замкнули кольцо вокруг цитадели.

С тех пор цитадель стала целью каждой русской полевой пушки в этом секторе. Самолеты сбросили захваченные немецкие бомбы. Проходы древнего замка были

заполнены солдатами. В его подземельях насчитывалось две тысячи раненых. Их стены теперь сотрясались от взрывов, и сводчатые потолки оседали. В подземных проходах были склады провианта и алкоголя, и многие солдаты использовали в своих интересах необъятность цитадели, чтобы избежать дальнейшей борьбы. Все больше солдат находили пьяными. Произошли первые самоубийства.

22 февраля Гонелл послал новый запрос Гиммлеру, испрашивая приказа для остальной части гарнизона Позена пойти на прорыв или получить свободу действий. Гиммлер не отвечал. В тот же самый день захваченный в плен немецкий майор возвратился с сообщением от русских, требующих сдаться. Требование сопровождалось угрозой, что, если оно не будет принято немедленно, все захваченные раненые немцы будут расстреляны.

Гонелл собрал всех офицеров, которых смог найти, информировал их о русском сообщении, о бездействии Гиммлера и затем дал свободу каждому немецкому солдату испытать свою удачу в прорыве в течение наступающей ночи. Затем Гонелл пошел в свое убежище, разложил на полу немецкий военный флаг, вытянулся на нем и пустил пулю в голову.

Некоторые из отчаянных солдат действительно пытались убежать. Но все неудачно. Каждый офицер, который был пойман при такой попытке, попал под русские автоматы.

Генерал Маттерн сдался с остальной частью гарнизона и ранеными. В то время как германских солдат собирали и освобождали от ботинок, часов, свитеров и даже брюк, Маттерну разрешили сохранить его меч. Его сопроводили к русскому командному пункту, где он был снят для русской кинохроники.

Русский оператор также снимал колонны немецких заключенных, – серые толпы несчастных шли через город в течение многих дней. Население забрасывало их камнями. Те, кто был легко ранен, продвигались; тяжело раненные оставались в цитадели. Возможно, они не надеялись на что-либо хорошее, но никак не ожидали

огнеметов, с помощью которых избавлялись от большинства из них.

Оставшиеся в живых прошли. Они оставили позади генерала Маттерна, который пошел в тюрьму, некоторых из своих товарищей, которые убежали в самые глубокие ниши этой цитадели и появились из темноты после многих недель, чтобы быть пораженными слепотой. Оставили позади немецких женщин и прошли в заточение.

Дальше на юг войска Конева продвигались без проволочек. Его танковые армии, задержанные боями с отступающими танковыми корпусами Неринга и фон Заукена, неуклонно рвались вперед. 19 января они пересекли германскую границу и вошли в Силезию, ведя перед собой массы беженцев.

20 января генерал Шёрнер прибыл в штаб группы армий «А», чтобы принять командование. Его считали человеком, который пользовался полным доверием Гитлера. Он стал образцом национал-социалистической части корпуса немецких офицеров.

Хотя Шёрнер не был стратегическим гением, он имел твердую хватку в военных делах. Но он полностью перепоручил руководство операциями начальнику своего штаба и сделал себя исключительно «комиссаром воли к победе», «комиссаром борьбы до последнего вздоха». Его девизом были слова «Сила через страх». Он усовершенствовал систему террора и осуществлял ее с безжалостной страстью. Шёрнер знал, что, как только он сделает наказание за отступление страшнее врага, его цель будет достигнута. Когда смерть позади линий стала постоянным явлением, а стычка с врагом еще оставляла шанс выжить, даже унывающий и опустошенный уже не имел никакого выбора.

Шёрнер подошел к своей задаче, используя в своих интересах веру в Гитлера, которая все еще была у большинства солдат и младших офицеров. Он лелеял понятие близости Гитлера обычному человеку. Сам Шёрнер прилагал все усилия, чтобы появиться один на один со своими солдатами. Сначала это отношение,

возможно, было подлинным, но оно не было подлинным теперь. Однако его люди, изолированные пропагандой, окруженные многими жалкими представителями слишком быстро увеличившегося корпуса офицеров, были готовы верить ему, готовы приписать каждое поражение слабости и предательству.

Днем и ночью Шёрнер бродил по тыловой зоне, гоня вперед финансовых и штабных офицеров, осуждая водителей, которые не имели путевого листа, и распространяя страх любыми средствами, имевшимися в его распоряжении. Он объявлял приговор на месте, без расследования. Он преднамеренно действовал беспорядочным способом: неуверенность увеличила эффект от его террора.

Вскоре после того, как Шёрнер принял командование, бронированное острие Конева появилось к востоку от Бреслау, на Одере, и достигло реки приблизительно в 60 километрах к северу от города. Шёрнер только что начал строить защитные земляные укрепления вдоль реки. Но его разношерстные силы – части, полиция, мужчины из народной армии и остатки фронтовых войск – не могли воспрепятствовать Коневу пересечь Одер и организовать плацдарм в Штейнау, в 60 километрах от Бреслау вниз по течению и в самом сердце Силезии.

Окружной руководитель Силезии Ханке в Бреслау верил в победу просто потому, что поражение означало бы конец его самого и всех его устремлений. По той же самой причине он почти до последнего сопротивлялся приказу эвакуироваться. Он возложил свои надежды на Шёрнера и на чудо, что Шёрнер не опустит руки.

Многочисленные разведывательные поездки дали Ханке достаточную возможность увидеть переполненные поезда, часто с людьми, едущими на крышах, и открытые грузовые вагоны, заполненные несчастными женщинами и детьми. Он видел бесконечные колонны людей, передвигающихся пешком или на санях, тянущих имущество на телегах, колясках и перевернутых столах. И

все же только 20 января он отдает приказы об эвакуации силезских районов вдоль восточной границы.

После встречи на берегах Варты Неринг и фон Заукен пробивали свой путь на запад к Одере. XXIV танковый корпус Неринга только что достиг реки рядом с Глогау, а фон Заукен продвигался, когда Конев организовал плацдарм на Одере в 30 километрах вверх по течению от Глогау.

Неринг, возможно, напал бы на русский плацдарм с севера и помешал бы ему расширяться слишком быстро. Но его войска уже не были достаточно сильны, чтобы отбросить русских назад. Возвращения Шёрнера и террор не были в состоянии поднять силы, которые могли бы удержать фронт вдоль реки.

12 февраля Глогау был окружен советскими войсками. Возможно, тридцать тысяч населения убежали в последний момент. Три тысячи других оставались вместе со слабым гарнизоном под командованием полковника графа Ойленбурга. Они были больными, старыми, нерешительными. Так же как и в Позене, вспыхнуло кровопролитное сражение, которое закончилось только в первые дни Пасхи после того, как Глогау был стерт с лица земли.

Несколько дней спустя коммуникации с Бреслау также были отрезаны, и столица Силезии осталась островом, окруженным русским наводнением.

Когда танки Конева пересекли границу Силезии, ее столица – Бреслау насчитывала почти миллион жителей. Окружной руководитель Ханке никогда не допускал никакого сомнения, что он серьезно отнесся к назначению Бреслау цитаделью. В этом городе он намеревался, по крайней мере, осуществить свою мечту о защите Силезии.

Ханке начал поспешные приготовления к осаде. Он решил вытеснить массы гражданских жителей, потому что они будут препятствовать обороне. Раньше он медлил с эвакуацией, теперь же принялся за нее с безжалостной энергией. Каждый партийный чиновник был мобилизован,

чтобы получить сотни тысяч перемещающихся гражданских жителей. С 20 января громкоговорители гудели на засыпанных снегом улицах: «Женщины и дети оставят город пешком, направляясь в сторону Канта!»

20 января температура упала до двенадцати градусов ниже нуля. В некоторых местах лежал снег глубиной до полуметра. Река была покрыта твердой коркой льда. Режущий ветер дул с востока.

Среди женщин и детей, которые оставили Бреслау тем днем, была жена Рудольфа Ханиша, мастера магазина. После многих мытарств она достигла города Штригау в 53 километрах к юго-западу от Бреслау. Оттуда она написала письмо своей матери.

«Штригау, 29 января 1945 г.

Дорогая мама, я пишу Вам отсюда и надеюсь, что Вы получите это письмо, несмотря на все, что происходит. Я нахожусь в дополнительном госпитале. Лежу на полу. Завтра я должна идти дальше, потому что русские скоро доберутся сюда. Пожалуйста, мама, не расстраивайтесь, но я не принесу с собой Габи, и моя рука отморожена. Если бы она не была отморожена, то, возможно, я продолжала бы нести Габи.

Я не могла нести ее после того, как она умерла. Но я не могла найти для нее гроба; никаких гробов нигде не осталось. Не в силах выдержать этого больше. Я обернула ее и положила в глубокий снег около дороги с этой стороны Канта. Габи не будет там одна, потому что тысячи женщин с детьми были на дороге со мной, и все они клали мертвых в канавы у обочины, где они не могли быть повреждены фургонами или автомобилями. Габи умерла внезапно. Я уверена, что хорошо завернула ее в два одеяла. Но Вы знаете, ей было только четыре месяца. Даже дети в возрасте двух и трех лет умирали по пути. Было ужасно холодно, и ветер походил на лед, снег падал, и не было ничего теплого, чтобы поесть, никакого молока и ничего. Я пробовала дать Габи грудь, но она не брала ее, потому что было холодно. Многие женщины поступали так же, и некоторые отморозили груди. Это ужасно, у них

были нагноения. А многие подхватили пневмонию. Некоторые из них находятся здесь в больнице, бредят о Бреслау и своих мужьях и детях. Есть женщина с нашей улицы. Она потеряла всех своих троих детей.

Это было ужасно, и я не хочу идти по той дороге снова. Мы вышли 20 января, днем, было уже почти темно. Рудольф вынужден был уйти внезапно накануне ночью. Они пришли в середине ночи, чтобы забрать каждого для народной армии. Рудольф взял с меня слово, что я возьму Габи и пойду к Вам, а не останусь в Бреслау из-за русских и всего, что они делают с женщинами. Он сказал, что никогда не перенес бы, если бы это случилось со мной.

У меня не было саней, и я не могла позаимствовать их, потому что нуждался в них каждый. Таким образом, я взяла Габи, одеяла, рюкзак и некоторые вещи, в которых мы нуждались больше всего, а также порошковое молоко и бутылку, полагая, что смогу найти место, где сумею подогреть его. Когда мы выбрались на улицу, женщины уже шли отовсюду с санями и колясками, и я подумала: плохо, что мы не смогли получить коляску побольше. Но большинство из них должны были позже оставить коляски, потому что не было сил тащить их по снегу.

Когда мы вошли в предместье, толпа женщин стала больше. Некоторые из нас собрались в группы в надежде помочь друг другу, поддержать друг друга.

Все, что можно было увидеть, – женщины, дети и автомобили. Некоторые из автомобилей подбирали женщин, но мне не повезло.

Затем пошел снег. Женщины, которые несли своих детей и имели, кроме того, узлы и сумки, стали выбрасывать вещи, потому что не могли их нести. Моя рука стала замерзать на морозе. Таким образом мы шли в течение многих часов, пока не достигли Канта. Там я увидела первых мертвых детей, в канавах и даже в сквере. Женщины сидели прямо в снегу перед домами, отдыхая. Я стучала в дома, надеясь найти кого-либо, кто позволил бы мне согреть молоко для Габи. Но мне опять не повезло. Некоторые женщины получили шанс. Но когда я стучала, никто не выходил, и

окна оставались темными. Я села в снег на мгновение. На дороге были тысячи и тысячи женщин, и они все продолжали прибывать. Они выбрасывали все больше вещей, потому что не могли идти с ними дальше. После получаса отдыха я продолжила путь.

В следующей деревне я попробовала еще раз войти в дом, стучала, но никто не ответил, только лаяли собаки. Я считала деревья у дороги и тыкалась от одного дерева к следующему. Некоторые женщины пробовали сесть на свои сани отдохнуть, но холод затягивал их, а те, кто просто остался там, возможно, замерзли до смерти с детьми. Я видела многих, сидевших прислонясь к деревьям; иногда взрослые дети стояли около них, плача. Любовь матери сильна, но в этом случае мы были слабыми существами.

Габи кричала в течение нескольких часов, но что я могла сделать? Я прошла еще несколько деревень. Мы стучали, стучали и кричали. Лишь редких счастливиц приняли. Многие из женщин настолько обезумели, что разбивали окна снежками. Все же это не помогало нам. Люди, которые были настолько жестоки, получают свое наказание. Затем я попробовала дать Габи грудь. Но она не брала ее. И молоко в бутылке походило на лед, хотя я держала его в одеяле у моего тела. Я держалась спокойно в своем страдании, иногда готова была лечь и умереть, но затем подумала о Рудольфе и о вас обоих. Моя рука перестала сжиматься. Я видела мертвых детей. Некоторые из женщин даже оставили живых детей, спасая себя. Все мы шли, шатаясь, вперед. Ветер был ледяным, и я больше не чувствовала своих ног.

Я добралась до какой-то большой фермы, наконец-то здесь нашлись люди, которые имели сердце, они открыли все комнаты, и многие из нас смогли немного отогреться и согреть молоко для детей. Но когда я развернула Габи, радуясь, что теперь смогу накормить ее, она лежала очень тихо, и женщина рядом со мной сказала: «Да ведь она уже мертвая».

Я не знаю, что еще написать, мама. Я не хотела оставлять Габи. Я пошла с ней. Человек совершает сумасшедшие поступки при таких обстоятельствах. Затем силы покинули мою руку. Я попробовала нести в другой руке, но силы покинули и ее. Именно так это случилось.

Наконец, я поймала автомобиль с солдатами, которые почувствовали жалость ко мне. Некоторые из женщин должны были пройти весь этот путь.

Пожалуйста, не сердитесь на меня, мама, из-за Габи. Только подумайте, прошли бы Вы этот путь по снегу? Возможно, Вы поймете, и, возможно, Рудольф поймет также, если он когда-либо выйдет из Бреслау и я увижу его снова».

С 24 января русская артиллерия стояла менее чем в 30 километрах к востоку от Бреслау. Колонны несчастных русских военнопленных и еще более несчастных обитателей концентрационного лагеря, которые работали в Бреслау, шли на запад. Они прошли почти незамеченными через наводнение страха, которое охватило город. Но на мгновение, возможно, их появление сняло завесу, которая скрывала их страдание от большинства немцев, а солдаты или гражданские лица увидели злые корни этой войны.

16 февраля кольцо вокруг Бреслау сомкнулось. В то же самое время тяжелая промышленность Силезии попала в руки русских.

63-я советская армия из группы армий Конева привела в Силезию множество бывших немецких солдат, которые были приданы большинству русских частей. Это были мужчины, взятые в плен и позже присоединившиеся к Национальному комитету за свободную Германию, организованному бывшим коммунистическим представителем Вильгельмом Пиком и некоторыми из захваченных немецких генералов. Возможно, они присоединились из-за разочарования в Гитлере, возможно, чтобы избежать ужасных условий в российских лагерях для военнопленных.

Некоторые из этих мужчин прошли подготовку в антифашистских школах. Затем они были приданы русским наступающим частям, чтобы служить пропагандистами перед немецкими войсками. Их называли «фронтовыми представителями».

Одним из них был представитель Зан. После своего спасения он написал следующее донесение о событиях в Верхней Силезии:

«После того как мы вошли в Верхнюю Силезию, в Бойтен и другие города, я впервые увидел воззвания советских военных комендантов:

«Все граждане мужского пола в возрасте между 17 и 60 годами сообщают о себе в полицию в течение 48 часов, чтобы отбывать трудовую повинность позади линии фронта. Они берут с собой две смены нижнего белья, одно одеяло, соломенный тюфяк, если возможно, удостоверение личности и пищу на 10—15 дней. Отказавшиеся выполнять этот приказ будут иметь дело с военными трибуналами.

Военный комендант (подпись)».

В других секторах немецкие гражданские жители были эвакуированы или обратились в бегство, но в Верхней Силезии осталось почти все население. Мужчины, которые не сообщили о себе, были окружены солдатами с винтовками. Так как русские солдаты, которые собрали их вместе, меньше интересовались бумагами, чем количеством, они часто не взирали на возрастные пределы. Они взяли всех мужчин, мальчиков десяти лет и мужчин семидесяти лет. Регистрация состояла из быстрой переключки. Страстные протесты некоторых немцев, утверждающих, что они были коммунистами, просто игнорировались.

Я спросил советского офицера, что ожидает этих мужчин. Он сказал мне, что они будут удалять противотанковые завалы и дорожные блоки и хоронить мертвых.

Позже я узнал, что облава на мужское гражданское население была частью общего плана по удалению всех

здоровых немцев во внутренние области России для принудительных работ.

Был поразительный контраст между этим хорошо спланированным действием, осуществленным согласно ясным директивам, и, по-видимому, неорганизованными, дикими аппетитами офицеров и солдат Красной армии к собственности оставшихся немцев. Казалось, что сам дьявол вошел в Силезию. «Монгольское варварство азиатских равнин» было явлено не в пропагандистской фразе, а во плоти. С января по апрель там бушевал, по-видимому, незапланированный режим грабежа, насилия и убийства. Каждый немец был жертвой, вся немецкая собственность – добычей. Казалось, что русские забыли составить планы для этой фазы войны, что было огромным упущением. Командиры Красной армии и советские военные коменданты оказались без каких-либо директив для восстановления нормальной жизни. И немцы были беспомощны.

Таким образом, немецкое население было оставлено в руках миллионной армии, которая прошла по трупам и через разрушенные города от Сталинграда до Польши, через половину Европы. Но более всего поражает то, что систематическая, неустанная пропаганда внедрила в головы этих миллионов безжалостную ненависть к немцам. Невозможно переоценить воздействие такой пропаганды на калмыков, татар, кавказцев, сибиряков, большинство из которых были простыми людьми. Среди опасностей и бедности их существования у себя дома они привыкли ценить жизнь более низко, чем представители западных наций, и затем были отданы пропаганде, которая в течение трех лет твердила с возрастающей назойливостью: «Немцы – фашисты. Фашисты – дикие звери. Они должны быть убиты!» В течение трех лет советское радио барабанило монотонно: «Убейте немецких фашистских захватчиков!» В течение трех лет кричали заголовки каждой газеты и каждого периодического издания: «Убейте немецких фашистских захватчиков!»

Даже самые дисциплинированные войска в мире не могли бы не поддаться воздействию. И три года такой пропаганды не могли быть отменены за несколько дней.

Но то, что воздействие этой пропаганды использовалось для выполнения предвзятого плана, останется одним из самых серьезных обвинений против Советского Союза. События на правом берегу Одера не были только многими несвязанными действиями ярости и мести; они были хорошо спланированной операцией с целью вытеснить немцев и похитить их собственность.

Красная армия преднамеренно воздерживалась от организации административной структуры. Было решено, что этот сектор будет отделен от Германии навсегда и захвачен просоветской Польшей. Было решено, что Польша должна иметь землю – но как можно меньше собственности на ней. Соответственно, склады для хранения добычи были установлены в каждом городе и деревне Силезии. В конце апреля, когда проходил через некоторые деревни рядом с Глогау, я нашел, что даже перекрытия, двери, дверные коробки, окна, слесарный инструмент и электрические провода были удалены из зданий. Весь этот материал был аккуратно сложен, готов к транспортировке в Россию. Электрическое и телефонное оборудование, между прочим, часто загружалось лопатами – таким простым был подход к делу.

При этих обстоятельствах понятно, что большинство советских военных комендантов мало волновало поведение их войск.

Как только главная линия фронта вышла за пределы общины и было установлено военное правительство, гражданским жителям, которые остались или теперь возвращались назад, было приказано покинуть свои дома. Они не должны были брать с собой собственность. Мужчины были выделены, как я уже описал. Женщины, дети, больные, калеки и пожилые люди были согнаны в одно или два здания. Исключения были сделаны только там, где имелся домашний скот, за которым следовало присматривать. Немного позже рогатый скот и лошади,

которые не были убиты на месте для использования Красной армией или грабителями, были угнаны специальными отделениями. Огромные стада пересекали Польшу, идя в Россию, многие животные погибли в пути.

Но независимо от того, что было сделано с материальным богатством страны, обработка тел и умов гражданских жителей оказалась в тысячу раз хуже. Денацификация была радикальной. Как только мужчины были окружены, появились русские политработники и стали спрашивать о фашистах. Если при этом выяснялось, что человек или являлся, или обвинялся в том, что был простым помощником нацистской Организации благосостояния, его расстреливали. Позже следовало дальнейшее просеивание в подвалах или в лагерях с любым видом насилия.

Тем временем, ожидая прибытия польских властей, которые задерживались, женщины и дети, независимо от их состояния, были отобраны для самой тяжелой работы: удаления мин, просеивания щебня, рытья могил и похорон. Но безусловно, худшей вещью для женщин и девочек было постоянное изнасилование. То, что случалось, граничит с безумием, и если кто-то заговорит об этом, то его заподозрят в выдумывании ужасов. В Шидлове, к юго-западу от Оппельна, я однажды видел, что приблизительно двадцать красноармейцев стояли в очереди перед трупом женщины в возрасте за шестьдесят лет, которая была изнасилована до смерти. Они кричали, смеялись и ждали удовлетворения. Это было самое ужасное зрелище, которое я когда-либо видел.

Происшествия подобного рода вскоре приняли столь массовый характер, что заставили содрогнуться многих советских офицеров. Более интеллектуальные и беспристрастные из них, возможно, поняли, что такое поведение опустошало их победу, что такие преступления будут всегда стоять на пути понимания с немцами.

Никто не мог сказать, сколько миллионов людей с середины января сбежали из своих домов в районе Варты, «генерал-губернаторстве» и Силезии. Даже приблизительные оценки были невозможны. Можно было

только предположить возможности этого перемещения наций, смотря на дороги и поезда, деревни и города в Саксонии, Судетских горах и Богемско-моравском протекторате. Здесь искали убежище караван за караваном людей, шедших через холод и снег, через мороз и оттепель и новый мороз. И затем, 13 и 14 февраля, крупномасштабный британский и американский воздушный налет поразил это перемещение. Он точно поразил то место, где массы людей думали, что будут, наконец, в безопасности: город Дрезден, столицу Саксонии.

Мутчман, окружной руководитель Саксонии, отдал приказ, что поезда и колонны беженцев с востока должны были двигаться в обход столицы. Несмотря на этот приказ, железнодорожная станция в Дрездене была забита поездами с беженцами ночью с 13 на 14 февраля. Колонны стояли на улицах и на лугах, у Эльбы.

Число беженцев в пределах города нельзя было оценить с какой-либо точностью. Но население Дрездена насчитывало семьсот тысяч человек. Город не имел противовоздушной обороны, потому что Гитлер приказал всем зенитным частям уйти к Одру.

Первая волна тяжелых британских бомбардировщиков приблизилась между девятью и десятью часами ночи со стороны Голландии. Между 22.09 и 22.35 они сбросили приблизительно три тысячи высоко взрывчатых бомб и четыреста тысяч боевых зажигательных средств на полностью неподготовленный город. Бомбежка была хорошо спланирована. Бесчисленные зажигательные бомбы поджигали большие сектора города, особенно в старых кварталах. Жестокий красновато-желтый отблеск сиял на улетавших самолетах.

Целые городки были уничтожены. Горящих зданий и руин так много, что с огнем не могли справиться ни пожарные, ни чрезвычайные команды. Спасательные команды были посланы из Берлина, Лейпцига и Галле. Преодолев обледенелые шоссе, они достигли города и вошли в него, как только смогли. Команды состояли из мужчин,

закаленных в огне сотен пожаров, видевших тысячи мертвых и раненых с 1943 г. Но то, что предстало их взорам теперь, заставило их содрогнуться.

Все же это было только началом. Вскоре после полуночи сообщили о новых формированиях самолетов, приближающихся с нескольких направлений.

В 1.22 14 февраля следующая волна самолетов появилась над городом и сбросила приблизительно пять тысяч высоковзрывчатых веществ и двести тысяч зажигательных средств. Эта вторая волна, ориентируясь по пламени горящих областей, должна была сбросить свой груз в темные пятна, чтобы закончить разрушение. Бомбы упали в толпы, которые выбежали из уже пылающих частей города. Разрушающиеся здания, особенно по оси восток – запад, которая когда-то проходила через весь город, перекрывали улицы и отрезали пути к спасению. Десятки тысяч людей сгорели заживо или задохнулись. Огненная буря породила всасывание настолько мощное, что в некоторых местах оно втянуло взрослых людей в огонь.

Третий авиарейд около полудня 14 февраля завершил результаты предыдущих налетов. Две тысячи высоко-взрывчатых веществ и пятьдесят тысяч боевых зажигательных средств было сброшено на город, который уже лежал в руинах.

Точное число жертв никогда не было определено. Большие части прежнего города оставались недоступными в течение долгого времени.

В подвалах трупы находились в таком состоянии, что было невозможно отделить их. Не было никакого выбора, кроме как полностью разрушить их огнеметами. В резервуарах с водой на улицах, установленных для защиты от распространения огня, плавали тела тех, кто бросился в воду, когда их одежда была в огне, и утонул. Луга Эльбы были усеяны трупами беженцев, которые погибли под пулеметами низколетящих самолетов-истребителей союзников.

Большая часть трупов в городе были голыми. Огненная буря сорвала их одежду. Они были красными и раздувшимися от высокой температуры. Железнодорожная станция была опустошена. В ее цокольном этаже оказалось две тысячи мертвых. Они задохнулись и теперь плавали в воде, которая вытекла от сломанной магистрали и затопила станцию. На кладбищах вокруг города были использованы экскаваторы, чтобы рыть могилы, в которых были погребены восемнадцать тысяч мертвых. Шесть тысяч других, от некоторых из них остались только части, были кремированы на решетке, которая была построена в выгороженной специально для этого части в центре города. Скоро подсчет велся только по числу найденных голов. Шестидесят пять процентов из тех, кто был найден, нельзя было идентифицировать.

К 1 апреля двадцать девять тысяч жертв были убраны. Но еще десять – пятнадцать тысяч, как оценивали, все еще оставались под щебнем.

Сообщения и слухи о событиях в Дрездене бросают темную тень на поведение союзников. Союзнические военно-воздушные силы напали на одну область. Это означало только одно: целеустремленное истребление. И еще сильнее вселяло в немцев ту дикую надежду на обещанное фантастическое чудо, которое принесет победу и спасение, несмотря ни на что, если только очень ждать его.

В Нижней Силезии Конев продолжал наступление. Его войска захватывали один город за другим. Позади русских линий фронта цитадели Глогау и Бреслау начали смертельную борьбу. Несмотря на все обещания, им так и не пришли на помощь.

1 февраля генерал Шёрнер отозвал командующего цитаделью Бреслау и послал генерала фон Альфена вместо него.

Фон Альфен принял участие в отступлении с фронта на Висле. Он видел сражение с русскими бронетанковыми войсками, имел вполне достаточные возможности изучить русскую тактику и в сражении и в захвате. Он показал

себя достойным во многих трудных ситуациях. Шёрнер взял его как человека, который защитит Бреслау без отступления.

В докладе о своих действиях в Бреслау фон Альфен написал: «Для защиты Бреслау мы имели некоторое число ужасно организованных батальонов и батарей и приблизительно пятнадцать тысяч плохо вооруженных войск народной армии. Гражданское население все еще насчитывало двести пятьдесят тысяч. Ситуация с поставками изменилась. Пищи было вполне достаточно, потому что Силезия служила национальным складом. Но оружия и боеприпасов оказалось совершенно недостаточно. Транспортировка была в полном беспорядке. Грузовые сортировочные станции заполнены оставленными поездами. Грузовики двигались беспорядочно. Угля было достаточно до конца марта. Однако не было никаких фортификационных укреплений, кроме нескольких маленьких пехотных укреплений, относящихся к 1914 г.»

В то же время среди немецких активов в конце февраля было желание войск и гражданского населения удержать Бреслау. В то время, когда окружение стало полным, была дана официальная информация в Бреслау о том, что ситуация на Западном фронте стала намного более устойчивой, что надвигалась передача значительных сил с запада в Силезию и Померанию и что готовилось начало решающего контрнаступления, чтобы взять русских в широкий двойной охват и уничтожить их посредством нового оружия. Люди в Бреслау в то время не могли видеть, что эти коммюнике не соответствовали действительности.

Немедленно после окружения Бреслау Шёрнер обещал организовать по воздушному пути адекватную поставку боеприпасов. Владение аэропортом в пригороде Гандау и его содержание, таким образом, стало критическим для защиты города. Строительство дополнительной посадочной полосы было начато на так называемом Фризском Лугу, но еще не было закончено.

Русский фронт так близко подошел к аэропорту Гандау, что любое приземление там в течение дня было невозможно. Погода и возросшая сила русских зенитных батарей скоро сделали приземление грузовых воздушных судов трудным и сомнительным даже ночью. Кроме того, было недостаточно грузовых воздушных судов и должны были выручить самолеты-истребители. Но самолеты-истребители из-за высоких скоростей приземления и старта не могли использовать аэропорт и должны были сбрасывать свой груз на парашютах. Сбор боеприпасов, сброшенных на парашютах, занимал время. Часть сброшенного попадала в реку Одер или даже на вражескую территорию. Поставки боеприпасов были скудными.

Враг напал без задержки. Горячие бои происходили в южной части города. Об упорстве защитников говорит то, что русским потребовались десять дней – с 20 февраля до 1 марта, чтобы проложить путь в город глубиной два с половиной километра. Уличные бои были сильными и упорными. Русские сначала поджигали угловое здание квартала боевыми зажигательными средствами всех видов. Когда огонь вытеснял защитников, их ударные войска, несущие оборудование, гасящее огонь, овладевали угловыми зданиями. Таким образом они продвигались вперед шаг за шагом. Приходилось тоже поджигать здания, чтобы они не достались врагу. В одной области, где оборона была достаточно крепка, сожгли дотла все важные здания. Эта мера оказалась особенно обременительна для населения. Но это не имеет никакого отношения к тому, что окружной руководитель Ханке позже назвал «пустыми пространствами».

Как только враг вошел в южную часть города, магистраль коллектора более 1,8 метра высотой следовало заблокировать.

К концу февраля обстрелы и воздушные бомбежки городских секторов, не расположенных непосредственно в зоне сражения, увеличивались день ото дня. Нехватка боеприпасов сделала нецелесообразной стрельбу по самолетам.

В конце февраля русские преуспели в пропаганде и начались серьезные беспорядки среди гражданского населения. Сразу после утренних последних известий немецкого имперского радио и на той же длине волны поступило следующее специальное сообщение для Бреслау: «Люди Бреслау! Час освобождения пришел. Две проверенные в бою танковые дивизии прорвались через русское окружение на юге города. Торопитесь на юг, встречайте ваших освободителей!» Этому сообщению поверили даже многие чиновники. Только в последний момент удалось предотвратить массовое перемещение на юг, в военное заграждение русских.

В начале марта северный сектор русских войск, никак не заявлявший о себе до тех пор, перешел в наступление. Хотя эти атаки были отражены, они серьезно подорвали резервы обороны, которая нуждалась в боеприпасах и пополнении. Но Шёрнер посылал приказы вместо боеприпасов. Один из его последних приказов звучал так: «Число уклоняющихся принимает тревожные размеры. Соответственно, каждая часть ежедневно должна установить линию, за которую ни один солдат не может пройти без письменного разрешения. Те, кто будут найдены за этой линией без таких разрешений, будут расстреляны на месте старшим по званию». Этот приказ означал организованное убийство. В Бреслау ему не последовали.

Вечером 6 марта генерал Нихофф без объявления прибыл в аэропорт Гандау. Он сообщил фон Альфену о том, что Шёрнер назначил его, Нихоффа, новым командующим цитаделью. Фон Альфен должен был без задержки возвратиться самолетом, чтобы «дать отчет о его обороне в Бреслау».

Темное облако неудачи и позора парило над головой генерала Нихоффа. Он командовал дивизией в 1-й танковой армии в Верхней Силезии. Группа национал-социалистически настроенных офицеров обвинила его в личном недостойном поведении, и, хотя обвинение было полностью необоснованно, Шёрнер принял его сразу и освободил Нихоффа, несмотря на протест штаба корпуса и

армии, одним из оскорбительных способов, которые он так любил.

Только настойчивость командующего 1-й танковой армией заставила Шёрнера провести расследование. Оно показало, что не было никакого основания для действий против Нихоффа. И тем не менее Шёрнер с присущей ему мстительностью послал его теперь на пост, который означал верную смерть. Шёрнер оценил тот факт, что Нихофф имел пятерых детей. Обязанности перед большой семьей могут ослабить человека, но они также делают его послушным. Шёрнер уволил Нихоффа с выразительными инструкциями: «За неудачу в Бреслау вы поплатитесь головой. Я ожидаю самого близкого и самого эффективного сотрудничества с окружным руководителем». Шёрнер также дал Нихоффу слово, что осада будет снята, и приказал, чтобы он без задержки передал эти новости населению Бреслау.

Нихофф принял командование. Он поверил обещаниям Шёрнера и довел их до сведения населения. Таким образом, в течение нескольких недель он оказался в положении обманутого обманщика, человека, собственная вера которого рушилась, но он был настолько глубоко связан с машиной Шёрнера – Ханке, что не мог покончить с этим.

За день до прибытия Нихоффа в Бреслау Ханке сообщил Гитлеру, что город, «освобожденный от всего мертвого груза», выстоит до окончательной победы.

В Бреслау тем временем продолжалось строительство нового аэропорта. Участок, который был выбран, лежал посреди жилого сектора. Прокламация от 7 марта, названная «Трудовая обязанность каждого жителя Бреслау», обеспечила необходимые трудовые ресурсы, призывая мальчиков десяти и девочек двенадцати лет и угрожая немедленной расправой любому, кто вздумал бы не повиноваться. Мужчины, женщины и дети, собранные чиновниками, работали вместе на посадочной площадке, разрушая каждое здание и увозя на тачках обломки, пока не расчистили территорию. Они работали под огнем

русского полевого оружия и под бомбежками русских самолетов.

Государственные архивы со всеми отчетами и рукописями были взорваны. Даже большая университетская библиотека находилась под угрозой разрушения, пока, в середине марта, не был разработан план превратить ее подвал в чрезвычайный штаб для окружного руководителя Ханке. Избавиться от пятисот пятидесяти тысяч книг оказалось делом проблематичным. Они не могли быть сожжены из-за опасности распространения огня. Они не могли быть свалены в реку Одер из-за опасения, что заторят шлюзы. Наконец, книги были свалены в церкви Святой Анны и в университетском ресторане. Там 11 мая, спустя четыре дня после того, как Бреслау был сдан, они были уничтожены огнем, который все еще бесконтрольно бушевал в городе.

И вот уже вскоре русское оружие ревело без остановки со всех направлений, и русские самолеты вели разведку, низко пролетая над улицами. Ночь за ночью тяжелые бомбардировщики гудели наверху, а по утрам улицы были заполнены испуганными людьми, ищущими новое убежище.

Водоснабжение вышло из строя в большинстве частей города. На юге продолжались уличные бои. Ханке приказал снести ряды кварталов, чтобы создать безлюдное пространство между противостоящими силами. Таким образом и возникли те бесполезные пояса, названные «пустыми пространствами», где крысы питались телами оставленных мертвых.

Русские приближались с запада, на востоке бои уже достигли предместий. Обстановка в городе стала невыносимой. Зловоние коллекторов вырывалось через взломанные тротуары. Стаи крыс появлялись ночью, вторгаясь в уцелевшие квартиры и подвалы. На некоторых улицах воздух с запахом трупного разложения отравлял дыхание.

Законность и общая этика рушились, несмотря на драконовские меры, предписывавшие соблюдать

дисциплину. Грабежи повторялись ночь за ночью. Ханке пробовал остановить грабеж щедрым распределением продуктов и алкогольных напитков, но потерпел неудачу. Даже представители воюющих сторон, не говоря уже о чиновниках самого Ханке, стремились в последний раз вкусить удовольствия, которые предлагала жизнь.

Однако работа и борьба продолжались. Большинство населения Бреслау надеялось, что помощь придет, что не все потеряно, что Гитлер имеет в запасе сюрпризы, которые вызовут поворот в ходе войны. Час заключительного отчаяния или восстания еще не наступил.

Глава 3

Шторм над Восточной Пруссией

Катастрофа поразила Восточную Пруссию так же внезапно, как она разразилась над районом Варты и Силезией.

13 января 1945 г. был ясный и морозный день. Земля, крепко замороженная под тонким слоем снега, облегчала передвижение танков. Равнинная местность с редкими лесами не создавала никаких естественных препятствий для русских бронетанковых войск, которые, после сокрушительной артподготовки, были брошены на немецкие позиции.

Советские войска, атаковавшие 3-ю и 2-ю армии, имели более чем десятикратное превосходство. На севере атака была нацелена на Кенигсберг, столицу Восточной Пруссии. На юге наступление продвигалось на Данциг. Германская 4-я армия и большая часть Восточной Пруссии должны были быть замкнуты в гигантских клещах.

В течение нескольких дней советские войска на севере отбросили назад 3-ю танковую армию и достигли шоссе, ведущего к Кенигсбергу, в 120 километрах восточнее столицы. Северное крыло 4-й армии было втянуто в тяжелые бои и вскоре охвачено с фланга. Только восточнопруссские танковые дивизии удерживали свои позиции в отчаянном бою.

Население не бежало, пока фронт не был разорван, и отступающие части немецких тыловых эшелонов промчались через города и деревни. Колонны беженцев на каждой дороге, каждом шоссе смешивались с остатками побитых войск. Снова гражданское население оказалось в зоне сражения.

Еще большая трагедия случилась на юге Восточной Пруссии. За несколько дней она охватила почти все население этого сектора и многие тысячи людей, которые были эвакуированы сюда из пораженных воздушными налетами городов Германии. Она унесла жизнь по крайней

мере пятисот тысяч человек. 14 января фронт 2-й армии на реке Нарев рухнул под русским наступлением. В пределах десяти дней русские бронетанковые колонны, сопровождаемые моторизованной пехотой, покрыли 190 километров, отделяющие их от балтийского побережья, и достигли берегов мелководной лагуны Фрише-Хафф в 60 километрах к востоку от Данцига. Восточная Пруссия потеряла все сухопутные связи с западом – только за пределами Хаффа была узкая дорожка вдоль Фрише-Нерунга.

Население южных и западных частей Восточной Пруссии, внезапно попавшее на линию сражения, сломя голову бежало на север и северо-запад, волоча свое скудное имущество, брошенное на телеги и сани. Неразборчивая воинская повинность забрала для народной армии большинство мужчин: фургоны вели восьмидесятилетние старики, поляки, французские военнопленные, женщины или мальчишки-подростки. Так как партийные чиновники до последнего уверяли в том, что нет никакой опасности, многие населенные пункты были наводнены русским наступлением. Колонны беженцев насчитывали до тридцати тысяч человек. Многие из них исчезли без следа в водовороте метелей, которые охватили страну во второй половине января, под гусеницами русских танков или в огне между рассеянными линиями фронта.

21 января 4-я армия генерала Рейнхардта все еще удерживала фронт, который растянулся от Гумбиннена, что в 100 километрах к востоку от Кенигсберга, расширяясь на юг более чем на 160 километров вниз к городу Ломза на реке Нарев. Выдвинувшаяся вперед относительно фронта 4-я армия находилась под угрозой окружения.

В мучительных телефонных беседах генерал Рейнхардт умолял Гитлера разрешить по крайней мере частичный отход. Начальник штаба Рейнхардта, генерал Хайдкемпер, с начала русского наступления вел дневник о положении в штабе группы армий. В нем он записал:

«14 января: наступление на Восточную Пруссию началось. С правой стороны от нас, где мощная бронетанковая группировка врага напала этим утром с наревского предмостного укрепления, 2-я армия сообщает о значительных прорывах. В 8.00, в то время как я докладываю начальнику, раздался телефонный звонок от фюрера. Фюрер просил детально доложить о ситуации. В конце беседы он не сказал «до свидания». Я высказал начальнику мое подозрение, что этот звонок будет означать передачу некоторых из наших войск. Начальник думает, что это невозможно, и напротив, он сам должен был бы просить больше войск.

15 января: в 3.00 генерал Венк по телефону из Генерального штаба армии в Цоссене приказывает, чтобы я немедленно передал танковый корпус «Великая Германия» группе армий «А». Я сообщаю Венку, что эта передача наших последних резервов означала бы катастрофу, верный прорыв русских на участке фронта 2-й армии, и мы не будем иметь ничего противопоставить врагу. Венк отвечает, что к югу от Вислы прорыв уже произошел и что быстрая помощь более необходима там. Я отвечаю, что при этих обстоятельствах мы должны по крайней мере пробовать оказать сопротивление здесь и что враг скоро застрянет на юге. Но Венк только выразил неудовольствие, сказал, что протесты бесполезны – сам фюрер отдал приказ на эту передачу и настоял на ней.

17 января: 2-я армия была брошена из позиций второй линии. Ситуация опасная. Мы не имеем никаких резервов вообще и не можем изменить наш фронт без разрешения Гитлера и таким образом вынуждены стоять в стороне и ничего не делать. Ситуация с 3-й танковой армией также серьезная. Ночью состоялась часовая телефонная беседа между начальником и Гитлером. «Прошу прощения за непонимание, – начал фюрер. – Вы знаете, что после 20 июля я плохо слышу. Я передаю трубку генералу Бургдорфу». Начальник описывает ситуацию. Он говорит, что группа армий должна остановить отступление 2-й армии. Он просит разрешение выровнять линию фронта 4-й армии, чтобы освободить три дивизии как резервы для

2-й армии, где он не имеет никакой другой поддержки. Иначе враг прорвет фронт и будет угрожать нашему тылу. Фюрер «на основе опыта пяти лет» убежден, что никакой так называемый отвод никогда не освобождал силы; такие отступления приводили только к ломке фронта и всегда сопровождались катастрофами. Начальник настаивает. Генерал Бургдорф отвечает, что фюрер не изменит своего решения. У меня создается впечатление, что Бургдорф поощряет Гитлера в его отказе. Наконец фюрер предлагает, чтобы части народной армии были помещены на линии фронта 2-й армии. Начальник, не комментируя это бесполезное предложение, ответил: «Мой фюрер, это означает, что все остается как есть. Я просто считал себя обязанным обратить ваше внимание на чрезвычайную серьезность ситуации, вместе с возможными средствами».

19 января: к югу от Вислы, в секторе 9-й армии враг далеко охватил нас с фланга.

20 января: сопротивление, которое 4-я армия теперь оказывает при ее выпуклом фронте, кажется чистой нелепостью. В 20.30 начальник снова объясняет фюреру причины, которые делают насущным немедленный отвод 4-й армии. «Мой фюрер, – начинает начальник, – серьезно беспокоясь за Восточную Пруссию, я беру на себя смелость снова обратиться к вам лично. Я полагаю, что завтра мы столкнемся с крупномасштабным нападением на Восточную Пруссию. Захваченная вражеская карта показывает, что русская 5-я гвардейская танковая армия, с четырьмя танковыми корпусами, будет двигаться на Данциг. Силы 2-й армии, которая должна была бы им противостоять, настолько слабы, что они не смогут удержаться. Второе опасное место – участок 3-й танковой армии, где враг прорвался. Если эта русская гвардейская танковая армия пройдет, то мы подвергнемся нападению в тыловой зоне, где не имеем никаких войск вообще».

Затем последовало длинное обсуждение вопроса о том, освобождает ли отвод силы или не освобождает. Ответы Гитлера быстры, редко по сути, он не обеспокоен ситуацией. Он придерживается своей точки зрения. На повторенное высказывание начальника, что он должен

сохранить несколько дивизий, Гитлер отвечает: «Но тогда вы потеряете территорию!» Начальник отвечает: «Если русская танковая армия повернет на запад, мы потеряем намного больше территории». Гитлер не отвечает на это замечание и лишь снова предлагает поднять части народной армии и заменить ими дивизии, отведенные с фронта. После того как начальник отклоняет это предложение, как невозможное, фюрер объявляет, что 4-я танковая дивизия, которая находится в пути из Курляндии на борту пяти транспортных судов, прибудет в течение следующей ночи. Начальник комментирует, что не хватает людей и материальной части, а Гитлер отвечает, что все потеряли силу, включая врага.

Отвод 4-й армии остается запрещенным.

В телефонной беседе той же ночью между начальником и Гудерианом последний обещает снова сказать фюреру о необходимости отвода 4-й армии. Но Гудериан поясняет, что не рассчитывает на согласие.

21 января: дальнейшие советские наступления на 2-ю армию и 3-ю танковую армию. Гудериан сообщает по телефону, что фюрер на последнем совещании снова отказался от любого отвода 4-й армии. Начальник вспыливает: «Но это невозможно – так все будет сломано!» Наступила тишина, и затем прозвучали слова Гудериана: «Хорошо, мой дорогой Рейнхардт...»

Начальник вслед за этим запрашивает звонок, который должен поступить через штаб-квартиру фюрера.

Пока мы ждем, он обсуждает со мной, должен ли он в случае очередного отказа сказать Гитлеру, что отведет 4-ю армию под свою ответственность или нам следует произвести этот отвод без какого-либо объявления. Я одобряю вторую процедуру, потому что первое означало бы немедленное смещение начальника и замену его другим офицером, и это также не поможет нам.

Обещанная 4-я танковая дивизия не прибыла.

В 11.45 проходит телефонный звонок в штаб-квартиру фюрера. Начальник начинает: «Из-за серьезного

ухудшения ситуации я вынужден спросить снова относительно того же самого решения, о котором просил вчера. 2-я армия в данный момент атакована врагом в северо-западном направлении. 3-я танковая армия распадается. Я не могу предотвратить крах. Вы, мой фюрер, сказали мне, что прорыва на участке 2-й армии можно было бы избежать, продвигая новые силы. Но для 3-й танковой армии нет никакой помощи, кроме как от меня. Я убежден, что фронт может быть вновь установлен на более дальней позиции. Все командующие давят на меня в ожидании поддержки. Я должен просить о полномочии отвести назад 4-ю армию, чтобы освободить войска. Я не вижу другого решения. Если это не будет сделано, то я потеряю контроль».

Фюрер ответил: «Развитие ситуации с 3-й танковой армией выходит за пределы понимания». Начальник: «Я в течение многих дней сообщал о ситуации, которая делала необходимым отвод 4-й армии». Затем последовало другое длинное обсуждение. Наконец фюрер прерывает беседу словами: «Хорошо, тогда я даю вам мое разрешение».

Когда приказ отвести фронт достиг штаба 4-й армии, он уже утратил смысл. Даже на новой позиции 4-я армия была бы вскоре окружена и разбита.

В тот день, 22 января, генерал Хоссбах, командующий 4-й армией, принял решение, которое должно было полностью изменить ход событий в Восточной Пруссии.

Хоссбах вырос в школе генерала Бека, который ушел в отставку в 1938 г., потому что отнесся неодобрительно к приготовлениям Гитлера к войне; Бека, который закончил собственную жизнь, когда заговор 20 июля против Гитлера потерпел неудачу. Хоссбах был человеком решительным, хотя, возможно, несколько трудного характера из-за чрезмерной самоуверенности.

В 1938 г. Хоссбах был снят с должности адъютанта при обстоятельствах, которые казались ему постыдными: он требовал восстановления генерала фон Фрича, тогда – главнокомандующего, которого несправедливо обвиняли в безнравственности. Хоссбах в то время нарушил приказ

Гитлера, сообщив фон Фричу об обвинениях, выдвинутых против него. Теперь, 22 января 1945 г., движимый отчаянной ситуацией в Восточной Пруссии, он решил снова нарушить приказ Гитлера.

Это было глубокое убеждение Хоссбаха – убеждение, разделенное начальником его штаба Детлеффсенем, – что у 4-й армии было только три возможности.

Первая возможность состояла в том, чтобы следовать приказам Гитлера. Это означало, что 4-я армия оставалась в существующем положении и ждала окружения. Имея в своих рядах приблизительно триста пятьдесят тысяч человек, армия исчерпала бы боеприпасы и провиант в течение нескольких дней и затем перенесла бы очередной Сталинград.

Имелась и другая возможность, если только не было упущено время и если Гитлера удалось бы убедить, – 4-я армия могла бы отойти на более дальнюю позицию, что неоднократно предлагалось, и попыталась установить контакт на севере с остатками 3-й танковой армии рядом с Кенигсбергом. Возможности этой операции были сомнительными. Но она была бы полезна, если бы удалось организовать место для приема отступающих войск и гражданских беженцев. Новую позицию можно было, вероятно, защищать некоторое время. Стратегически, что и говорить, операция не имела никакой цели. Но главная проблема состояла в том, что 4-я армия, так же как остатки 3-й танковой армии и все гражданское население, которое переполнило область, станет зависимой от единственного порта, Пиллау, а Пиллау никогда не был в состоянии выполнить задачу эвакуации. Кроме того, оставался без ответа серьезный вопрос о том, что случится с большим количеством гражданских жителей, оказавшихся между передовым клином русских, подошедших к Данцигу с юга, и тыловой зоной 4-й армии.

Хоссбах видел только одно решение, которое спасет его армию от окружения и в то же самое время будет держать открытым путь к безопасности масс беженцев в центре Восточной Пруссии.

Третья возможность: 4-я армия повернула бы и направила свою атаку на запад. Она должна была как можно быстрее проникнуть в русский клин между Восточной Пруссией и остальной частью Германии, клин, который был уже близко к Данцигу и Балтийскому морю и ежедневно рос в силе. Она должна была попробовать соединиться с силами большей части 2-й армии, отброшенной назад к Висле. Она должна была сформировать коридор в Германию и оборонять его по всем направлениям, защищать проход гражданского населения и после того, как операция была бы закончена, – большей части самой армии. Потеря контакта с войсками в Кенигсберге и Замланде должна была произойти, если бы 3-я армия не присоединилась к прорыву на запад. Восточная Пруссия была бы так или иначе потеряна, поэтому борьба за Кенигсберг и Замланд могла быть продолжена только с одной целью – защищать беженцев и раненых настолько долго, чтобы позволить эвакуировать их через порт Пиллау. И это была задача, которую 3-я армия, несмотря на свое ослабленное состояние, все еще могла выполнить одна.

До конца дня 22 января генерал Хоссбах собрал всех командующих армейскими корпусами. Он объяснил свой план, искренне заявив, что одобрение Гитлера не могло быть получено и что он решил действовать под собственную ответственность. Хоссбах сказал, что уверен в одобрении его плана генералом Рейнхардтом. Он спросил у командующих, каково их мнение, и в случае их согласия просил, чтобы каждый человек в его армии был информирован о грядущей операции, о ее цели и опасностях. Каждый солдат и офицер должен был превзойти самого себя, и только понимание цели сделает это возможным и обеспечит успех.

23 января Хоссбах сообщил генералу Рейнхардту о своем решении, а также объявил, что начал действовать. Как и ожидалось, Рейнхардт одобрил его решение. Только в одном пункте было разногласие: Рейнхардт и начальник его штаба полагали, что сектор, выбранный для прорыва, находится слишком далеко на юге. Они убеждали предпринять такую попытку дальше на севере. Но здесь

они столкнулись с несокрушимой уверенностью в своих силах Хоссбаха, и тот отстоял свою позицию, частично оставляя Рейнхардта в неведении.

С опозданием приказы о начале операции полетели из штаба Хоссбаха. Русские продолжали вводить все больше войск в клин к западу от 4-й армии.

Сначала VI армейский корпус под командованием генерала Гроссмана был отделен от осторожно отступающего восточного крыла 4-й армии и брошен на запад, чтобы отразить атаку. Части, которые должны были это осуществить, 131-я и 170-я пехотные дивизии и 547-я и 558-я дивизии гренадер, форсированными маршами переместились по снежным дорогам, наполненным беженцами. Далее на север XXVI армейский корпус под командованием генерала Матцки – часть 3-й танковой армии, которая была вызвана в распоряжение 4-й армии, – должен был собрать отступающие части 2-й армии, обеспечить северный фланг корпуса Гроссмана и атаковать западную окраину Фрише-Хаффа. «Я пошлю вам войска, в которых вы будете нуждаться, – сказал Хоссбах Матцки в ночь с 22 на 23 января, перед его отстранением, – если в последний момент их не заберет кто-то свыше».

Так начались гонки с врагом. Между 22 и 26 января снежные бури, которые охватили Восточную Пруссию, обрели новую силу. Сугробы на дорогах были выше, чем в предыдущие годы. В любое другое время пронизывающий холод заставил бы каждое живое существо найти пристанище. Но теперь дороги были черны от фургонов, людей, рогатого скота,двигающихся черепашьим шагом. Всякий раз, когда снежная мгла рассеивалась, эти колонны становились легкой добычей русских самолетов-истребителей. Они ползли от деревни к деревне, от фермы к ферме, ища какие-нибудь сараи, чтобы переночевать. Тех, кто умер в пути, – стариков, больных, детей или жертв воздушных нападений, – оставляли на дорогах или в ночных лагерях.

Мимо этих страдальцев войска торопились на запад. Прорыв должен был начаться вечером 26 января. В тот день был нанесен первый удар: необъяснимый неожиданный приказ командования группы армий, предписывающий передать 547-ю и 558-ю дивизии гренадеров на север к Замланду, оставляя VI армейский корпус всего с двумя дивизиями для атаки в западном направлении. Слова Хоссбаха «если в последний момент их не заберет кто-то свыше» стали трагической реальностью.

В семь часов вечера 26 января, после мучительного марша в 200 километров, 131-я и 170-я пехотные дивизии начали атаку. Снежный пейзаж заливал свет полной луны. Почти сразу они встретились с превосходящими силами русских. 7-й танковый корпус был едва в состоянии дать им защиту с фланга.

Небольшая деревня Шарнигк неоднократно переходила из рук в руки в кровавых столкновениях. 131-я пехотная дивизия, ведя неистовые бои, пробивала себе путь в предместья Либштадта, города в 88 километрах к юго-западу от Кенигсберга, который был занят русской пехотой и множеством танков «Иосиф Сталин».

Тем временем 170-я пехотная дивизия форсировала реку Пассарг, которая течет на север в Фрише-Хафф. Жертвы были большими. На следующий день, 29 января, дивизия продвинулась на 23 километра от реки и напала на полностью неподготовленные русские колонны.

Но вражеское давление с юга постоянно возрастало. Гроссман должен был бросать все больше сил на то направление. Нехватка двух дивизий, которые были переданы, дала себя почувствовать. Все же ни одна из его частей не собиралась прекращать борьбу.

Генерал Хоссбах следил за операциями с чрезвычайным напряжением. 27 января он узнал, что Рейнхардт, в соответствии с открытым телетайпным сообщением из штаб-квартиры фюрера, был снят с поста и что генерал Рендулич был переведен внезапно из Курляндии, чтобы заменить его. Хоссбах не знал того, что стояло за этим

передвижением, но мог догадаться. У него было чувство, что шторм собирается над его войсками. Он действовал с чрезвычайной решительностью и скоростью. Он приказал, чтобы атака была продолжена 30 января. Но бедствие двигалось быстрее.

В ночь с 29 на 30 января генерал Рендулич позвонил по телефону из штаба группы армий и позвал Хоссбаха, чтобы зачитать ему приказ фюрера: «Атаку в западном направлении остановить немедленно. Танки и бронетанковые пехотные дивизии переместить к Кенигсбергу, чтобы присоединить к 3-й танковой армии. 4-я армия воюет там, где она стоит. Генерал Хоссбах освобожден от обязанностей. Командование 4-й армией примет сегодня вечером пехотный генерал Мюллер (Фридрих-Вильгельм), который прибудет самолетом из штаб-квартиры фюрера».

Хоссбах выслушал приказ с каменным лицом. Он оказался перед окончательным выбором: должен ли он отклонить приказ фюрера, проявить неповиновение с вытекающими последствиями и продолжить прорыв, пока не добьется успеха? Следует ли ему, в случае необходимости, арестовать генерала Мюллера? Хоссбах знал, что его армия была с ним, с ним также были все восточные пруссаки, ждущие открытия прохода на запад. В этом не было сомнения. Но Хоссбах был тактиком, и очень решительным. Все, что мы знаем, – это то, как он действовал, что двигало им – неизвестно.

Хоссбах приказал наступление остановить и передал командование генералу Мюллеру, который прибыл на машине к одиннадцати часам утра. В час дня Хоссбах улетел самолетом на запад. Преследовали ли его в поездке голоса тех, кто приветствовал его решение, голоса его солдат и миллионов граждан, надежда которых на спасение теперь была разрушена? Или Хоссбах понял, что преемник Рейнхардта Рендулич, человек, слепо преданный Гитлеру, мог легко вмешаться в предпринятый прорыв и сделать его невозможным, что Рендулич, идя по телам страдающих гражданских жителей, будет вести борьбу за власть Гитлера? Понимал ли Хоссбах, что его

неповиновение будет в конце концов только нагромождением все больших страданий бегущего населения? Только один Хоссбах знал ответы на эти вопросы.

Существовала и другая сторона трагедии, о которой бегущие восточные пруссаки все еще ничего не знали.

23 января, когда Хоссбах сообщил Рейнхардту о своем решении, Рейнхардт и его штаб рассматривали подобные планы, столь же далекоидущие, как и планы Хоссбаха. Рейнхардт чувствовал себя уверенным, что 4-я армия должна быть отведена и что силы, которые сделаются доступными благодаря отводу, должны быть использованы, чтобы вновь установить контакт со 2-й армией. Он был также уверен, что эта операция приведет к потере Восточной Пруссии. Однако положение Рейнхардта отличалось от положения Хоссбаха пустяком – но решающим пустяком. Если бы Рейнхардт знал, что планы Хоссбаха включали отделение от 3-й армии в случае необходимости, если бы он знал, как быстро и энергично Хоссбах будет действовать, то он, как командующий группой армий, ответственный за обе армии, выступил бы против него.

Рейнхардт 23 января сообщил Гитлеру о предложенном прорыве. Но он преподнес информацию таким образом, что эта операция выглядела не больше чем попыткой вновь установить контакт со 2-й армией и, казалось, подразумевала, что в Восточной Пруссии каждый метр земли будет защищаться, как и прежде. Гитлер дал ему свое непосредственное одобрение и, кроме того, обещание, что 2-й армии будет приказано напасть на русский клин с запада, – обещание, которое 2-я армия из-за своего состояния просто не могла выполнить.

Рейнхардт, убежденный, что события вскоре вызовут общее отступление на запад, позволил ситуации оставаться неоднозначной. Он не имел никакого другого выбора, кроме радикального неповиновения, захвата всей власти в Восточной Пруссии и ареста любого преемника, посланного, чтобы заменить его.

Рейнхардт попробовал следовать средним курсом. Это вынудило его оказать поддержку почти рассеянной 3-й армии в Кенигсберге и Замланде. Он передал 547-ю и 558-ю дивизии гренадер на север и таким образом лишил Хоссбаха сил, которые имели решающее значение для прорыва.

Попытка Рейнхардта достичь компромисса потерпела неудачу. Он не мог скрыть факта, что не выполнял слепую гитлеровскую стратегию «удерживания» любой ценой. 24 января он был вынужден сообщить, что Лётцен, в 100 километрах к юго-востоку от Кенигсберга, сдан. 26 января события вынудили его по телефону попросить разрешения предпринять дальнейший отход. Этот запрос вызвал у Гитлера вспышку ярости. Вечером 26 января в штаб Рейнхардта поступило открытое сообщение по телетайпу:

«Командующему группой армий «Север» —

копия командующему группой армий «Курляндия»:

26 января 1945 г. следующие офицеры освобождены от их обязанностей: генерал-майор Рейнхардт, командующий группой армий «Север», который сохранит командование до прибытия его преемника; и генерал-лейтенант Хайдкемпер, начальник штаба группы армий «Север».

В тот же день на означенные посты назначены следующие офицеры: генерал Рендулич командующим группой армий «Север»; генерал-майор фон Натцмер начальником штаба группы армий «Север»; генерал-майор Фёрч, начальник штаба 18-й армии, начальником штаба группы армий «Курляндия».

Верховное командование армии

Начальник службы армейского персонала:

Бургдорф, генерал пех.».

Этот приказ был среди первых, где использовались новые обозначения трех северных групп армий, которые были

переименованы в тот же самый день. Бывшая группа армий «Север» теперь называлась группой армий «Курляндия». Войска Рейнхардта и теперь Рендулича в (и вокруг) Восточной Пруссии стали называться группой армий «Север», а прежняя группа армий «А» на юге получила название группа армий «Центр».

Генерал Рендулич прибыл в свой новый штаб около часу дня 27 января. Рейнхардт передал командование со словами «Давайте не будем говорить об этом» и уехал, чтобы сообщить Гудериану.

Он достиг штаба Гудериана 29 января. Начальник Генерального штаба армии был в состоянии чрезвычайной депрессии – он только что узнал о решении Гитлера отстранить Хоссбаха. Гитлер, казалось, находился под влиянием телетайпных сообщений и телеграмм от окружного руководителя Эриха Коха, который предпринимал все, чтобы предотвратить потерю его Восточно-Прусской области. Одно из донесений Коха о Хоссбахе звучало так: «4-я армия бежит к рейху, делая попытку трусливого прорыва. Я продолжаю оборону Восточной Пруссии с народной армией».

Рейнхардт продолжал свой путь в штаб-квартиру фюрера. В поезде на Берлин он, возможно, думал о донесении Коха Гитлеру и о том, как сравнить его с секретным полетом Коха из Кенигсберга до побережья.

Рендулич был генералом, которому Гитлер доверял больше, чем кому-либо. Он был австрийцем, одаренным военным историком и бывшим военным атташе в австрийском посольстве в Париже. Его освободили от обязательств перед австрийской армией из-за национал-социалистических симпатий. Его речь в «Курляндии» начиналась такими словами: «Господа, я все понимаю. Я буду слушать все. И когда вы не знаете, что делать, если все выглядит самым черным, я хочу, чтобы вы ударили себя в грудь и сказали: «Я – национальный социалист, и это сдвинет горы!» Таким был человек, который теперь был высшим командующим в Восточной Пруссии.

Генерал Мюллер, преемник Хоссбаха в должности командующего 4-й армией, сказал начальнику штаба Рендулича весьма искренне: «Я – хороший исполнительный офицер. Я могу выполнить приказы, но не знаю почти ничего о стратегии или тактике. Скажите мне, что вы хотите, чтобы я сделал...» Мюллер был честным и храбрым, но не более того. Конечно, он не был парой для окружного руководителя Восточной Пруссии Эриха Коха.

Кох был заинтересован исключительно в сохранении своей личности и своей власти. В середине января, когда бои подступили к Кенигсбергу, он сбежал из города, оставив позади нескольких представителей. Объясняя свое передвижение, он сообщил своему окружению, что он, имперский комиссар обороны всей Восточной Пруссии, а не только Кенигсберга, должен иметь штаб, из которого мог направлять оборонительные операции повсюду. Сопровождаемый большим штабом, он двинулся в лучшую гостиницу в порту Пиллау. Когда 6 февраля эта гостиница была разрушена русской бомбой, он переехал в дом на Фрише-Нерунге, отгороженный колючей проволокой и патрулируемый агентами безопасности. Кох использовал любое возможное средство пропаганды, чтобы скрыть свое отсутствие в Кенигсберге. В штаб-квартире фюрера он создал впечатление, что лично готовил героическую оборону города. Но фактически он реквизировал в начале февраля два муниципальных ледокола для своего спасения в случае критического положения. Самолет также был приведен в готовность для него.

После того как Кох преуспел в том, что избавился от Рейнхардта и Хоссбаха, он дважды использовал свой самолет, чтобы посетить 4-ю армию. Но он не был информирован о страданиях бегущих гражданских жителей. Он думал о другом.

Его первый визит был сделан для угрозы генералу Матцки, командиру XXVI армейского корпуса. Матцки по собственной инициативе стал направлять колонны беженцев на север к Фрише-Хаффу – и таким образом

вторгся в область власти окружного руководителя и имперского комиссара обороны.

Во время своего второго визита Кох появился в командном пункте генерала Мюллера и рассказал генералу, как он сокрушил Рейнхардта и Хоссбаха. Он предупредил, что повергнет любого, кто посмеет продвигать какие бы то ни было оправдания стратегической потребности, чтобы оправдать трусливую сдачу Восточной Пруссии. Но когда Кох заметил, что Мюллер был человеком ему по сердцу, тот открылся и стал дружественным. Он сказал, что был властителем востока и будет им снова. И если бы он удерживал не больше чем один квадратный километр земли Восточной Пруссии в то время, когда прибыли новое оружие и новые армии фюрера, то на этом квадратном километре он выстоял бы и предъявил свои права на правление востоком. И выполни Мюллер свою обязанность, его ждало бы место рядом с Кохом. Население Восточной Пруссии не было упомянуто в беседе. Затем самолет унес Коха к его штабу. Дороги внизу были черны от колонн беженцев.

Население Кенигсберга не ощущало опасности до тех пор, пока нацистские чиновники, которые остались после тихого отъезда Коха, не забронировали специальный поезд, чтобы увезти свои семьи из города.

Пассажиры, которые должны были сесть в этот поезд, были уведолены всего за несколько часов до отъезда – и им предписывалось сохранять молчание. Но персонал железной дороги быстро распространил информацию. Ранним утром 22 января новость облетела Кенигсберг, и народ ринулся на железнодорожную станцию. Но было слишком поздно.

Утренний экспресс до Берлина был последним поездом, который дошел по назначению. Все более поздние поезда возвратились в Кенигсберг 24 и 25 января. Путь на запад был отрезан. В течение этих нескольких дней Кенигсберг изменился.

Беженцы текли в город бесконечным потоком, приносящим остатки армии, военно-воздушных сил и

служащих Организации Тодта. Повсюду двигались коляски и велосипеды, салазки и мотоциклы, сероватые-зеленые вагоны с оружием, грузовики – и люди, люди, люди... Все они надеялись убежать. Их глаза были устремлены на канал из Кенигсберга до Фрише-Хаффа, – они надеялись преодолеть Хафф, добраться до Фрише-Нерун-га и двинуться далее – на запад.

Десятки тысяч людей переполнили порт. Они стояли плечом к плечу и ждали. Только несколько тысяч успели подняться на борт торпедного катера, субмарины, минного тральщика и одной из угольных барж, которые, пыхтя, двигались по каналу позади буксирных судов и ледоколов. Место на борту судна стоило состояние, и некоторые из капитанов использовали эту возможность нажать в полной мере. В медленной процессии, на которую нападали русские самолеты, ряды барж пробивались к порту Пиллау, чтобы выгрузить людей и оставить их перед новой проблемой. Те, кто не имел средств, чтобы подкупить капитана, возвратились в город или присоединились к потоку тех, кто отправился к Пиллау по побережью. В Пиллау можно было, как говорили, сесть на паром до Нерунга, а Нерунг все еще давал проход до Данцига.

Население Кенигсберга ничего не знало о реальной ситуации. Партийные кабинеты были покинуты; правительственные машины исчезли. Отключение электричества заставило радио замолчать. Не было никаких газет, только слухи – рой слухов.

Едва ли кто-то в городе знал, что не было ничего способного помешать русским взять Кенигсберг в любое время, которое они выбрали, что русских сдерживала только их неосведомленность о слабости цитадели. У населения создалось впечатление, что немецкие линии фронта удерживаются перед городом и русское наступление остановлено. Многие решили ждать. Они ждали лучшей погоды или того, когда минует наводнение беженцев или когда снова пойдут поезда в Пиллау. Солдаты жаждали тепла и отдыха и, успокоенные на время ослаблением напора русских позади них, пробовали

найти отдых среди гражданского населения. Их все еще хорошо снабжали питанием и алкоголем – и они были хорошо приняты в этом городе, который лежал в странных сумерках надежды и страха. Те части, которые сохранили дисциплину, сопротивлялись русским, прокладывая путь в Замланд, медленно и осторожно окружая Кенигсберг.

Затем поступило сообщение, что русские совершили внезапную вылазку к дороге из Кенигсберга до Пиллау. Грозил окружение.

Волна паники охватила город. Те партийные чиновники, которые еще остались в городе, сбежали на автомобилях в Пиллау. Но члены партии были не единственными – правительственные чиновники и армейские офицеры тоже в спешке уехали. Персонал покинул военные госпитали. Прекратилась какая-либо забота о раненых – она была возобновлена только тогда, когда медицинские части с фронта отступили в Кенигсберг. Служащие медицинского корпуса 1-й восточнопрусской дивизии, которая затем вступила в город, нашли раненого солдата на операционном столе – он был мертв. Только половина пациентов в больничных палатах подавали признаки жизни. Другие умерли.

30 января разнесся слух, что поезда до Пиллау будут отправляться от пригородной станции. Сквозь метель толпы людей пошли туда и действительно нашли состав из грузовых вагонов. Наступила ночь, и поезд наконец двинулся со станции. Но где-то в середине 40-километрового участка пути до Пиллау он остановился позади нескольких других составов, заполненных беженцами. Поврежденный бомбардировкой локомотив блокировал путь. Прежде чем миновала ночь, русские достигли железной дороги, пересекли ее и вышли к берегам Хаффа. Утром 31 января Кенигсберг был полностью отрезан от Замланда и порта Пиллау.

В это время в Кенигсберге оставались несколько дивизий и множество частей народной армии, большинство солдат которых даже не имели униформы. Было также

приблизительно сто тридцать тысяч гражданских жителей и большое количество французских и русских военнопленных и чернорабочих.

Военные командиры, которые остались в городе, в частности генерал Лаш, начальник штаба действующего корпуса, ожидали скорого конца. Никто в городе не был в состоянии отразить русское нападение. Но русские остановились в предместьях Кенигсберга. Они хотели сначала взять Замланд и Пиллау, единственный порт, осуществлявший поставки для 4-й армии. Если бы советские войска сражались с той же энергией, которую они показали в течение прошедших недель, 3-я танковая армия – вернее, то, что от нее осталось, – не остановила бы их. Но русские нуждались в отдыхе и подкреплении. Хотя они достигли побережья, но были не в состоянии взять Пиллау.

В Кенигсберге Лаш предпринял все меры, чтобы сделать жизнь населения более терпимой и организовать рассеянные войска для возможной вылазки. Он надеялся, что будет возможность эвакуировать население и получить подкрепление, без которого Кенигсберг не мог быть защищен. В решении двух этих задач он видел цель своего присутствия.

Предприятия коммунального обслуживания города восстанавливались. Скоро в домах снова появились вода, газ и электричество. Магазины, владельцы или служащие которых были найдены, снова открывались. Насколько было возможно, армия давала пищу гражданским жителям. Собрали рогатый скот, который привели колонны беженцев, и появилось молоко и мясо для больных и детей. Специальные команды, действующие по кодексу, который не знал никакого наказания, кроме смерти, вышли подавлять грабежи, которые распространились в дни паники.

Генерал Лаш изучил военные ресурсы города. Он слишком хорошо знал, что название «цитадель» было лишь горькой иронией. Бастионы на внешнем кольце, приблизительно в 8 километрах от центра Кенигсберга, были построены в

1870 г. и не составляли препятствия для современного оружия. Кроме того, большинство из них имело только один выход, оборудованный разводным мостом, следовательно, они превращались в мышеловки для гарнизонов.

С городских крыш можно было видеть русскую пехоту и наблюдать за медленным сосредоточением тяжелой русской артиллерии. Город не имел ни артиллерии, ни самолетов, чтобы вмешаться в действия русских. Лаш требовал подготовиться к вылазке. Его патрули прочесывали улицы, здания и подвалы, чтобы собрать бесчисленных солдат, которые затерялись среди населения или завязали дружбу с женщинами, которые хотели напоследок повеселиться. Но силы, которые собрал Лаш, были едва ли достаточны, чтобы предпринять попытку вылазки из города, – да и те испытывали недостаток в боеприпасах, оружии и бензине.

В своих приготовлениях Лаш опирался на старое правило: в осажденном городе военный командующий имеет высшую власть. Он был активен в течение первых дней хаоса, когда большинство партийных чиновников или исчезло, или потеряло голову. Но когда паника прекратилась и фронт на север от Кенигсберга укрепился, окружной руководитель Эрих Кох еще раз поднял голову.

Из своего убежища на Нерунге Кох неоднократно летал в Кенигсберг, чтобы совещаться с представителями, которых он послал в город. Он проинструктировал их поддерживать его власть любой ценой. Они должны были сохранить под контролем народную армию, найдя надежных лидеров для этого, и внимательно следить за каждым шагом военного командующего. Кох приказал организовать отдельное питание и склады оружия для партийцев и для тех частей народной армии, на которые он мог положиться – секретные склады, – и занять отдельные ключевые позиции так, чтобы быть готовыми к любому проявлению слабости со стороны военной команды. Люди Коха действовали соответствующим образом.

Вылазку пришлось откладывать несколько раз. Настало 19 февраля, прежде чем силы генерала Лаша смогли пойти в наступление, которое, вместе с одновременной атакой немецких войск в Замланде, должно было прорвать кольцо вокруг Кенигсберга.

Ночью 20 февраля два немецких острия встретились. После трех недель окружения шоссейная и железная дороги между Кенигсбергом и Пиллау были свободны для проезда снова.

Между 25 и 29 марта последние остатки 4-й армии, скопившиеся у берега Фрише-Хаффа, пересекли его на плотах и лодках, направляясь к Нерунгу. Они были скорее призраками, чем людьми, – дивизиями, которые теперь насчитывали всего четыреста человек, сожженными в буквальном смысле. Из всей армии две тысячи пятьсот тридцать солдат, две тысячи восемьсот тридцать раненых и три тысячи триста добровольцев русской и других национальностей, которые присоединились к 4-й армии, достигли Нерунга. В течение многих недель они были без убежища и часто без теплой пищи. И почти без боеприпасов. Их отступление прикрывало маленькое отделение под командованием генерала Хуффенбаха, сына фермера из Восточной Пруссии. Он и его люди погибли в рукопашном бою.

Генерал Мюллер перевел свой штаб в Замланд. Генерал Рендулич возвратился в Курляндию в середине марта, и генерал Вейс, командующий 2-й армией, принял командование группой армий «Север».

Вскоре после этого действия русских, осаждавших Кенигсберг, изменились. Патрули из народной армии в траншеях вокруг города исчезали ночь за ночью, обычно без звука. Около десяти часов вечера русские самолеты пролетали над немецкими позициями, звучали популярная музыка и пропагандистские речи. «Мужчины из народной армии, – раздавался голос, – идите домой! Мы не будем вредить вам, старики! Бросьте свои винтовки!» Через некоторое время тот же самый голос говорил: «Смотрите – мы сбрасываем бомбы!»

На фронте Замланда потери быстро росли.

В течение первых дней Пасхи русский огонь в Кенигсберге внезапно прекратился. Население, приученное хвататься за соломинку, охватила новая волна надежд. Означала ли эта тишина, что большое немецкое контрнаступление, о котором так часто говорилось, шло полным ходом? Русские уходили из Кенигсберга?

Но это было только затишье перед бурей.

Рано утром 6 апреля воздух над Кенигсбергом огласился воем, город встряхнуло.

Сотни русских батарей, неисчислимы минометы вели ураганный огонь, который с короткими перерывами длился почти тридцать часов. Большие формирования бомбардировщиков появились и сбросили свой груз. В то же самое время советский маршал Василевский, преемник Черняховского, который погиб в сражении, пошел в новое наступление из Замланда. Он продвинулся через немецкие войска, достиг побережья Хаффа и еще раз отрезал город от западного Замланда.

До сумерек 6 апреля большинство немецких позиций вокруг Кенигсберга были сокрушены. В течение нескольких часов все роты и части народной армии были похоронены в своих траншеях и стрелковых окопах. Те, кто уцелел, с тяжелыми потерями отходили из предместий за старые окруженные стены. Коммуникации были отрезаны, склады с боеприпасами захвачены. Облако дыма висело над городом. Улицы были загромождены транспортными средствами, мертвыми лошадьми и убитыми людьми. Объятые страхом гражданские жители, проклиная иллюзии прошлых недель, носились в поисках убежища. Другие ждали в тихом ошеломлении, как распорядится рок.

7 апреля русские танки и пехота пошли в наступление. Василевский сосредоточил тридцать дивизий, и среди них немало испытанных бойцов, закаленных на улицах Сталинграда. Русское главное наступление, пришедшее с юга, врезалось в город и достигло центральной

железнодорожной станции. Советские ударные войска захватили порт и повсюду вошли в предместья. Каждое нападение предварялось тяжелым артобстрелом. Только несколько немецких полевых орудий отвечали. Ни один немецкий самолет не поднялся в воздух. Немецкие гнезда сопротивления были уничтожены огнеметами.

К полудню генерал Лаш понял, что сражение за город будет закончено через несколько дней. Он все еще поддерживал связь с генералом Мюллером, сообщил о ситуации и предложил, чтобы весь гарнизон сделал попытку прорваться на запад. Гражданское население должно было выходить, двигаясь посреди боевых частей.

Ясно, что это предложение было отчаянным, но другая возможность отсутствовала. Ближе к вечеру Лашу сообщили, что Гитлер отказался разрешить пожертвовать городом. Лаш узнал, что Гитлер предпочел их героическую смерть в Кенигсберге.

Попытка прорваться была тем не менее предпринята. Но генерал Лаш не имел к ней никакого отношения. Вылазка была инициирована представителем имперского комиссара обороны, который внезапно отошел от своего оголтелого фанатизма.

К 7 апреля даже самые надежные партийные лидеры в Кенигсберге поняли, что их ждет конец, если они не смогут убежать. Некоторые воинские части были готовы подчиниться партийной команде, с ними партийные лидеры и решили предпринять попытку вылазки ночью 7 апреля.

Группа во главе с генералом Судау находилась в бронированном автомобиле разведки. Снова участники акции были уведомлены о тайне, и снова тайна не была сохранена. В квадрате, который должен был стать отправной точкой, вечером 7 апреля появились не только армейские части и не только партийные лидеры – все они теперь были без партийных униформ, – но также и огромная толпа, которая хотела присоединиться к этой операции.

Вылазка, направленная на запад к Пиллау, началась вскоре после полуночи и была чуть не сорвана. Русские стреляли из всех видов оружия, от винтовок и минометов до «органов Сталина»^[2]. Солдаты, члены партии и гражданские жители погибли в кровавой бане, лишь немногие возвратились в горящий город.

Более тяжелый артобстрел и воздушная бомбежка разразились 8 апреля. Немецкие оборонительные укрепления потеряли контакт между собой и с командным пунктом генерала Лаша. Посыльные были единственными средствами связи. Улицы опустели – население забилось в подвалы.

В сумерках защитники собрались в узком месте. Они ожидали, что заключительный удар произойдет следующим утром, 9 апреля.

Подполковник Кервин командовал несчастной группой пожилых офицеров и бойцов народной армии в так называемых бараках Троммельплаца, он никогда не мечтал, что станет одним из главных актеров в драме Кенигсберга. Когда 9 апреля рассвело, «органы Сталина» начали свой концерт. Русская пехота пересекла реку Прегель, которая течет через город, и бои бушевали на главной магистрали Кенигсберга. Из казначейства и клиник университета, где лежали тысячи раненых, медицинский персонал отправлял посыльных, чтобы умолять всех командующих прекратить борьбу – это могло бы обеспечить милосердие к раненым. Женщины, размахивающие белыми тряпками, как серые тени, появились из подвалов и просили прекратить сопротивление.

Кервин также знал, что борьба бессмысленна. Он послал одного из капитанов к генералу Лашу, чтобы получить соответствующее распоряжение.

Вскоре после полудня капитан возвратился с «очень конфиденциальным» письмом, адресованным Кервину. В нем говорилось: «Мой дорогой Кервин, я решил капитулировать. Я потерял контакт с войсками. Артиллерия – без боеприпасов. Я не могу продолжать

кровапролитие и обрекать на ужасное бремя гражданских жителей. Попробуйте начать переговоры с русскими. Я прошу, чтобы они немедленно прекратили огонь и послали ко мне офицера. Я хочу сдать Кенигсберг».

Кервин показал письмо некоторым из офицеров своего штаба, затем сжег его. Он написал на клочке бумаги: «Командующий Кенигсбергом, генерал Лаш, просит, чтобы русские прекратили огонь по городу и послали парламентаря. Он сдаст Кенигсберг. Кервин, подполковник». Три эмиссара – два офицера и сержант, который нес белый флаг, – взяли письмо и начали экспедицию в неизвестное.

Белый флаг защищал группу от русских, но не от немецких фанатиков, которые стреляли в них из почтового отделения. Один из этой троицы был тяжело ранен, но двое других достигли наступающих частей советских войск около казначейства.

Немецкие эмиссары были приняты в тишине. Их провели от одного командного пункта к другому, через подвалы, по глухим переулкам, по руинам. Им задавали вопросы с грубостью, с угрозами или вежливым любопытством, но всегда с недоверием. Они вглядывались в европейские и азиатские лица. Их наконец доставили к пункту, где собирали заключенных, и поместили среди оборванных немецких солдат, оставшихся в живых и попавших в плен. Затем их погнали на восток.

Подполковник Кервин ждал их возвращения. Бой все приближался. Кервин послал еще двух человек, один из которых возвратился час спустя, его бедро было порвано пулей.

Русские отнеслись к первому сообщению серьезно. Однако они не чувствовали никакой дальнейшей потребности в офицерах, которые принесли его. Русские имели собственных офицеров, которые знали, как найти Кервина.

Несколько часов спустя к Кервину пришел посыльный, чтобы сказать ему, что его ждут на интендантском складе,

чтобы проводить к русским. Кервин встретил немца – служащего интендантского склада, который нес белый флаг. Он не объяснил, как получил это поручение, но до странности хорошо знал путь к русским. Кервин и его помощник Кранц, один из тех, кто прочитал письмо Лаша, последовали за ним. В одном из разбитых внутренних дворов эти трое внезапно оказались окружены красноармейцами. Их доставили к командиру 11-го танкового полка 11-й дивизии, полковнику лет тридцати пяти, с которым были несколько офицеров штаба и партийный комиссар. Это случилось около семи часов вечера 9 апреля в плохо освещенном подвале, в котором стояли четыре немецкие походные койки, несколько телефонов и длинный замусоренный стол.

– Вы подполковник Кервин? – спросил переводчик. – Где письмо?

Кервин заявил, что он сжег письмо генерала Лаша. Но полковник Кранц засвидетельствовал его содержание, когда Кервин сообщил о нем, и русские, казалось, поверили.

Переговоры, которые прерывались телефонными звонками в штаб маршала Василевского, продлились несколько мучительных часов. Они касались требования, чтобы весь гарнизон совершил переход в расположение русских, и обещания, что все немецкие офицеры будут размещены в лагеря для служащих с белыми простынями на кроватях, и запроса, чтобы генерал Лаш прибыл лично.

Наконец, около десяти часов, после другой телефонной беседы с маршалом Василевским, русский полковник объявил, что он сам в сопровождении двух капитанов пойдет на командный пункт Лаша. Переводчик спросил:

– Русские парламентарии в Будапеште были застрелены немцами. Здесь это возможно?

Кервин подумал о том, что случилось с его эмиссарами. Но он также думал и о женщинах с их белыми флагами.

– Нет, – сказал он.

Переводчик указал на Кранца:

– Этот останется здесь, если что-то случится с русскими парламентарями, его расстреляют. Других пленных офицеров расстреляют также. Понятно?

Кервин кивнул. Они покинули подвал.

Огни сияли над городом. Русские батареи стреляли настолько яростно, что группе пришлось возвратиться. Русские позвонили по телефону, и артиллерия затихла. Затем группа вышла снова и двинулась по улицам. На каждом углу были русские солдаты, готовые к нападению.

Кервин должен был вести маленькую группу мимо окружной штаб-квартиры нацистской партии. В любой момент он ожидал выстрелов. Но возможно, обитатели штаб-квартиры партии уже напились. По обширному полю щебня Кервин и его группа спустились в подвал генерала Лаша.

Лицо Лаша было пепельно-серым.

Кервин сообщил:

– Я выполнил ваш приказ. Вот – русский парламентар.

Пока Лаш и русский оценивающе смотрели друг на друга, раздались шаги на лестнице. Генерал Хенле, командир пехотной дивизии, ввел подвыпившего русского капитана, который нетвердо стоял на ногах. Хенле, как оказалось, Лаш также проинструктировал искать контакт с русскими. Но когда он и пьяный капитан увидели, что делегация уже прибыла, оба повернулись и вышли. С тех пор переговоры в убежище Лаша продолжились с военной формальностью.

Майор из штаба генерала Лаша представил предложение о капитуляции. Лаш повторил, что он больше не может нести ответственность за разрушение, страдания сотен тысяч гражданских жителей и бесчисленных раненых солдат в городе. Он попросил, чтобы пощадили раненых и гражданских жителей и позаботились о них. Русские кивали.

Лаш обязался приказать своим войскам прекратить огонь. При этом предупредил, что не может гарантировать подчинения различных частей СС, службы безопасности и членов партии. Он сообщил, что оставшиеся партийные чиновники забаррикадировались в замке, приблизительно в 180 метрах от его убежища, и следует ожидать их сопротивления до конца. Ему, Лашу, эти чиновники сообщили всего час назад, что он и его штаб будут взорваны, если сдадутся.

Русские кивнули снова. Они несколько нетерпеливо ждали завершения протокола капитуляции.

Это было около часу ночи. Русская артиллерия все еще грохотала, русские бомбы все еще падали. Посыльные сообщили, что русские войска продвинулись в пределах 100 метров от командного пункта Лаша.

Советский полковник попросил, чтобы Лаш и его штаб пришли к штабу дивизии. Слова «пленные» избегали, да и не было необходимости его использовать. Кервин должен был привести группу обратно.

Они достигли расположения передовых русских частей и были окружены красноармейцами. Русские, услышав о сдаче, стали стрелять в воздух. Группа миновала бараки на Троммельплац. Здесь у некоторых из немцев русские солдаты отняли вещи, которые те несли. Эти солдаты исчезли в ночи прежде, чем советские офицеры успели остановить их.

Наконец, они достигли командного пункта советского корпуса, расположенного в одном из подвалов. Командир корпуса интересовался только тем, почему Лаш сдался так быстро. С некоторым сарказмом он заявил, что принимал участие в сражении за Сталинград. «Я держался, – сказал он, – и я победил». При этом он сказал, что Советы послали против Кенигсберга тридцать дивизий, два танковых корпуса и целый воздушный флот. Немцы оставались безмолвными.

Наступило утро. Появились сотрудники российского информационного агентства, и о капитуляции было

сообщено официально. Грузовики и джипы приехали, чтобы везти генерала Лаша и его штабных офицеров в штаб маршала Василевского. В ходе длительной поездки вокруг города и в Замланд исчезли грузовики, которые везли немецких офицеров и багаж. Генерал Лаш и четверо высших офицеров его штаба наконец достигли места назначения, дома около штаба маршала Василевского. Там они оставались 10, 11 и 12 апреля. Затем состоялась аудиенция у советского маршала перед камерами новостей.

Именно здесь генерал Лаш подписал письмо генералу Мюллеру, и он и его офицеры также подписали обращение к офицерам и людям в Замланде. Самые важные пассажи в письме звучали так:

«Командующий 3-м Белорусским фронтом маршал Василевский дает мне возможность сообщить о заключительной фазе сражения за Кенигсберг.

После того как 4-я немецкая армия была разбита и русские продвинулись к реке Одер, я и мой штаб пришли к убеждению, что дальнейшая наша борьба безнадежна. Отсутствовала возможность получения любого подкрепления или поставок для окруженного города позади германского фронта. Так как союзнические силы с запада уже находятся на полпути к Эльбе, ситуация со всей германской армией безнадежная.

Эти события побудили меня после того, как были использованы последние боеприпасы, спасти остальную часть гарнизонного и гражданского населения Кенигсберга от несомненной гибели.

Вы знаете, что ситуация в Замланде столь же безнадежна и что еще большее количество гражданского населения оказалось там в зоне сражения.

Бессмысленное кровопролитие в предстоящем русском наступлении будет на вашей ответственности. После совещания со всеми моими командирами и выяснив, что они разделяют мои взгляды, я считаю своей обязанностью обратить ваше внимание на ультиматум маршала

Василевского и рекомендовать вам принять его. При этом вы окажете большую услугу немецким людям. Лаш, генерал пехоты, бывший командующий цитаделью Кенигсберг».

Обращение к войскам Замланда было того же содержания, хотя несколько короче, и заканчивалось словами:

«Мы не должны позволить германскому правительству погубить остальную часть Германии, как оно погубило Кенигсберг. Война проиграна. Только сдача позволит избежать дальнейшей бесполезной резни. Гитлер и его режим, который так долго мучил немецких людей, должны пасть, но немецкие люди должны продолжать жить».

Эти сообщения были сочетанием фактических утверждений, сделанных генералом Лашем и его штабом, и российской пропаганды. Лаш понял это, когда документы положили перед ним для подписи. И все же не был ли он связан обязательством говорить не за себя, а за всех тех, кто умер в Кенигсберге, даже если там к его словам были добавлены мысли, которые он не мог бы одобрить, фразы, которые он мог бы подписать только под принуждением? Во всяком случае, вполне возможно, что Лаш решил подписаться только после того, как офицеры Василевского показали ему заключительное доказательство того, что Гитлер приговорил его к смерти и в его отсутствие заставил семью генерала заплатить этот долг. Эти новости сломили сопротивление Лаша.

Известие о падении Кенигсберга достигли генерала Мюллера через Берлин. Русские последние известия были собраны в Берлине, и Мюллера удивил телефонный запрос маршала Кейтеля относительно того, было ли действительно возможно для немецкого генерала капитулировать вопреки приказам фюрера.

Эрих Кох отреагировал на эти новости более непосредственно.

Демонстрируя показной непоколебимый героизм, он телеграфировал в штаб-квартиру фюрера: «Командующий Кенигсбергом, Лаш, воспользовался моим

кратковременным отсутствием, чтобы предложить трусливую капитуляцию. Я продолжаю борьбу в Замланде и на Фрише-Нерунге».

Несколькими неделями ранее подобная телеграмма сокрушила генерала Хоссбаха. Теперь безоговорочная вера в Коха побудила Гитлера осудить Лаша на смерть и бросить его семью в концентрационный лагерь. Генерала Мюллера вызвали в Берлин для дачи объяснений. Он не возвратился. Генерал фон Заукен прибыл на его место.

Когда фон Заукен принял командование, уже не могло быть сомнения, что фронт Замланда обречен. 14 апреля многочисленные русские колонны атаковали с севера – маршал Василевский решил закончить недоделанную работу.

Беженцы из Кенигсберга, которые уехали 5 апреля, были все еще в пути к Пиллау. Деревни и курортные города по южному побережью Замланда были переполнены. Фронт держался слишком долго – и непрерывные заявления окружного руководителя Коха обманули людей, дав новую надежду.

После начала русского наступления новая волна бегства охватила Замланд. Поток беженцев присоединился к рассеянными фрагментам IX и XXVI армейских корпусов, которые сломались под внезапным русским нападением 15 апреля и теперь устремились на запад к Пиллау. Снова солдаты и гражданские жители были захвачены русским наступлением.

Большое количество беженцев и армейских грузовиков оказались в лесах около деревни Лохстедт, между Кенигсбергом и Пиллау. Деревья скрыли от них ряд складов боеприпасов. Советские самолеты сбросили бомбы, и многие из полевых складов взорвались.

К счастью, позиции на подступах к Пиллау были укомплектованы, а потому удержаны в течение почти десяти дней.

Конец наступил 24 апреля. Русские войска достигли противотанковых заграждений непосредственно к северу

от Пиллау. Но отсрочка продлилась достаточно долго, чтобы эвакуировать гражданских жителей и многих из раненых через канал к Фрише-Нерунгу, где генерал фон Заукен установил свой командный пункт. 24 апреля все войска, кроме тыловой охраны, переправились к Нерунгу. Последний человек из тыловой охраны переправился 25 апреля.

Снова поток беженцев полз по дороге Нерунга, который видел такие страдания в январе и феврале. Поток беженцев никогда не иссякал, но теперь он снова преумножился.

До 22 апреля окружной руководитель Эрих Кох надеялся на чудо, благодаря которому Гитлер переломит военную ситуацию, и на сказочное везение в политике, о котором каждый мечтал. Но когда радиосообщения информировали Коха об окружении Берлина и беспорядках в штаб-квартире фюрера, его надежды иссякли. Он возвратился к другому плану, который разработал давно и хорошо, – плану своего собственного спасения. Но тем не менее он не сжег мосты. Он не хотел допустить, чтобы могущественный Гитлер в случае изменения ситуации мог выбросить его, как труса.

С восходом солнца 23 апреля Кох полностью уверился, что порт Пиллау будет потерян не позже следующего дня. Он решил сесть на ледокол «Восточная Пруссия», который арендовал и оборудовал для собственного использования. Но сначала он удостоверился, что радиооператор судна был в состоянии поддержать контакт со штаб-квартирой фюрера, чтобы иллюзия «героической борьбы» на земле Восточной Пруссии могла быть поддержана на высоком уровне.

С начала апреля ледокол «Восточная Пруссия» стоял на якоре в порту Пиллау. Помимо регулярной команды, он имел на борту группу радистов и команду зенитных орудий, которыми судно было оборудовано. Ледокол не был под юрисдикцией военно-морского флота и поэтому не взял на борт беженцев, хотя имел место для нескольких

сотен. Около него стоял второй ледокол «Прегель», также арендованный Кохом.

Сведения различных источников относительно бегства Коха отличаются – в некоторых вопросах радикально. Они дают две версии, противоречащие в деталях, но с одним и тем же общим результатом. Первая версия такова.

Днем 23 апреля, когда Пиллау уже находился под огнем тяжелой русской артиллерии, офицер СС из штаба Коха поднялся на борт «Восточной Пруссии».

– По приказу окружного руководителя и имперского комиссара обороны, – сообщил офицер капитану, – это судно должно быть готово отплыть сегодня вечером в семь часов. Окружной руководитель и его штаб войдут на борт незадолго до этого. Я должен проконтролировать погрузку важных вещей.

Капитан молчал. Он ожидал этого момента достаточно долго.

Немногим позже прибыла большая моторная баржа с автомобилем окружного руководителя. Автомобиль был погружен на борт и привязан на верхней палубе. Команда погрузила дорожные чемоданы и бесчисленные коробки с продуктами и напитками, которых было достаточно для долгой поездки. После полудня погрузка была закончена. В это время немецкие команды минометчиков уже заняли позиции на пирсе. Беженцы загружались в лодки и на баржи.

Около шести часов вечера моторная лодка доставила Коха, его штаб и телохранителей. Ледокол «Восточная Пруссия», сопровождаемый ледоколом «Прегель», отошел от пристани немедленно после прибытия Коха, оставляя позади горящие Пиллау и Нерунг. Кох отдал приказ плыть в Хелу, порт в Гданьском заливе, на самой оконечности полуострова, известного как Путцигер-Нерунг.

Эти два судна достигли Хелы утром 24 апреля. Ночь напролет радисты Коха на борту посылали в Берлин сообщения, закодированные как «Секретно – правительственный вопрос», чтобы создать впечатление,

что он все еще в осажденном Пиллау или на Фрише-Нерунге.

Хела был под огнем русских самолетов. Кох причалил после того, как налет завершился. Окруженный телохранителями, он шел через толпу беженцев, которые появились между бомбежками, чтобы высматривать суда. Взгляды, которыми провожали его, были полны ненависти и страха, но они также показывали почти бессмертную надежду тех, кто верил в течение многих лет и кто даже теперь думал, что этот грубый колосс, человек звучной фразы, мог принести спасение, возможно, обещанное чудо. Но Кох был далек от того, чтобы принести хоть что-то.

Кох направился к морскому командующему портом, объявил, что должен отправить срочное сообщение фюреру, и потребовал эскорт, чтобы провести его суда через воды, наполненные минами и подводными лодками, вдоль северного побережья Померании.

Но теперь, возможно впервые, Кох узнал, что его власть рушилась. Военно-морской офицер немедленно предположил, что Кох лжет, что он не имеет никакого сообщения – и бежал на запад. Офицер заявил, что специальный эскорт не доступен и окружной руководитель должен будет присоединиться к одному из конвоев с беженцами, которые должны отойти в Копенгаген после наступления темноты. Кох взорвался. Но он забыл, что этот офицер видел за прошедшие недели так много насилия и страдания, что его нельзя было больше обмануть.

Морской офицер повторил, что специального эскорта не будет. И добавил, что едва в состоянии собрать конвои для беженцев, поэтому не станет отвлекать ни одно из имеющихся в его распоряжении судов для любой другой задачи. Он предложил Коху присоединиться к одному из регулярных конвоев, а кроме того, взять на борт несколько сотен беженцев, для которых, без сомнения, найдется место.

Кох чувствовал, что его власть утекает, как песок сквозь пальцы. Он, возможно, пробовал добиться специального эскорта через Бормана и лояльного нацистского адмирала Кумметца в порту Киля. Но это означало, что он должен будет обнаружить свою попытку убежать. Кох отступил с мрачными, но пустыми угрозами.

Он отправился назад, на свое судно. Путь ему преградили сотни беженцев. Прежний лидер народной армии из Восточной Пруссии, один из маленьких, бесхитростных подчиненных, попросил, чтобы оставшиеся в живых солдаты из его части были взяты с ним. Этот человек сжался, когда Кох неистово закричал, требуя прекратить беспокоить его такой грязью. Кох в ярости сказал «грязь», тут же прибег к театральным манерам и добавил, что нуждается в этом судне для выполнения задач решающей военной важности.

Кох теперь шел на борт так быстро, как мог, поскольку он боялся прибытия на его судно беженцев и незнакомцев. Пока он не знал, куда приведет его бегство, но ни в коем случае не хотел неизбежных свидетелей.

Такова одна версия.

Согласно другим источникам, Кох не оставлял свой штаб на Нерунге до 27 апреля. В тот же день радиооператоры Коха приказали, чтобы два этих ледокола оставили порт Пиллау и встретили Коха и его штаб в определенном пункте по берегу Нерунга. Ледоколы ответили, что в тех водах находятся русские подводные лодки и что невозможно приблизиться к Нерунгу. Вслед за этим им приказали встретить Коха в Хеле.

Кох и его окружение прошли вдоль Нерунга к пункту около Данцига и затем пересекли бухту на барже, прибыв в Хелу, очевидно, утром 28 апреля.

Окружной руководитель Данцига Форстер сопровождал Коха до входа в порт Хела, который был закрыт барьером и охранялся военной полицией. Кох и его свита пробились через толпу беженцев, ждущих судов, не обращая на них

ни малейшего внимания. Вскоре после этого ледокол «Восточная Пруссия» оставил порт.

Согласно источникам, используемым выше, бегство из Хелы происходило следующим образом. Когда Кох, после возвращения от командующего портом, шагнул по палубе «Восточной Пруссии» со своими приспешниками, он обнаружил среди спасательных шлюпок десятилетнего неизвестного мальчика. Он схватил ребенка и накричал на него, выясняя, как он оказался на борту. Дрожащий мальчик признался, что его мать и брат также на судне. Первый машинист, человек из Кенигсберга, привел свою семью и спрятал их. Кох позвал охранников и приказал, чтобы безбилетники были немедленно высажены на берег. Машинист, услышав шум, появился на палубе. Он был человеком, который испытывал страх перед сильными мира сего. Но его ярость и опасение за свою семью были сильнее. Он заявил, что если его семья будет высажена, то судно отправится в последний рейс. Капитан, также на грани самообладания, поддержал машиниста. И Кох, который не мог без них обойтись, отступил.

«Восточная Пруссия» оставила Хелу в сумерках.
«Прегель», после передачи своих угольных запасов «Восточной Пруссии», остался позади.

Судно Коха избежало всех советских мин и подводных лодок. Даже теперь он продолжал посылать радиосообщения в Берлин, но не получил никаких ответов, кроме некоторых пропагандистских провозглашений Бормана.

Кох начал терять контроль над ситуацией. Он не мог постоянно поддерживать на высоком уровне свои сообщения о героическом сопротивлении. Радиопередачи новостей указали, что Гитлер остался в Берлине, что город окружен и сражение за Берлин скоро будет закончено. Наконец, поступили новости об измене Геринга, затем Гиммлера.

После этих новостей Кох оставил всякую надежду на Гитлера и думал только о собственном спасении. Ледокол «Восточная Пруссия» вошел в гавань острова Рюген, но

этот остров был к тому времени объявлен цитаделью, и командующий цитаделью запретил Коху бросить якорь в гавани. Ледокол остался на рейде среди судов, которые ждали эскорта.

Кох и люди, что были с ним, теперь умили свои претензии. В нервозности Кох шагал по верхней палубе. Некоторые из господ пробовали успокоить нервы при помощи ловли рыбы. Большинство из них взялись за бутылку. Коричневая партийная униформа была для пробы заменена сначала более простой армейской формой. Затем появилась гражданская одежда. Маскировка менялась часто, возможно, чтобы проверить, какая самая эффективная. Ложный героизм и вера в победу, болезненное действие игры внезапно исчезли.

Так как высадка на материке в этом месте была невозможна, к тому же острову Рюген также угрожали русские, Кох решил, что он попробует достигнуть Дании. Пока еще он не сформировал окончательный план своего исчезновения.

В этом пункте источники снова различаются. Согласно одному из них, бегство продолжалось следующим образом. Не ожидая эскорта, ледокол «Восточная Пруссия» пришел к датскому острову Борнхольм, в попытке достигнуть относительно свободных от мин вод у шведского побережья и следовать в Копенгаген. Ночью 30 апреля наблюдатель увидел яркий свет шведского берега. На следующий день радисты получили сообщение о смерти Гитлера и после него длинное сообщение нового правительства адмирала Дёница, объявляющего о своем намерении закончить войну на западе, но бороться на востоке. Никто в пьяной толпе вокруг Коха не был огорчен, когда поступили новости о смерти Гитлера. Но из сообщения Дёница Кох почерпнул заключительное, недолгое вдохновение. Он решил приплыть в порт Фленсбург, где Дёниц имел штаб, и отдать себя в распоряжение адмирала для борьбы на востоке. Побуждаемый этой идеей, Кох причалил в Копенгагене 2 мая, чтобы выступить с речью перед немецкими

беженцами о сопротивлении на востоке. Он снова почувствовал искушение властью.

Копенгаген показал первые признаки грядущего восстания датчан против немецкого правления. 5 мая Коху приказали оставить порт. Командующий портом отказался предоставить эскорт.

7 мая ледокол «Восточная Пруссия» достиг порта Фленсбург, и здесь Кох узнал, что немецкая сдача неизбежна. Последние надежды на власть оставили его. Он и его люди освободили от обязательств членов команды столь быстро, как могли. И пока увольнительные документы еще подписывались, оружие, партийная униформа и инкриминирующие бумаги летели за борт. Чемоданы и багаж были перенесены на берег, окружение Коха рассеялось, замаскировавшись. Сам Кох исчез, оставив позади слух, что он – на пути к адмиралу Дёницу, чтобы предложить свои услуги.

Согласно другим источникам, Кох, находясь перед островом Рюген, отослал следующее радиосообщение: «Для военно-морского командования, Киль. Я нахожусь... с ледоколом «Восточная Пруссия» и без эскорта. Срочный приказ фюрера вызывает меня. Требуется немедленно действовать. Окружной руководитель Кох».

Это радиосообщение было получено немецким торпедным катером Т-34, который сопровождал транспорт с ранеными из Хелы на запад. Т-34 радиовал в ответ: «Прибудем после полудня. Ждите и присоединяйтесь к конвою в Копенгагене».

Около полудня 29 апреля на Т-34 увидели судно Коха. Ледокол «Восточная Пруссия» приблизился к торпедному катеру, и детали рейса были улажены. Кох, окруженный некоторыми из своих помощников, появился из каюты, подошел к ограждению и прокричал: «Хайль Гитлер, командир!» Кох был возмущен, что придется ждать прибытия минного тральщика, который должен присоединиться к конвою. Минный тральщик прибыл днем. Конвой сформировался, во главе был Т-34. Ледокол следовал за ним. Он выходил из колонны несколько раз и

однажды почти таранил торпедный катер, скорость которого девять узлов была вызвана скоростью самого медленного судна в конвое. Вероятно, рулевые на ледоколе были пьяными.

Конвой достиг Копенгагена 30 апреля. Наступила ночь, и не было никакой возможности войти в переполненный порт. Конвой бросил якорь на рейде. Но ледокол «Восточная Пруссия» остановился рядом с Т-34, и Кох, ссылаясь на срочный «приказ фюрера», потребовал, чтобы его доставили в порт немедленно. Командир Т-34 отказался. Вслед за этим ледокол вошел в порт один. Кох среди ночи разбудил чиновников порта и настаивал, чтобы его судно было разгружено и автомобиль выгружен на берег. Затем Кох и его приближенные уехали.

Не важно, какой из этих источников в конце концов окажется правильным. Вероятно, оба частично верны, частично ложны. Но различия в деталях ничего не меняют в общей картине бегства. Они не меняют факта, что Кох, используя в своих интересах хаос последних дней, скрылся под именем майора Рольфа Бергера с фальшивыми документами и чужой униформой, чтобы вести неприметную жизнь, пока, годы спустя, не выдал себя.

Глава 4

Бегство по морю

Это было 26 января 1945 г. Город Гдыня в Гданьском заливе был скрыт снежным шквалом. Ледяной ветер несся поперек залива и по равнинам.

Снег шел не переставая в течение многих дней. Улицы были завалены глубокими сугробами. Фургоны колонн беженцев, сливавшихся в бесконечную процессию, были похожи на снежные холмы. Беженцы прибывали также на поездах; группами они выходили со станции и с трудом шли по улицам, чтобы отыскать убежище в школах, бараках или портовых складах. Их можно было видеть стоящими в длинных линиях перед новыми морскими вспомогательными станциями и полевыми кухнями с супом, которые были расположены под навесами гавани или в кустарных деревянных убежищах.

Женщины, закутанные до глаз, шли с детьми от двери к двери, выдерживая ветер и снег, чтобы попросить кров или чашку теплого молока. Были также дети, которые тянули своих больных матерей вперед на салазках или досках, ища доктора, кровать или только теплый угол. Из порта в город прибывали другие закутанные фигуры, все больше беженцы из Кенигсберга, Замланда, Восточной Пруссии, кто нашел место на борту судна в Пиллау и высадился на берег здесь, за пределами непосредственной опасной зоны.

Через шеренги этих людей катили длинные санитарные автопоезда и открытые грузовики, заполненные ранеными из Курляндии, которые прибыли на дополнительных госпитальных судах и судах, пустых от боеприпасов. Гдыня была все еще одним из главных пунктов поставок и отправлений для Курляндского фронта. Раненые были доставлены сюда, чтобы продолжить рейс по суше. Одни санитарные машины и грузовики с беспомощным грузом направлялись к запасным путям железной дороги, где стояли в готовности товарные вагоны с курящимися дымом печами. Другие катились в госпитали в городе.

Позади них шли раненые, которые были способны идти, с повязками и костылями, многие из них были без пальто и защищались от холода, как могли. Они шли по улицам Гдыни, как только прибыли из Курляндии, счастливо сбежав из одного котла и оказавшись в опасности быть пойманными в другом.

Тем утром офицер адмирала Бухарди стоял у окна в береговой гостинице Гдыни. Через заклеенные бумагой стекла он смотрел на снег, крутящийся над бассейном порта.

Молодой, энергичный корветтен-капитан был неуместен в гостиничном номере. Он видел сражение в Финляндском заливе и разгром под Ленинградом, капитуляцию финнов и эвакуацию германских баз на финских островах. Он отступал из Латвии и Эстонии, оставлял Ригу и Ревель и сражался за полуостров Сворбе. Он стал специалистом в операциях по эвакуации и поставкам по морю. Он был назначен ответственным за все линии поставок в курляндской армии.

Простой случай перебросил его из штаба адмирала в Либау в порт Гдыни. Когда он прибыл, командир порта был в состоянии полного оупения. С восьми часов утра до двенадцати ночи в его офисе продолжались бурные совещания, в то время как в порту росло и росло наводнение беженцев, которое призывало к действию.

Молодой офицер решил остаться в Гдыне и взять дело в свои руки. Адмирал Бухарди в Либау дал на это разрешение, а несколько дней спустя пришел приказ от адмирала Дёница, назначавший его остаться в заливе Данцига и «в случае необходимости» провести эвакуацию из Восточной и Западной Пруссии через море.

Слова «в случае необходимости» были совершенно напрасны. Было достаточно одного взгляда на отправки с фронтов и из портов Пиллау, Данцига и самой Гдыни, чтобы страдания схватили вас за горло. И если человек также знал, каким слабым был германский военно-морской флот в Балтийском море и какой тоннаж

германского торгового флота имелся в запасе, его охватило бы почти отчаяние.

Количество доступных судов было сокращено до минимума. Все немецкие ресурсы были брошены на строительство подводных лодок, в поспешном усилии привести в действие новые электрические лодки типа 21, прежде чем были потеряны базы в Норвегии, прежде чем вся война подводных лодок рухнула из-за отсутствия баз. Стали снова использовать суда, которые давно должны были быть на свалке. Теперь они путешествовали без защиты от мин и с эскортами настолько слабыми, что уже год назад их называли «простым безумием». Но этому нельзя было помочь.

Этим утром молодой капитан боролся по телефону за некоторые суда, в которых отчаянно нуждался. Он только что возвратился из поездки до Пиллау и Нерунга. Он видел толпы на пирсе Пиллау и обледенелые палубы минных тральщиков, забитые мужчинами, женщинами и детьми, стоящими рядом. У него больше не было иллюзий – его сил не хватит, чтобы спасти их всех. И при этом он не был в состоянии предотвратить бедствия, уже не говоря о том, чтобы создать транспортные условия, которых достойны люди. Но когда вы хотите спасти один-два миллиона человек от смерти (или от разрушения другого вида), вы не можете также думать о тех, кто остается без вашей помощи.

Корветтен-капитан принял драконовские меры. Он сместил всех офицеров, опыт и здоровье которых не подходили для предстоящей задачи, и заменил их моряками, которые хорошо показали себя в трудных ситуациях. Безусловно, он вошел в противоречия с военно-морским Верховным командованием «Восток». Но неизбежный ход событий наделил маленького, неизвестного человека счастливой властью.

Катастрофа разразилась уже 30 января. Она оказалась самым большим бедствием в морских анналах. Она бросила свою тень на многолюдные толпы в портах вдоль

балтийского побережья и ударила новым страхом в сердца испуганных беженцев.

В это время в Данциге и Гдыне располагались некоторые подводные части, которые до начала советского наступления были лихорадочно заняты обучением подводных команд. Они были вне сферы юрисдикции молодого командующего. Две из этих кадетских дивизий стояли в Гдыне, две другие – в Данциге. Помимо своих подводных лодок, они имели некоторые целевые суда – разрушители торпедных катеров и большие плавучие казармы «Вильгельм Густлоф», «Ганза», «Гамбург» и «Германия» – все они прежде были пассажирскими лайнерами, и все теперь были окрашены для камуфляжа.

21 января адмирал Дёниц приказал, чтобы четыре кадетские дивизии оставили Гданьский залив и переместились на запад в Любекский залив. Команды, портовые отделения, женский вспомогательный корпус, персонал причалов и как можно больше материальной части должны были быть погружены на большие лайнеры и отвезены на запад с максимальной скоростью. Если грузовое место не было необходимо для подводных частей, то оно передавалось беженцам.

Таким образом, 30 января суда «Ганза», «Гамбург» и «Германия» каждое взяло на борт приблизительно по семь тысяч человек. На борту «Густлофа» были в тот день приблизительно пять тысяч беженцев в дополнение к команде и персоналу подводной школы. Погрузка беженцев происходила частично в хорошем порядке, частично в полном хаосе. Члены высшего общества Данцига и другие люди со связями имели большие возможности, чем остальные беженцы. Невероятные денежные суммы платились за эвакуационные документы и билеты. Царили спекуляция и коррупция, как и в порту Кенигсберга. Женщины пробовали доставить контрабандой своих мужей или сыновей на борт в чемоданах, в коробках или замаскированными под женщин, в то время как патрули Генриха Гиммлера, теперь командующего группой армий «Висла», прочесывали

порты и суда в поисках мужчин, которые выглядели пригодными для службы в армии или народной армии.

В полдень четверем судам было предписано одновременно сняться с якоря. Так как подводные флотилии не имели никаких судов эскорта, с молодым корветтен-капитаном было согласовано, что конвой должен быть сформирован от Хелы к вечеру и оттуда сопровождать на запад их будут минные тральщики. Этот план был выполнен для судов «Гамбург», «Германия» и «Ганза». Но «Ганза» получила повреждение неподалеку от Хелы, и отправление конвоя было отсрочено.

Конвой должен был плыть в сравнительно мелких водах около побережья Померании, чтобы уменьшить опасность, исходившую от советских подводных лодок. «Густлоф», водоизмещение которого было больше, чем у других судов, не мог следовать этим маршрутом. Его командир отдал приказ оставить конвой и идти вперед одному на полной скорости. Корветтен-капитан возражал и настаивал на том, чтобы отложить рейс «Густлофа» до тех пор, пока не будет найден эскорт. Но командир «Густлофа» настоял на своих приказах.

Судно оставило Гданьский залив к шести часам вечера, сопровождаемое одним минным тральщиком, который шел на некотором расстоянии впереди.

Медленно шли часы. На верхней палубе наблюдатели смотрели в темноту. В зенитных башнях ветер выл настолько громко, что шум приближающихся самолетов не был слышен. Беженцы, лежа или сидя в каютах, залах, проходах, боролись с морской болезнью, прислушиваясь к звуку двигателей и реву моря.

Днем ранее большинству беженцев дали инструкции, что делать в случае катастрофы. Их попросили не снимать верхнюю одежду. Но многие из них, согревшиеся теплом на судне, тем не менее разделись и теперь мирно лежали на циновках и матрацах.

Приблизительно в 9.06 внезапный удар встряхнул судно. Десять секунд спустя прозвучал другой, и затем, через

пятнадцать секунд, третий удар поразил «Густлоф». Ударная волна пронеслась через проходы. Погас свет.

После первого удара все сразу ринулись на верхнюю палубу. Инструкции были забыты. В паническом бегстве к лестницам люди оставили свои спасательные круги. Каждый, кто упал, был растоптан. Мужчины кулаками прокладывали себе путь вперед. Командир оказался беспомощен перед лицом паники. Красные ракеты бедствия взлетели с мостика. Команда радистов пробовала связаться с другими судами или портами и вызвать помощь. Некоторые члены команды под угрозой пистолетов попробовали остановить нарастающий поток людей из трюмов, которые устремились к покрытой льдом шлюпочной палубе. Но они не посмели стрелять в своих соотечественников и таким образом были сметены с пути.

«Густлоф» теперь находился приблизительно в 40 километрах от побережья Померании, напротив города Штольп. Сопровождающий минный тральщик не заметил бедствия и исчез. Капитан «Густлофа» знал, что его судно поражено тремя торпедами и что никакие суда не решатся войти в опасные воды для их спасения. Единственная надежда была на меньший корабль, оборудованный глубинными бомбами.

Судно накренилось на двадцать пять градусов. Переборки торпедированных секций были закрыты, и команда попробовала подключить насосы. Пар от взрыва проникал через нижние палубы. В непосредственной близости от места взрыва лежало много мертвых или раненых. Дальше от мест попадания женщины и дети сидели в оцепенении. Только некоторые из них могли быть перемещены на верхние палубы, где тем временем вой ветра и рев моря смешивался с криками тех, кто боролся за место в спасательных шлюпках.

Из-за крена судна нельзя было воспользоваться спасательными шлюпками с правого борта. Обледенелые шлюпбалки левого борта с трудом перемещались. Команду судна оттеснила толпа, которая хотела ускорить спуск шлюпок. Веревки были выпущены слишком рано, и

полностью нагруженные лодки упали в воду или опрокинули свой груз в волны, повиснув на одной веревке. Только несколько лодок достигли воды благополучно.

Не менее горячее сражение бушевало вокруг спасательных плотов. Прозвучали выстрелы. Группы мужчин, сбитых или упавших, лежали на палубе или скользили по покрытой льдом стальной обшивке в море.

Спустя полчаса, когда стало ясно, что судно не тонет, паника уменьшилась. Страх сменился надеждой, тем более что капитан сообщил, что порт Кольберг, расположенный на расстоянии менее 160 километров, обещал послать спасательные суда.

Холод и ветер погнали массы назад в укрытия. Женщины тихо плакали. Раненые опустились на свои матрасы. Матери звали своих потерянных детей.

Но вокруг судна дикая борьба за жизнь продолжалась. Шлюпки, которые опустились на воду, плавали перегруженными среди сотен пловцов, которые быстро замерзали. Они цеплялись за веревки и весла спасательных шлюпок, умоляя о помощи. Некоторых из них втянули. Другие тонули, когда их покидали силы.

В десять часов появилась морская баржа и сделала попытку приблизиться к судну. В тот момент на верхней палубе было много беженцев, и баржу заметили только единицы. Прежде чем новости о ее прибытии смогли распространиться, «Густлоф» тяжело встряхнуло. Переборки торпедированных секций не выдержали, и вода понеслась по нижним палубам. Команда, которая работала внизу с насосами, оказалась в ловушке. Двое из машинистов спаслись через воздушную трубу.

Теперь события развивались быстро. В течение шестидесяти секунд судно полностью перевернулось на бок. Палубы стояли под прямым углом к поверхности воды. Почти две тысячи человек были на более низкой прогулочной палубе. У них не оставалось времени, чтобы подняться на верхнюю палубу, – пол под ними поднялся, и через стеклянные перегородки они упали в глубину. В тот

момент, когда трубы коснулись воды, мужчины и женщины все еще мчались по большому пространству корпуса, пока не упали в ледяное море.

Днем 30 января капитан Херинг, командир шестисоттонного торпедного катера Т-36, присоединился к крейсеру «Адмирал Хиппер» водоизмещением 10 тысяч тонн, также загруженному беженцами, и следовал за ним на полных парах. Т-36 взял двести пятьдесят беженцев в Данциге. Он был загружен до предела частями машин и багажом. В вечерние часы рядом с Хелой два судна прошли конвой, от которого отделился «Густлоф».

Температура была ниже нуля. Катер вскоре покрылся толстой коркой льда.

Между восьмью и девятью часами ночи «Адмирал Хиппер» и Т-36 прошли самый северный пункт побережья Померании и повернули на запад. В 9.45 наблюдатели на торпедном катере сообщили о сигналах бедствия. Минуту спустя радист принес капитану Херингу сообщение от капитана «Густлофа». Командир «Адмирала Хиппера» отпустил торпедный катер с приказом поспешить к месту бедствия и спасти тех, кого можно было спасти. Т-36 двинулся к тонущему лайнеру. Тем временем команда взялась за кирки, чтобы освободить оснастку спасательной шлюпки ото льда. Беженцы на борту сгрудились, чтобы освободить место.

Полчаса спустя Т-36 увидел «Густлоф». Напрасно Херинг пробовал вступить в контакт с мостиком «Густлофа». Он подошел близко к тонущему судну, стараясь найти место, где бы он мог встать рядом с ним. Он встретил морскую баржу, занятую тем же самым. Но море подбрасывало баржу, как игрушку. Снова и снова волны швыряли ее на корпус судна, напрасно команда пробовала шестами удерживать расстояние.

Многие из тех, кто выпрыгнул за борт, оказались между двумя этими судами. Они были раздавлены, и их кровавые тела смыты и унесены волнами. Херинг отбросил всякую мысль о том, чтобы встать рядом. Он остановил двигатели и в течение нескольких минут дрейфовал в 100 метрах

позади «Густлофа». Затем он услышал пронзительное завывание сирены, когда судно опрокидывалось.

Торпедный катер тихо дрейфовал среди пловцов. Море было покрыто мужчинами и женщинами, молящими о помощи. Капитан Т-36 имел рыболовные сети, свисавшие по сторонам судна. Его моряки, цепляясь за самые низкие веревки, привязывали их к пловцам, дрейфующим мимо, и буксировали их на борт. Недалеко появился другой торпедный катер, «Лёве», который также дрейфовал с остановленными двигателями.

После нескольких минут прослушивающий аппарат Т-36 уловил шумы русской подводной лодки, которая потопила «Густлоф» и все еще лежала в засаде. Радар также определил местонахождение субмарины. Так как команда Херинга не была должным образом обучена, он не имел возможности напасть на эту подводную лодку, к тому же такое нападение надолго прервало бы его спасательную работу. Он сделал единственное, что мог сделать, – маневрировал, поворачиваясь носом или кормой к субмарине, которая кружилась на расстоянии приблизительно трех километров.

Но затем локаторы Т-36 засекли другую подводную лодку – и таким образом он был вынужден уйти после спасения пятисот шестидесяти четырех человек, потерпевших кораблекрушение. Херинг не мог рисковать, подставляя свое судно под торпеды, и действительно, он только благодаря внезапным поворотам избежал двух торпед, нацеленных на его судно. Из-за внезапного ухода он потерял нескольких членов своей команды, которые вышли к дрейфующим спасательным плотам, чтобы связать спасательные веревки.

Около 4.30 часов утра Т-36 догнал «Адмирала Хиппера». Около 14.00 он передал уцелевших пассажиров «Густлофа» на госпитальное судно, направлявшееся к острову Рюген. Торпедный катер «Лёве» спас еще двести тридцать человек. Девятьсот пятьдесят беженцев, солдат и моряков пережили потопление «Густлофа».

Самые ужасные вещи, которые довелось видеть за всю свою жизнь дивизионному капеллану Дорфмюллеру, происходили с детьми. Судьба забросила его в порт Пиллау 16 января, и там он наблюдал беспомощных, укутанных маленьких существ, превращаемых в нечто вроде билетов на судно для беженцев. Кто-то в течение первых недель выпустил инструкции, что только матери, отцы или бабушки с детьми должны быть взяты на борт судна. И женщины, которые вошли на борт с младенцами, бросали их родственникам, все еще стоявшим на пирсе, чтобы также дать им возможность оказаться на борту. Часто дети проскакивали в воду между судном и пирсом или падали в безумную толпу и бывали растоптаны. Или детей ловили незнакомцы, которые использовали их, чтобы обманным путем попасть на борт.

Детей крали у спящих матерей или у тех, кто не следил за ними ежеминутно. Среди мародеров, которые пришли в Пиллау в эти дни хаоса, были солдаты, и некоторые из них украли детей. С ними на руках они проталкивались на борт, утверждая, что должны спасти свои семьи. Солдаты появлялись в женской одежде, которую украли или получили от своих любовниц. Если они попадали в руки военной полиции или патрулей СС в порту, то на следующий день их можно было увидеть висящими над толпой на фонарных столбах и металлических конструкциях гавани, как покрытых снегом марионеток, качающихся на ветру.

К 8 февраля силы капеллана Дорфмюллера закончились. Для человека, который хотел помочь, две недели в Пиллау было слишком много. Порт, нетронутый до середины января, как будто находился на другой планете, 17 и 18 января был брошен в глубину страдания. Когда первые беженцы приехали из Замланда с ужасными новостями, граждане Пиллау все еще думали, что находятся в безопасности. Но теперь с этим было покончено. Большая часть города лежала в руинах. В дюнах местная милиция строит новое кладбище. Теперь, после двух недель, старое кладбище не могло принять больше никого.

26 января не было дома в Пиллау, который не был заполнен беженцами. В тот день склад боеприпасов форта взлетел на воздух, возможно, из-за саботажа. Взрыв разрушил город. Он лишил многих крыши над головой. За ночь до этого колонна численностью двадцать восемь тысяч беженцев прибыла в город. Каждый переулок, каждая улица была заставлена их транспортными средствами. Люди ждали под каждым навесом гавани, в каждом защищенном от ветра углу. Среди них стояли животные, блеющие, фыркающие, мычащие. Затем раздался взрыв. Капеллан не забудет трупы на улицах или брошенные на деревья. Не забудет многих, кто помчался по улицам, обезумев.

Пиллау тех дней никогда не будет описан – никогда. Капеллан знал это – он знал, что никто не найдет силы описать эту картину ужаса и разрушения. Даже в его собственном уме страдание, которое он видел день тому назад, или страдание, которое было перед его глазами прямо сейчас, исчезло в смущенном тумане несвязных образов. Беременные женщины, рожаящие где-нибудь в углу, на земле, в бараках. Раненые и больные, в постоянном страхе оказаться брошенными, скрывали оружие под одеялами, чтобы вынудить кого-нибудь взять их с собой или прикончить, если придут русские. Сироты, которые были спасены из их убежища в последний момент и брошены на телеги без ничего, кроме одеял, и которые теперь лежали на полу с отмороженными руками и ногами. Русские военнопленные, доставленные на запад согласно приказам сверху, в опорках на деревянных подошвах, их изодранные пальто скреплены бумажными завязками. Старики, которые легли в каком-то дверном проеме ночью и не пробудились. Жажда жизни у тех, кто нашел друг друга, чтобы спариться среди руин среди бела дня. И безумные с дикими глазами, которые бегали от дома к дому, от фургона к фургону, окликавая своих матерей или детей. Везде, куда бы он ни посмотрел, толпы отчаявшихся людей. Над всем этим – серое небо, снег, мороз и таяние, таяние, и мороз, и снег, и холод, убивающе влажный.

По всему этому 5 февраля ударили первые русские бомбардировщики. Немецкие самолеты на Нерунге стояли из-за нехватки топлива. Русские бомбы превратили то, что осталось от города, в руины, пепел и щебень. Запах огня долго висел в воздухе, и грузовики, собирающие мертвых, катились по улицам.

Во всем этом страдании была только одна надежда: порт с его судами или дорога по Фрише-Нерунгу до Данцига. Ранее флот и боевые инженеры думали о построении моста на плавающих опорах, поперек канала длиной полкилометра до Нерунга. Но это потребовало бы время, а времени не было. Только три парома, застрявшие между Пиллау и Нерунгом, везли фургоны, рогатый скот и людей. Никто не знал, как долго паромы будут в состоянии ходить днем, не теряя свой груз под пулеметами русских самолетов. Море фургонов, ждущих в Пиллау, как и фургоны на Нерунге, уже было случайной целью для русских самолетов-истребителей. Капеллан Дорфмюллер слишком часто стоял над мелкой могилой кого-то, убитого осколочными бомбами. Он думал о будущем и дрожал.

Среди судов в порту Пиллау стоял северо-германский ллойдовский бывший роскошный лайнер «Генерал Штойбен».

Несколькими неделями ранее 17 500-тонный лайнер служил плавбазой для личного состава подводных лодок. В первые дни февраля он выполнял миссию по эвакуации в Свинемюнде, на побережье Померании, и благополучно доставил свой груз из нескольких тысяч раненых. Тяжелый туман задержал его возвращение на целый день. Он прибыл обратно в порт Пиллау 8 февраля.

С ранних часов 9 февраля беженцы осадили судно. Это был день, когда распространился слух, что русские прорвались через фронт Замланда и что они в 20 километрах от города.

Судно быстро заполнилось сверх предела погрузки. Обширная прогулочная палуба превратилась в массовый лагерь, где тяжело раненные лежали голова к голове. Менее серьезно раненные толпились на нижних палубах

вместе с беженцами. Медсестры и медицинские помощники поднимались по пациентам, лежащим в проходах. Но впервые за несколько недель толпы на борту чувствовали нечто подобное теплу, безопасности и надежде.

К полудню более чем две тысячи раненых и более чем тысяча беженцев прибыли на борт в дополнение к команде из четырехсот человек. Точные списки больше не сохранялись, и точное число душ на «Штойбене» осталось неизвестным.

Приблизительно в три часа тридцать минут дня буксирные суда вывели лайнер в открытые воды гавани. Его эскорт, древний торпедный катер Т-196 и еще более старый минный тральщик FT-100, вышел в то же самое время. В последний момент Т-196 сам взял на борт приблизительно двести беженцев из Кенигсберга.

Два советских самолета преследования наблюдали небольшой конвой и атаковали Т-196 на низкой высоте. Они отстали, когда суда достигли открытой воды и двинулись прочь северо-северо-западным курсом. Море было спокойным, небо – серое и тяжелое.

«Штойбен» был окрашен в камуфляжный цвет, нес немецкое военное знамя и легкие зенитные средства. Он не был идентифицирован как госпитальное судно и плыл с выключенными огнями. Все это было естественным следствием чрезвычайного беспорядка тех дней, когда раненый солдат готов приветствовать даже угольную баржу, которая возьмет его, и, так или иначе, не имело смысла на войне, если не принимался во внимание Красный Крест.

На борту голодным давали их первую за многие дни пищу, замерзшие обогревались. Один или другой, возможно, думал об опасностях морского плавания. Но присутствие докторов и медсестер, которые работали без остановки, давало им чувство безопасности.

Конвой скользил в темноте со скоростью десять – двенадцать узлов. Некоторое время можно было все еще

слышать грохот артиллерии. Затем наступила тишина.

Между десятью и одиннадцатью часами «Штойбен» вошел в самые опасные воды между так называемой отмелью Штольпе и померанским побережьем. Это был участок, где бедствие настигло «Густлоф». «Штойбен» теперь пошел на полной скорости, и старый минный тральщик с трудом поспевал за ним. Искры выстреливали из трубы минного тральщика, разгоняя ночную тьму и показывая путь судам. Миновала полночь.

Хронометр на мостике показывал час ночи, когда приглушенный взрыв качнул судно. Зазвучала тревога. Короткий момент лайнер еще продолжал плыть, как будто ничего не случилось. На верхней палубе команды мчались к своим башням. Затем судно остановилось. Последующее заняло только несколько минут.

В ярком свете прожектора минного тральщика и сигнальных ракет бедствия, поднимающихся с мостика, «Штойбен» стал зарываться в воду носом. Капитан, который немедленно понял, что его корабль поражен торпедой в правый борт, попробовал спустить спасательные шлюпки с левого, но для этого не было времени.

Отчаянные крики нарушили тишину. Дым от взрыва заполнил проходы, расположенные ниже палубы. Только горстка тех, кто был в передней части судна, сумела подняться на палубу. Среди нагромождения коробок, корзин и спасательных плотов они скользнули в ледяную воду. Вся передняя часть судна, от бака до первой трубы, погрузилась в течение нескольких минут. Затем лайнер перевернулся на левую сторону.

Не было никакого пути для спасения с любой из палуб. Катастрофа произошла внезапно, и многие из раненых и беженцев на нижних палубах мирно спали.

Выстрелы раздавались там, где люди оказались пойманными в ловушку, – некоторые мужчины пробовали с помощью оружия проложить себе путь, другие покончили жизнь самоубийством.

Все, кто спустился с верхних палуб, собрались в кормовой части. Но вместо того чтобы прыгнуть и искать спасение на бесчисленных спасательных плотках, плавающих в воде, они скопились на корме лайнера, которая поднималась все выше и выше.

T-196 перемещался вперед и назад на расстоянии, бросая глубинные бомбы, чтобы отогнать советскую подводную лодку. FT-100 оставался насколько возможно ближе к тонущему лайнеру. Капитан минного тральщика пробовал руководить действиями своих спасательных шлюпок и шлюпок «Штойбена». Его моряки, свисая по сторонам на лестницах, извлекали из воды потерпевших кораблекрушение, которые дрейфовали мимо.

В течение нескольких минут казалось, что кварталдек «Штойбена» останется выше воды. Ужасные крики стихли. Но прошел час, и судно медленно погрузилось в море. Корма поднялась из воды, выставив наружу вращающиеся винты. Группы мужчин и женщин на кормовой палубе погрузились в воду, все еще цепляясь друг за друга. Некоторые попали в лопасти винтов и были отброшены в сторону. Крик внутри судна поднялся снова – незабываемый для всех, кто выжил. Затем судно погрузилось почти прямо, втянув за собой сотни тех, кто дрейфовал в воде. Тысячеголосый крик прекратился.

Во внезапной тишине, которая наступила в вечернем темном море, в свете прожекторов началась борьба за жизнь тех, кто покинул судно и избежал всасывания. Она длилась в течение многих часов. Суда эскорта спасли почти триста мужчин, женщин и детей. Они настолько замерзли, что не могли схватить веревки, брошенные им. Большинство из них нужно было втаскивать на борт. Мертвые дрейфовали с восковыми лицами. Многие из тех, кого подняли на борт, так и не пришли в себя.

10 февраля на рассвете суда эскорта должны были прекратить спасательные работы. Несколько часов спустя они вошли в док в померанском порту Кольберг, чтобы отпустить горстку оставшихся в живых. Никто не знал числа тех, кто утонул. Это число могло быть только

приблизительно оценено. И оценки показали, что их, возможно, было три тысячи.

Ночью 19 марта молодой корветтен-капитан плыл среди приблизительно тридцати рыбацких катеров, которые были поставлены на якорь у берега Фрише-Нерунг, чтобы брать беженцев и везти их через Гданьский залив до Хелы на Путцигер-Нерунг. Оттуда они были бы эвакуированы по воде. Такие транспорты теперь проводились ночь за ночью, чтобы спасти как можно больше людей. Над Гдыней небо было красным, огни сияли за пределами Данцига.

Офицер причалил и пошел в свой блиндаж. В течение почти двух недель он работал в Гдыне без чьей-либо помощи. Но затем военному начальству показалось желательным ввести человека, который имел больше золотого галуна на рукавах и плечах, кого-то, кто мог защитить молодого офицера и его планы от генералов. Адмирал Бухарди прибыл в Гданьский залив в середине февраля. Немного позже эти двое переместились из Гдыни в Хелу, который превращался в основной порт эвакуации и поставок.

Полуостров, названный Путцигер-Нерунг, выдававшийся в Гданьский залив и когда-то населенный несколькими сотнями рыбаков и их семьями, стал отрезком мертвой земли. Русские воздушные налеты разрушили дома. В редком лесу расколотые деревья лежали разбросанными по земле – русская артиллерия на материке взяла Хелу под обстрел. Все же адмирал и его помощник не имели выбора, кроме как доставить по возможности всех людей из портов, которым угрожают, и даже с открытого побережья на этот полуостров, над которым еще не нависла непосредственная опасность оккупации. Отсюда их можно было переправить морским путем. Трупы, торчащие из-под наскоро сделанных укрытий, были привычной картиной на полуострове. В январе и феврале, когда ледяные штормы проносились по Хеле, за ночь умирали тысячи.

В блиндаже было тихо. Адмирал Бухарди отсутствовал – он приболел. Молодой офицер был один. Он снял ботинки и пальто, склонился над диаграммами, чтобы проверить конвои, которые должны были прийти сегодня вечером, и суда, которые должны были возвратиться пустыми. Если все хорошо сложится, то двадцать пять тысяч душ оставят залив сегодня вечером; двадцать пять тысяч, которых можно будет добавить к одному миллиону двумстам тысячам тех, кого уже отправили через море. Он знал, что эти цифры только приблизительны, и все же они, возможно, принесли ему чувство удовлетворения, несмотря на потерю «Густлофа», «Штойбена» и нескольких меньших кораблей. Но он знал и транспортные условия, при которых были достигнуты эти результаты. Он провел рукой по лбу и подумал: «Спокойно!» Потом собрал радиодонесения и доклады, которые поступили в его отсутствие.

Гавань Свинемюнде и порты в заливах Киля и Любека едва ли были в состоянии принять большие транспорты с беженцами. Русские воздушные налеты и британские мины достигли такой величины, что вход в порты стал почти невозможным. Остались только несколько маленьких гаваней в Германии, а в Дании – Копенгаген.

Он стал картировать новый курс. Появился помощник с новостью, что два торпедных катера потоплены. Сколько беженцев было спасено, оставалось все еще неизвестно. Офицер продолжил работать. Этой ночью десятки тысяч должны быть эвакуированы. Они ждали в беспомощном отчаянии, и только он один мог им помочь.

Около десяти часов утра 16 апреля лейтенант Бринкман и скудные остатки его дивизии загружались на конвой, который стоял на якоре у Хелы.

Каждые три часа, начиная с его прибытия, русские самолеты появлялись над полуостровом. Они кружили над портом и судами снаружи и сбрасывали бомбы нового типа.

Последний налет только что закончился. Взгляд Бринкмана упал на мертвую девочку на пирсе,

остекленевшие глаза которой уставились в небо. Оставшиеся в живых толкались у барж, которые должны были взять их на суда.

Переполненный катер лейтенанта остановился рядом с пароходом «Гойя». Все морские баржи передавали свой человеческий груз на камуфлированные грузовые суда. День был ясным. Беженцы и солдаты взбирались на погрузочные сети. Краны поднимали на борт военное оборудование, багаж и коробки. В кустарных зенитных башенках на грузовых судах команды высматривали русские самолеты.

В двенадцать часов «мясники», как их стали называть в Хеле, прибыли и пролетели над судами. Их красные звезды сияли. Слабый огонь из башенок не мог их прогнать. Они круто снижались, простреливая палубы судов или атакая баржи. Везде, где падали их бомбы, оставались мертвые и раненые.

Бринкман прошел через отступление 2-й армии к Данцигу и видел ужас и разрушение. Но он никогда не мог забыть той баржи с грузового судна, приблизительно с тридцатью мужчинами и женщинами от семидесяти до восьмидесяти лет, возможно прибывшими из дома престарелых. С душераздирающим терпением они сжимались или лежали на своих вещах и носилках, ожидая, когда их возьмут на борт. Две бомбы поразили баржу. Мгновение спустя, когда над судном развеялся дым, ни один из них не пошевелился. Тонкие красные струйки бежали по бортам баржи.

Он не забыл и другую сцену. Суда были наполнены до отказа, но баржа за баржей прибывали от пирса, заполненные людьми, умоляющими, чтобы их взяли с собой. Семь тысяч человек уже втиснулись в трюмы «Гойи» – капитан объявил, что возьмет еще двадцать – и ни одним не больше. Восемнадцать прибыли на борт. Еще двое, однорукий молодой человек и его жена, стояли на барже лицом к лицу с двумя стариками, одетыми в пыльные черные одежды, казалось, что это были родители молодого человека. Молодой человек говорил с ними или,

скорее, кричал и проклинал, его голос был громким и разъяренным. Он сказал, что они, старые, должны остаться тут – они бесполезны, в то время как у него и его жены впереди долгая жизнь. Старики молча смотрели на него. Его голос повысился и надломился, как будто жажда жизни овладела им целиком. Сирена «Гойи» завывала, и он резко повернулся. Здоровым плечом он подтолкнул жену к погрузочной сети и сам стал подниматься вверх, невероятно быстро и ловко цепляясь здоровой рукой и культей. Его жена также карабкалась, таща за собой тяжелый узел. Баржа возвратилась к Хеле. Молодой человек не оглянулся назад.

Полчаса спустя прилетели «мясники». Но на этот раз один из них был поражен зенитным огнем. Остальные из осторожности повернули, сбрасывая бомбы в лагерь на полуострове.

Восемь судов конвоя снялись с якоря около семи часов. Минный тральщик шел впереди. Грузовые суда следовали в колонне. Когда конвой выплыл из Гданьского залива и повернул на запад, «Гойя» был наиболее удаленным судном со стороны правого борта.

Беженцы и солдаты находились в нижних отсеках – на палубе была только команда и несколько мужчин, которые несли вахту.

Бринкман нес вахту с десяти часов до полуночи. Ночь была черна как смоль. Он с трудом видел другие суда.

За четыре минуты до полуночи Бринкман решил подняться на мостик для смены вахты. Конвой был тогда в 100 километрах от побережья Померании, приблизительно напротив порта Штольп, и шел со скоростью девять-десять узлов.

Внезапно судно встряхнули два удара, последовавшие один за другим. Оно сразу стало тонуть, получив два торпедных попадания в борт и корму. В течение трех или четырех минут оно исчезло в воде.

Но за эти несколько минут Бринкман познал ужас. Сигнал «покинуть тонущий корабль» все еще звучал по палубам,

когда трюмы открылись и из них вырвались солдаты, беженцы, женщины, тесня и отталкивая друг друга. Черные, ужасные силуэты метнулись во все направления. Раздались выстрелы, люди повалились назад в трюмы.

Бринкман пробовал избежать пляски смерти на палубе и достигнуть мостика. Но у мостика огромная волна поймала его и смыла в море. Другая волна отбросила его к одному из спасательных плотов, плавающих на воде. Он увидел острую струю огня, взметнувшуюся из волн, и услышал грохот котлов, взрывающихся ниже. Затем наступила тишина.

Из этой тишины раздались призрачные, булькающие голоса тех, кто выскочил или был смыт за борт. Судя по звукам, их было несколько сотен, среди них много женщин и детей. Они цеплялись за спасательные круги и обломки. Снова раздались выстрелы, затем послышались последние крики утопающих.

Четыре солдата дрейфовали рядом и хватались за веревки на плоту. Другие суда из конвоя исчезли ночью, уходя под полными парами и делая зигзаги, чтобы избежать торпед. Какое-то время стояла странная тишина, нарушаемая только плеском воды по плоту. Затем раздался крик, пронзительный крик женщины, к нему присоединились другие. Бринкман слышал богохульства и проклятия войне, Гитлеру или Коху более ужасные, чем те, что он когда-либо слышал прежде, перемежающиеся мольбами к Богу и святым, которые только агония может выжать из человеческой груди. Они выросли в хор, настолько жуткий, что Бринкман достал пистолет, чтобы покончить с собой, но в конце концов бросил оружие в воду, дабы не соблазниться вновь.

Постепенно голоса стихли, раздалось ужасное бульканье изо ртов тонущих людей. В сумерках приближающейся смерти Бринкман увидел перед собой свое прошлое. Он припомнил ошибки, которые совершил и должен был бы исправить, если бы ему дали другую жизнь.

К реальности Бринкмана вернули какие-то отчаянные пловцы, которые попытались сбросить его с плота. Один

из солдат, который висел на веревках, погрузился на глубину. Бринкман и другие солдаты отчаянно боролись за жизнь. Волны подогнали к нему дрейфующий кусок дерева, и он использовал его как дубинку.

Час спустя прибыло спасение. Тень большого судна из конвоя возникла около них. Бринкман и его товарищи пробовали кричать, но смогли издать только слабые каркающие звуки. Но их заметили и втянули на борт.

Это судно спасло всего девяносто восемь человек: девяносто четырех солдат и четырех гражданских лиц. Десять человек умерли на пути в порт. Почти все женщины погибли прежде, чем пришла помощь. В Копенгагене Бринкман узнал, что быстроходные катера спасли еще восемьдесят два солдата и беженца. Сто семьдесят жизней были спасены – из семи тысяч.

Глава 5

Между реками

В то время, когда бушевало сражение за Восточную Пруссию, другое русское наступление развивалось на юге. Оно началось в большой петле Вислы между Варшавой и Балтийским морем, где река достигает своего самого западного пункта перед поворотом на север, и происходило на площади 240 километров между Вислой и Одером. Русские планировали взять территорию между реками к началу февраля. Тогда русские войска стояли бы в 80 километрах к востоку от Берлина. Командовал операцией маршал Жуков.

Центр немецкого фронта в этом секторе удерживала германская 2-я армия под командованием генерала Вейса. Войска Рокоссовского быстрым движением отбросили левый фланг 2-й армии на севере и отрезали его правый фланг от германских войск на юге. 9-я армия, к югу от петли Вислы, была разбита, и силы Жукова, теперь следуя по левому берегу реки, продвинулись на 125-километровом фронте от Бромберга до Лешно.

Генерал Вейс не видел альтернативы отводу своего правого крыла в цитадель Торн на Висле. При неустанном давлении шестидесяти приближающихся русских дивизий это отступление должно было быть произведено на такой скорости, что только маленькие части гражданского населения к западу от Нарева могли убежать. Не было никакого приказа на эвакуацию – за последней прокламацией партийных чиновников, объявивших, что победа была неизбежна, последовало их немедленное бегство.

Гражданские жители теперь бежали с запада вместе с отступающими войсками 2-й армии, к Торну. Дни были морозные. И снова дороги на запад и северо-запад заполнили потоки фургонов, людей и рогатого скота. Снова снег послужил многим саваном.

Едва правый фланг 2-й армии достиг Торна, Жуков закрыл город с юга. Два дня спустя его танки достигли Бромберга.

Торн был окружен 24 января. Но Гитлер отдал своему персоналу приказ, что Торн хорош, как цитадель Позен, и должен обороняться.

Генерала Людеке послали из Данцига в Торн 22 января. Он нашел горстку гарнизонных войск – рекрутированных ходячих больных и кадетов офицерской школы. Помимо польского населения, в городе было шестьсот немецких гражданских жителей. Другие немцы сбежали на запад в направлении Бромберга, и о них не было слышно. Торн также был цитаделью только по названию. Его боеприпасов в лучшем случае хватило бы на три дня сражения.

Войска Жукова и Рокоссовского обошли город с севера и юга. Но 1 февраля Людеке внезапно получил радиосообщение, приказывающее ему прорываться, пробивая себе путь на запад, к линиям 2-й армии. Раненых и гражданских жителей нужно вести с собой.

2 февраля войска Людеке были готовы. Он сформировал три колонны. Центральная колонна состояла из раненых и гражданских жителей. Снег был высоким, ветер – ледяным. Раненых и больных везли на санях, которые застряли несколько дней спустя в период распутицы. Вылазка на рассвете была успешной, и в сумерках войска Людеке с успехом продвинулись на запад. Но затем он получил другой приказ, отменяющий первый.

В новом приказе говорилось, что Людеке должен повернуть на север, пересечь Вислу вниз по течению и присоединиться к правому флангу 2-й армии.

5 февраля некоторые войска Людеке пересекли по льду Вислу. 7 февраля позиций 2-й армии достигли приблизительно девятнадцать тысяч из тридцати двух тысяч солдат и гражданских жителей, которые сделали вылазку из Торна. Судьба тринадцати тысяч других оставалась неизвестной, но говорили, что большинство гражданских погибло.

Альберт Форстер, окружной руководитель и имперский комиссар обороны Данцига и Западной Пруссии, устроил

свои офисы в зданиях около церкви Святой Марии в Данциге. В то время как внешне здания остались неизменными, интерьеры были полностью преобразованы.

В свое время Форстер был, возможно, наименее нежелателен среди восточных окружных руководителей, так как был католиком. Его адъютант, Лангман, посещал мессу ежедневно. Форстер остался скромным человеком; ему всегда претило самонадеянное отношение Грэзера, не говоря уже о Кохе. Ему не было еще сорока. Он следовал своей цели – от слепой веры в Гитлера он все больше склонялся к тому, чтобы формировать собственные суждения и следовать им.

Хотя Форстер вступил в игру на востоке поздно, он бросил вызов популяционной политике Гимmlера и Бормана и вместо этого пробовал практиковать примирительную собственную политику. После первых эксцессов он старался избежать затруднений для польских жителей. Предпринимал постоянные усилия обеспечить равенство по крайней мере для большей их части. Возможно, задача у него была легче, чем у Грэзера, – район Форстера до 1918 г. был преобладающе немецким. Но его политика стоила ему доверия Гимmlера и Бормана, и Борман блокировал путь Форстера к Гитлеру, определенную веру в которого этот окружной руководитель сохранил почти до конца.

Форстер верил также в победу. Но его неблагоприятная надежда не препятствовала ему оказаться перед возможностью краха на востоке. И при этом он не потерял теплого чувства к людям. Он не мог закрыть глаза на опасности, угрожающие им, как делали Грэзер и Кох.

Без сомнения, Форстер колебался. Возможно, к решению своевременных приготовлений к спасению своего населения подвинули его более всего советы некоторых его старших помощников – в частности, фон Койделля, главного администратора района Мариенвердер, к югу от Данцига. В конце осени 1944 г., сразу после начала русского зимнего наступления, Форстер сделал фон Койделля своим помощником по связям в штабе 2-й

армии, так чтобы он мог быть непосредственно информирован о событиях на фронте и, если потребуется, сумел вовремя предпринять меры по эвакуации. Эвакуация была спланирована во всех деталях, хотя фактические приготовления продвигались неравномерно в различных округах. Многое зависело от отношения местных чиновников, которые имели прямые каналы к Гиммлеру и Борману. В районе фон Койделля, Мариенвердере, приготовления были закончены.

Форстер, хорошо зная, что крах Восточного фронта означал бы наводнение беженцев из Восточной Пруссии, пробовал достичь понимания с Кохом, окружным руководителем Восточной Пруссии. Но Кох отказался обсуждать вопрос: «Ни один русский не вступит на землю Восточной Пруссии!»

События последовали более тяжелые, чем ожидал Форстер. Первые волны беженцев из Восточной Пруссии затопили Данциг и Западную Пруссию и угрожали блокировать все приготовления к эвакуации. Несколько дней спустя фон Койделль сообщил из штаба 2-й армии, что отступление 2-й армии предотвратить не удастся. Он потребовал начать эвакуацию населения Западной Пруссии, и Форстер согласился. Несмотря на дороги, забитые беженцами из Восточной Пруссии, жители Мариенвердера стали первыми, кто начал перемещаться. Некоторые из врагов Форстера, кто все еще продолжал демонстрировать, как безопасно они себя чувствуют, обнаружили этот факт и сообщили об этом Борману. Борман приказал, чтобы Форстер остановил эвакуацию; он утверждал, что Западная Пруссия не подвергается опасности, русские никогда не достигнут ее.

Форстер телефонировал фон Койделлю. Смущенный и беспомощный, он сказал в трубку:

– Койделль, во что вы впутываете меня? Русские не идут!

– Я не могу принудить вас эвакуироваться, – прозвучал ответ. – Но если вы не сделаете этого, то кровь, которая потечет, будет на вашей совести!

Форстер решил поддержать приказ об эвакуации. Таким образом приблизительно один миллион человек был перемещен из района Мариенвердер без потерь, и это несмотря на хаос, который создало бегство из Восточной Пруссии. Поскольку с конца января ежедневно прибывали семьдесят – восемьдесят тысяч человек, бегущих через Данциг в Западную Пруссию, поток этих несчастных становился все больше со дня на день.

20 января майор Рудольф Йенек из медицинского корпуса был на пути из Данцига в город Грауденц на Висле, чтобы достичь передовых эшелонов 2-й армии. Лежал глубокий снег, и утром температура понизилась намного ниже нуля. Майор обернул платок вокруг лица. Его водитель вынужден был останавливаться снова и снова, чтобы разогнать кровь в оцепеневших ногах.

В сообщении майора об этой поездке было записано:

«В долине Вислы, и к Эльбингу и к Мариенбургу, колонны восточных пруссаков стояли буквально колесо к колесу. Можно было едва видеть их лица. Многие из них натянули на голову картофельные мешки с отверстиями для глаз. Не было никакого приказа. Команды, собирающие оставших, подбирали солдат, многие из которых натянули гражданскую одежду поверх униформ для тепла и шли пешком или ехали на пустых зарядных ящиках.

Только некоторые из транспортных средств беженцев были крытыми. Некоторые фермеры, как будто в ожидании событий, устроили деревянные навесы на своих фургонах. Рядом с Мариенвердером я заметил фургон на резиновых шинах, полностью оборудованных для бегства. Он имел внутри пять маленьких коек для пятерых детей восточнопрусского фермера. Но большинство фургонов были открытыми, их загрузили в большой поспешности. Старики, больные люди и дети лежат, зарывшись во влажную от снега солому или под влажными, загрязненными перинами, иногда покрытыми палаткой.

Колонны были странно тихи и поэтому казались невыразимо грустными. Только стук лошадиных копыт по снегу и скрип колес. Время от времени приезжал

пыхтящий трактор, который тащил за собой несколько фургонов, прицепленных к нему. Многие из шедших пешком держались за фургоны или имели небольшие спортивные салазки, привязанные к ним. Рогатый скот и овцы двигались единым стадом.

Сельские жители долины Вислы стояли перед своими домами, застыв в испуге, наблюдая за бесконечным потоком людей. Большинство из них еще не понимали, что та же судьба уготована для них. В одной деревне я видел, как фермер разволновался, потому что один из фургонов, уступая дорогу тяжелому грузовику, повредил его забор. Восточный пруссак, ведущий фургон, смотрел на него, не проронив ни слова. Большинство домов были закрыты, возможно, из опасения, что беженцы попросят на постой. Время от времени, когда мой автомобиль застревал между сгрудившимися фургонами, я видел, что занавески шевелятся. В течение последних нескольких лет я встретил многих жестокосердных людей самых разных национальностей. Почему мы, немцы, должны быть исключением? Было тем более радостно видеть, правда достаточно редко, мужчин или женщин, стоящих у дороги с кувшином теплого молока.

Лед рек Вислы и Ногаты был покрыт фургонами. Лошади скользили, падали и ломали ноги. Мы сами застрелили одну из них, потому что польский возница, увозивший «свою» семью, попросил нас об этом. Это обычное явление тех дней – лояльность, с которой французы, поляки и даже украинцы (военные заключенные и гражданские чернорабочие) уводили «свои» семьи в безопасность, семьи, мужчины которых были в армии. Как легко дружба возникает среди простых людей, пока высокопоставленные чиновники держатся в стороне.

За Мариенвердером дороги были столь переполнены, что какое-то время мы пробовали продвигаться по полевым дорогам. Но даже там колонны беженцев блокировали путь. Люди, волокущие за собой фантастические транспортные средства, – неопишуемая, призрачная процессия, – укутывались так, что можно было видеть только их глаза, но глаза, полные страдания и

безысходности, тихой покорности и безмолвного стенания. Около маленькой деревни, которая была уже полностью покинута, я впервые увидел колонну, расстрелянную с воздуха. Многие фургоны загорелись, несмотря на влажность, возможно, от фосфорных бомб, – и сгорели полностью. Мертвые лежали вокруг. Оставшиеся в живых, движимые страхом, шли дальше. Новые колонны проходили мимо в тишине».

22 января было достаточно много тревожных сообщений в исследовании генерала Гудериана в Цоссене, чтобы создать мрачную атмосферу. Но самыми тревожными из всех были новости об огромной брешии, прорванной в немецком фронте в большой западной петле Вислы.

Незадолго до полудня комнату штаба покинули генерал Гелен – из службы разведки, генерал Топп – из службы снабжения, генерал Герке – из службы транспорта, боевые генералы и начальник службы личного состава. Остался только заместитель Гудериана генерал Венк.

Гудериан подошел к окну.

– Я собираюсь попробовать сегодня повлиять на ситуацию, – сказал он, исполненный тем упорством, которое посещало его вновь после каждого короткого момента уныния и вело в дальнейшей борьбе с Гитлером. – Восточную Пруссию теряем. 2-я армия и с ней Западная Пруссия и Померания идут к черту. И там вся армия Курляндии сидит без дела и без цели. Армию Курляндии следует эвакуировать. И дивизии из Арденн должны прибыть. Не поддается пониманию, как может существовать такая слепота. Я должен буду попробовать, даже если простое упоминание слова «Курляндия» бросает его в гнев...

Венк молчал.

Человек, который никогда не падал духом перед широко открытым фронтом, который продолжал изучать ситуацию, все еще видел определенные возможности на фоне катастрофических событий. Конечно, не было никакого шанса на окончательную победу. Но было еще

возможно нанести удар по армиям Жукова, мчащимся к реке Одеру, удар, который, по крайней мере, обещал дать некоторое время для передышки.

Если бы 6-ю танковую армию СС под командованием Зеппа Дитриха сняли с Западного фронта и бросили в Померанию, если бы усилили ее некоторыми дивизиями из Курляндии, она могла бы атаковать фланг Жукова. Но пока Гитлер отказывался бросить Курляндию, пока он отказывался направить последние мощные бронированные части на восток, этим планам не хватало основания. И даже если бы Гитлера можно было поколебать, прошли бы по крайней мере три недели, пока прибыли бы курляндские войска.

Гудериан обдумывал это всю ночь и все утро. Он знал, что в настоящий момент решающий шаг заключается в том, чтобы удержать существующую линию фронта – из Померании вниз к Глогау на Одере, в Силезии.

Существовала и вторая проблема, о которой Гудериан решил поговорить на дневном совещании с Гитлером. Это было назначение нового штаба для группы армий в Померании, задача которого будет состоять в том, чтобы собрать все войска между Вислой и Одером, как можно скорее усилить их резервами и затем оборонять Померанию – единственный путь спасения бесчисленных беженцев, – пока войска с запада и из Курляндии не присоединятся к ним и не начнут контратаку. Но штабы групп армий не растут на деревьях – они формируются в долгой работе рука об руку. Соответственно, Гудериан решил предложить Гитлеру назначить фельдмаршала фон Вейхса командующим новой группой армий.

Возобновленная попытка Гудериана оставить Курляндию привела к другому столкновению с Гитлером. Он наконец согласился на передачу нескольких дивизий, но снова категорически отверг эвакуацию Курляндии и перемещение всей армии в Померанию или Силезию. Причины его отказа, однако, изменились. На сей раз он утверждал, что нехватка погрузочных мест сделала передвижение армии и особенно тяжелого оборудования

полностью невозможным. Адмирал Дёниц поддержал Гитлера, и Гудериан не смог противоречить адмиралу. Но это не меняло того факта, что во время более ранних обсуждений необходимое сухоходное место было доступно или что до осени 1944 г. армия Курляндии могла достичь границ Германии по суше.

Гудериан в ярости не смог подавить некоторые резкие замечания. Гитлер ответил также яростно, и беседа приняла оборот, который сделал невозможным даже простое упоминание о бронированных дивизиях на западе.

Но в то время как возобновленная борьба Гудериана за подкрепление осталась безрезультатной, его предложение относительно фон Вейхса произвело эффект, которого он не предвидел.

Упоминание имени фон Вейхса встретило резкое неприятие Гитлера. Он заявил, что фон Вейхс производил впечатление сильно измотанного человека. Следовательно, не был тем командующим, который при таком кризисе мог внушить войскам новую веру в победу. Гудериан не согласился. К удивлению Гудериана, Йодль, на поддержку которого он рассчитывал, примкнул к Гитлеру. Фон Вейхс был религиозным человеком, что добавило неприязни Йодля, и тот даже сделал некоторые унижительные замечания о благочестии фон Вейхса. Дальнейшие разговоры в пользу этого человека были бесполезны.

Вместо этого Гитлер сделал удивительное собственное предложение. Он объявил, что, если новая группа армий должна быть дислоцирована между Вислой и Одером, имеется только один человек, который мог взять на себя командование ею. Этим человеком был Гиммлер, который недавно справился с трудной ситуацией на Верхнем Рейне и за короткое время вернул Западному фронту былую силу.

Гудериан быстро пришел в себя от удивления. Он заявил, что невозможно никакое сравнение между фронтами на Верхнем Рейне и в Померании. Ситуация на западе не потребовала стратегического навыка или военного опыта. То, что Гиммлер сделал там, – реорганизовал массы солдат, которые прибыли, дрейфуя, назад из Франции, –

простая полицейская акция. Кроме того, Гиммлер не сделал ничего, кроме вызова новых резервов, над которыми он, как руководитель СС, командующий полицией и командующий военными резервами, имел высшую власть.

Йодль снова присоединился к обсуждению. Он сказал, что подобная задача должна быть выполнена в Померании и Гиммлер – тот человек, который может быстро поднять резервы.

Итак, 23 января Гиммлер был назначен главнокомандующим новой группой армий, которая получила название «Висла». Имя Гиммлера дало сотням тысяч людей в Померании иллюзию того, что они находятся под мощной защитой. Они почувствовали себя в безопасности – и упустили шанс убежать.

24 января Гиммлер выехал в специальном поезде, который служил ему командным пунктом, в район Мариенвердера, чтобы принять командование новой группой армий «Висла», которая пока существовала только на бумаге. Помимо него и адъютанта, в поезде были специалисты по связи с многочисленными правительственными учреждениями, находящимися под его контролем: СС, министерство внутренних дел, служба безопасности, полиция, резервы и так далее, а также множество подчиненного персонала. Поезд, который находился под исключительно усиленной охраной, полностью соответствовал потребностям Гиммлера как руководителя СС и как командующего полицией. Но для штаба группы армий, даже самого скромного, в нем не хватало даже самого необходимого. Майор Эйсман, новый офицер штаба, который прибыл вечером 26 января, считал, что ему крупно повезло, когда отыскал карту Померании и района Варты в масштабе 1:300 000. В штабе же вообще не было никакой карты. Когда Эйсман докладывал в личной гостиной Гиммлера, там была другая карта, которую Гиммлеру дали еще в Берлине, и примечания на ней больше не соответствовали фактической ситуации.

Эйсман видел Гиммлера с глазу на глаз впервые. Он нашел возбужденного человека, который старался выглядеть очень энергичным. В нем не было ничего демонического, – он не казался даже внушительным: средний рост, кривоватые ноги, лицо, похожее на резкий треугольник, разделенный ртом с тонкими губами.

Когда Гиммлер обязался командовать, фактически создать группу армий «Висла», он не думал ни о планах своего противника маршала Жукова, ни о силах и возможностях, которые имел в распоряжении. Он оставил Берлин со словами, что остановит русских и отбросит их назад. Объявил, что не упустит возможности поразить их фланг, в то время как они двигались к Одру. Он говорил о 9-й и 2-й армиях как о войсках, которые он использует, будто не знал, что 2-я армия только с трудом держалась вместе, а 9-я армия была рассеяна по ветру. Он говорил о пораженьстве и о вере, безжалостной энергии и обязательном даре импровизации. Он показал себя рупором Гитлера и ему подобных, всех тех, кто, ошеломленный пропагандистским лозунгом «победа через веру», забыл то, что случилось.

Новый начальник штаба Гиммлера прибыл 27 января. Намереваясь оставить вокруг себя только неизбежный минимум служащих регулярной армии, Гиммлер выбрал командуящего бригадой СС Ламмердинга, высокого, широкоплечего человека. Без сомнения, Ламмердинг был отважным фронтовым солдатом. Но он не имел никакого опыта работы с большими войсковыми соединениями.

Даже прежде чем рассматривать линию фронта, Гиммлер звонил в части СС и полиции, чтобы вычистить тыловую зону и поднять новых солдат для несуществующего фронта. Люди Гиммлера даже не сэкономили погрузочные команды, которые работали на транспортах боеприпасов в порту Гдыни. Здесь и в других местах их беспокойная деятельность, на первый взгляд совершенно невинная, сеяла беспорядок.

Первыми частями, которые Гиммлер поднял из числа войск СС в его области, был корпус СС под

командованием генерала СС Крюгера, – его послали на юг, чтобы остановить танковые войска Жукова между реками Вартой и Одером. Гиммлер надеялся достигнуть здесь первого успеха, о котором можно было бы сообщить Гитлеру как о победе.

Эти войска прибыли слишком поздно – силы Жукова достигли Одера 29 января, гоня перед собой полностью опустошенные и почти разоруженные остатки того, что было 9-й армией. Позиция между реками разрушилась, и танки Жукова катились на Кюстрин и Франкфурт-на-Одере, в 80 километрах к востоку от Берлина. Перед и между ними разгромленные германские войска и колонны беженцев ковыляли на запад по полуметровому снегу, пока не были пленены или уничтожены.

При температуре близкой к нулю батальоны ПВО предпринимали отчаянные усилия взорвать или вырезать лед реки Одера, чтобы иметь по крайней мере водный барьер против русского наступления. Но лед не поддавался, и блоки, вырезанные электропилами, замерзали вновь прежде, чем могли быть изъяты. Единственной эффективной защитой, все еще доступной в это время, были зенитные батареи из Берлина. Наспех моторизованные, они появились на реке. Гиммлер выставил патрули по левому берегу Одера с приказом стрелять в любого, кто попытается пересечь реку с востока. Он пробовал использовать методы, которые, как он слышал, были эффективны с русскими. Но даже эти шаги не могли заставить потоки опустошенных, разоруженных мужчин голыми руками остановить танки Жукова. Восточная часть Кюстрина, приблизительно в 24 километрах вниз по течению от Франкфурта-на-Одере, была быстро окружена, и большое советское предместное укрепление к западу от реки оставило лишь узкий коридор к городу.

Другие советские танковые части пересекли Одер по льду в нескольких пунктах и вызвали первую тревогу и панику на баррикадах Берлина.

Гиммлер, глубоко потревоженный своим провалом между этими двумя реками, отчаянно пробовал добиться успеха в другом месте. Но войска под его командованием не были пригодны для сколько-нибудь решительных действий.

Страх потери престижа побудил его предпринять попытку атаковать фланг Жукова с севера. Вдоль реки Нетце, маленького притока Варты, он имел разнородные батальоны пехоты и другие части. Из-за своего отвращения к командующим регулярной армией Гиммлер назначил ответственным за атаку генерала СС, прежде никогда не командовавшего большими частями. Он теперь был проинструктирован, внезапно и против его желания, провести наступление по фронту в 60 километров. Наступление потерпело неудачу.

Войска Жукова быстро повернули и пошли в контратаку. Гиммлер должен был оставить свой командный пункт около Вислы. Он и его штаб двинулись на запад, обустроившись в роскошном загородном доме имперского организатора доктора Лея в центре Померании.

В этих новых квартирах день Гиммлера снова проходил по образцу, к которому он привык в течение многих лет. Он вставал между восемью и девятью часами утра и отдавал себя в руки своего массажиста, от навыка которого в значительной степени зависели его здоровье и энергия. Часто приезжал его личный врач, доктор Гебхардт. Только между десятью и одиннадцатью часами Гиммлер был доступен для совещаний, касающихся операций группы армий или других дел. Завтрак он принимал согласно его изменившемуся здоровью. После завтрака отдыхал до трех часов дня, затем участвовал в совещаниях и получал донесения приблизительно до 6.30. Затем около десяти часов он уходил на покой. В течение многих лет, и теперь тем более, было невозможно потревожить его в течение ночи, даже для самого срочного дела. К вечеру он уже так уставал, что его способность к концентрации почти полностью исчезала.

Образ жизни Гиммлера бросал яркий свет на глубокий, но хорошо скрытый раскол в его индивидуальности. Его

приверженность героическим словам была сильнее, чем у большинства других нацистских лидеров, и этот героический пафос, вызванный его скрытой беспомощностью, еще больше усилился теперь, когда он узнал реальные факты, окружающие сферу его новой деятельности. Померанские газеты сохранили его высказывание для потомства.

8 февраля официальный партийный орган Померании «Поммерше цайтунг» напечатал жирным шрифтом замечание, сделанное Фридрихом Великим в 1757 г.: «Каким бы большим ни было число моих врагов, я доверяю доблести моих солдат». Оно сопровождалось утверждением «представителя Гиммлера», сказавшего в частности: «Тот факт, что доступные поставки солдат и оружия были полностью использованы и что вся сила тыловой области была брошена на чашу весов, буквально творит чудеса. Население Южной Померании поняло потребность часа – фронт стоит твердо и растет в силе каждый час».

2-я армия, вообще говоря, сохранила свои позиции. 9-я армия, при ее новом командующем генерале Буссе, медленно восстанавливала форму и единство. Разношерстные части, удерживавшие линию фронта между 2-й и 9-й армиями в Южной Померании, были реорганизованы под новым штабом, возглавляемым генералом СС Штейнером. Штейнер, без сомнения, был лучшим военным из СС. Но его так называемая 11-я танковая армия была без танков – она оставалась фантомом, название которого было, возможно, предназначено, чтобы испугать русских.

Сильные русские войска уже перемещались на север по Одере в направлении порта Штеттин. Войска Штейнера, неспособные сопротивляться, ушли в восточном направлении. Далее на востоке русские войска вовлекли правый фланг 2-й армии генерала Вейса в кровавый бой. Население в зоне сражения, преднамеренно введенное в заблуждение, оказалось между линиями фронта.

Но все эти бои были не больше чем предвестниками грядущего шторма. Жуков объединил свои войска. Если бы Померанский фронт не был усилен без задержки, то он встретил бы нападение полностью беспомощным.

Подкрепление, однако, могло найтись, если бы Гиммлер сообщил Гитлеру о реальной ситуации. Как ясно Гиммлер видел эту опасность, можно оценить по факту того, что он оставил свой новый штаб, переместился в другой в 160 километрах на запад, пересек реку Одер и расквартировался в хорошо скрытом лагере рядом с Пренцлау, городом в 40 километрах к западу от Штеттина. Защитник Померании, человек героического духа, который требовал от солдат, равно как и гражданского населения, сопротивляться до конца, ушел за речной рубеж командовать оттуда группой армий, левый фланг которой стоял на расстоянии более чем 300 километров, около Фрише-Хаффа.

Не без дрожи перед ожидаемой реакцией Гитлера Гиммлер появился в Берлине с предложениями исправить ситуацию. Но неожиданное волеизъявление Гитлера освободило его от опасений. Фюрер внезапно приказал, чтобы сильные танковые войска были переданы Западной Померании. Они должны были напасть на фланг русских и разгромить его.

Попытки Гудериана получить армию Курляндии потерпели неудачу. Но он не мог оставить идею напасть на длинный, выступающий фронт войск Жукова. Он и Венк разработали план двуствольного нападения и с севера и с юга на советские войска, сконцентрированные на реке Одере между Франкфуртом и Кюстрином. Если бы Гудериан мог нанести удар в этом секторе, наступление Жукова было бы по крайней мере отсрочено.

Но для того чтобы претворить этот план в операцию, Гудериан нуждался во множестве пехотных дивизий, часть из которых была недавно сформирована, часть должны были доставить из Курляндии, и он также нуждался в танковых войсках 6-й танковой армии СС, все еще находящейся на западе.

Гудериан, наконец, выцарапал обещание Гитлера, что 6-я танковая армия СС, за которую он боролся с декабря, будет отдана в его распоряжение. Но на следующий день Гудериан узнал, что Гитлер приказал направить ту же самую армию в Венгрию.

Гудериан протестовал против этого решения со всей страстностью, на которую был способен. Он требовал и просил – без успеха. Гитлер теперь, как и всегда, не хотел оставлять ни метра земли. Он рассеял силы и оставил только остаток для Померании.

Этот остаток состоял из III танкового корпуса СС, танковой дивизии СС «Фрундсберг», 4-й бронетанковой дивизии полиции СС, 8-й танковой дивизии, неиспытанной танковой дивизии «Гольштейн», одной пехотной дивизии и нескольких новых и неиспытанных противотанковых бригад. Части, названные дивизиями, имели к настоящему времени в лучшем случае силу бригад. В некоторых случаях их танки еще не прибыли с заводов. Противотанковые бригады состояли из рот, посаженных на велосипеды и вооруженных базуками.

Этих сил было едва достаточно для одной атаки на русскую позицию. От нападения с юга пришлось отказаться изначально. Гудериан решил атаковать тем не менее только с севера.

Цель операции должна была быть минимизирована, чтобы соответствовать имеющимся силам. Отчаянные усилия Гудериана наконец уменьшили грандиозные представления Гитлера об осуществимом минимуме.

Назначение даты начала операции потребовало другого усилия. Гиммлер убеждал отложить атаку, пока не придут полное вооружение и достаточное количество топлива. Гудериан при этом знал, что без элемента неожиданности операция будет безнадежна. Он знал, что Жуков не станет дожидаться, пока немецкие войска приготовятся к наступлению.

В то время как среди беженцев и жителей Померании уже ходили слухи о мощном немецком наступлении, которое

разгромит Жукова и отодвинет фронт обратно к Висле, перетягивание каната между двумя штабами продолжалось. Наконец Гудериан решил прекратить обсуждения и послать Венка, своего заместителя, в группу армий «Висла» в качестве начальника штаба, снабдив его специальными полномочиями. Если Венк не мог провести атаку сам, он по крайней мере получал возможность следить за ней.

13 февраля в присутствии Гимmlера и обычной большой группы, посещающей совещания фюрера, Гудериан предложил Гитлеру направить Венка в штаб Гимmlера и сделать ответственным за операцию. Он также предложил, чтобы дата нападения была безвозвратно установлена на 15 февраля.

Гитлер вскочил, гневно дрожа.

– Исключено! – воскликнул он. – Гимmlера достаточно, и это не обсуждается.

Гудериан решил, чтобы не потерять контроль над собой, повторять свое предложение много раз, пока Гитлер не согласится. Беседа длилась в течение двух с половиной часов. Гимmlер стоял в стороне, смущенный и беспомощный.

В моменты, когда Гитлер стоял лицом к лицу с Гудерианом, его кулак сжимался. Но всякий раз, когда он прекращал говорить, Гудериан повторял свое предложение.

После двух с половиной часов Гитлер внезапно сдался. Он повернулся к Гимmlеру и с удивительным умением успокаиваться так же внезапно, как и приходил в ярость, сказал:

– Хорошо, Гимmlер, тогда Венк присоединится к вам сегодня вечером. Наступление начинается 15 февраля. – Затем Гитлер повернулся к Гудериану: – Генерал, Генеральный штаб армии только что выиграл сражение.

Гудериан уехал без слов. Оставшись один, он положил руку на сердце, чтобы унять его бешеный ритм.

14 февраля генерал Венк выехал на север, чтобы явиться в штаб Гиммлера. Гиммлер принял его холодно. Неприязнь возросла, когда Венк разъяснил, что штаб группы армий «Висла» действительно должен быть к востоку от реки Одера. Гиммлер заметил, что хотел бы обсудить все нерешенные вопросы после завтрака. Но Венк поблагодарил его и сказал, что уедет без задержки.

– Где? – спросил Гиммлер.

Венк ответил:

– Там, где он должен быть, – к востоку от Одера.

Днем сам Гудериан еще раз появился в передовой зоне. Он убеждал, чтобы наступление было начато пунктуально 15 февраля, чтобы бить врага в атаке. Он сказал, что немецкие силы достаточно слабы; их единственный шанс победить – во внезапности.

Гудериан произвел удручающее впечатление на тех, кто видел его в то время, своим крайне изможденным видом. Они заключили, что он также был сломлен Гитлером.

Нападение началось 15 февраля. За два дня боев Венк получил представление о силах врага и расположении войск. Заключительный удар должен был состояться 18 февраля. Накануне, 17 февраля, Венк был направлен в канцелярию для обсуждения окончательных планов. Сопровождение началось ночью 17 февраля и длилось до четырех часов утра 18 февраля. Затем Венк поехал назад к своему командному пункту.

Водитель Венка не спал почти сорок восемь часов. Он клевал носом. Венк сам сел за руль. Через некоторое время он тоже заснул. Неуправляемый автомобиль врезался в дерево. Венк получил травму головы, которая вывела его из строя.

Заключительное наступление началось как намечалось, но ему не доставало движущей силы. Кроме того, погода внезапно испортилась, земля стала мягкой, и немецкие танки застредали. Жуков тем временем поднял большие резервы. В кровавых боях он отбросил германские войска

назад, к их начальным позициям, и затем, используя свое преимущество, оттеснил их на север в пределах 19 километров от Штеттина.

Попытка вмешаться в наступление Жукова потерпела неудачу. Надежды, которые появились у населения Померании и Восточной и Западной Пруссии, были разрушены.

На той же самой неделе русские предприняли несколько неожиданных наступлений со своих позиций к югу от Данцига и Фрише-Хаффа. Эти атаки были отражены.

Относительное спокойствие вдоль фронта Померании скоро закончилось. Все признаки указывали, что Жуков нападет около города Нойштеттина, на полпути между Данцигом и Одером, в пункте, который предлагал самый короткий подход к балтийскому побережью.

Гиммлер ждал катастрофы. Он не думал о судьбе гражданского населения, не думал о гигантских процессиях беглецов между Данцигом и Одером, а если и думал о них, то гнал эти мысли. Он заботился только о собственном позоре в глазах Гитлера, чувствовал, что этот позор приближался к нему, и не хотел ускорять события.

Наступление Жукова прорезало линии 2-й армии и 3-й танковой армии через несколько дней борьбы. По фронту в 40 километров советский танковый корпус катился к морю, направляясь к порту Кольберг. Танки пропахали кровавую дорогу через потоки беженцев и померанское население.

В конце второго дня наступления русские вклинились между 3-й танковой армией и западным крылом 2-й армии. Гитлер приказал, чтобы 2-я армия наступала на запад и вновь установила контакт с 3-й армией. Танковые части 2-й армии должны были оставить один танк из четырех, чтобы топлива хватило для других трех. Эти танки обладали боекомплектом на десять выстрелов на орудие. Акция потерпела неудачу, несмотря на начальные успехи.

Части Жукова давили на севере, западе и востоке. 28 февраля их острие было в нескольких километрах от балтийского побережья и достигло железной дороги, уходящей на восток и запад. Здесь и там они встретили некоторые части народной армии и несколько слабых формирований Трудового обслуживания, стрелявших из своих базук. Ночью 28 февраля боевая часть 2-й армии преуспела в последний раз, проведя колонну автомобилей с бензином на восток. После этого все пути были перерезаны.

Почти в то же время Рокоссовский пошел в массированное наступление в устье Вислы, к югу от Данцига и Хаффа. Его цель была ясна: Гданьский залив должен был подвергнуться нападению со всех сторон. Большая часть его сил наступала на северо-восток, к Хаффу; другие наступали на северо-запад через Померанию к морю. Перерезав путь отступающим германским войскам и хаотично бегущему населению, они достигли балтийского побережья в многочисленных пунктах на участке в 120 километров к западу от Гданьского залива.

Дивизии, которая прибыла в Померанию из Курляндии в начале февраля – как обычно, без тяжелого оружия и транспортных средств, – удалось пробить путь на восток и достигнуть Гдыни. Эти войска, как старомодные воины, привели с собой фургоны с семьями, родителями, женами и детьми. Они достигли залива со сравнительно небольшими потерями.

Гансу Гливу было шестнадцать лет, когда он, его мать и младший брат начали бегство из города Штольп в Северной Померании. Вот история, которую он рассказал.

«Это было 6 марта. Мой маленький брат вскочил на мою кровать, где я лежал больной. Он весело болтал обо всех странных вещах, которые видел в городе. Они с матерью только что пришли домой, у матери на пальто еще лежал снег. Она села на край моей кровати.

– Никто не знает, где русские, – сказала она с дрожью в голосе. – Никто не может сказать мне ничего. Но солдаты возвращаются группами отовсюду, и на улице Фридриха

стоит колонна фермеров, которые только-только убежали от русских. Их обстреляли из пулеметов на дороге. Многие из них ранены, некоторые мертвы. Контора организации «Партийное благосостояние» покинута. Я не знаю, что теперь делать. Я не знаю больше ничего.

Мать пошла в город снова после завтрака. Я несколько раз вставал с кровати и выглядывал из окна. Колонны одна за другой проходили по улице мимо нашего дома в течение многих недель. Только на сей раз они шли в другом направлении. Они бежали обратно на восток. Солдаты выглядели оборванными, несчастными и утомленными. Женщины вели своих детей за руку, и я был поражен, что такие маленькие дети способны самостоятельно идти. Люди на некоторое время входили в наш дом, чтобы согреться. Теперь они сидели и лежали повсюду на соломенных тюфяках и одеялах. Днем приехал наш доктор. Он сказал, что в городе по крайней мере сто пятьдесят тысяч беженцев и русские рядом. А на кладбище солдаты вырыли общие могилы для людей, которые умерли от мороза или от чего-либо еще.

Затем прозвучала тревога воздушного налета, и брат прибежал и заполз ко мне в кровать. Вскоре послышались взрывы, и наши окна зазвенели, после этого все стихло. Мать возвратилась домой около восьми часов. Она выглядела усталой, но получила шанс: встретила майора медицинского корпуса, друга отца, который помог получить разрешение поехать на госпитальном поезде, который отойдет в Данциг около полуночи.

– Это – последний шанс, – сказала мать. – Завтра русские могут быть здесь. Никто больше не ждет, все бегут. Но доберется ли поезд до Данцига – никто не может сказать.

Я встал с кровати. Моя лихорадка снова усилилась. Мы надели так много одежды, сколько смогли натянуть на себя. В волнении мы упаковали много бесполезных вещей. Брат не мог поверить, что мы действительно уезжаем, и плакал из-за своих игрушек. Но все, что ему разрешили взять, был небольшой гоночный автомобиль, который он получил в подарок на Рождество. Мы все едва не плакали,

но другие в доме завидовали нам, потому что мы могли уехать. Лица у них были серыми от страха. Мы сложили наши вещи в санки. Мать взяла два чемодана и большой рюкзак. Брату также надели небольшой рюкзак на спину. Я был настолько слаб, что смог нести только маленький чемодан.

Примораживало, и тротуары были скользкими. Брат то и дело падал. Он стал кричать, тогда мать посадила его на санки. Было десять часов вечера, но улицы заполняли толпы людей, рогатый скот и телеги, как будто в разгар дня. Несколько мотоциклов и серых грузовиков. И свет отгороженных прожекторов. Едва ли кто-то сказал хоть слово, все думали только о выживании.

Многие люди направлялись к станции так же, как и мы. Станция была блокирована, но нас пропустили по записке, и мы, спотыкаясь, прошли к грузовой платформе. Госпитальный поезд стоял там. Он был составлен из вагонов для рогатого скота. Железные трубы, торчащие из крыш, дымились. Это был очень длинный поезд. Слышались выстрелы в отдалении, сверкали огни, возможно, от взрывов. Наконец по шпалам пришел капрал. Он посадил нас в вагон, где была пустующая койка, и даже поднял наши вещи.

Запах в вагоне был ужасен. Тускло светили масляные лампы. В углу стояла маленькая железная печь, ее труба раскалилась докрасна. В вагоне находилось пятнадцать солдат, лежащих на койках или просто на грязных гудах соломы. Все они были тяжело ранены. Около них стояли ведра с каким-то зловонным варевом. Некоторые из них стонали или хныкали в одеяла. Мать согнулась и должна была выглянуть наружу, чтобы ее вырвало. Один из солдат все время стонал и просил воду. По их униформе и перевязям я смог понять, что они из СС. Капрал сказал нам, что мужчины на этом поезде были всем, что осталось от двух дивизий, которые прибыли из Греции.

– Бедняги, – сказал он, – большинство из них болели малярией, когда добрались сюда. Все тяжелые случаи. И

ни одного доктора в поезде. Мы приехали прямо с фронта – они должны были получить медицинскую помощь здесь.

Раненые не имели ни перевязочных материалов, ни медикаментов. Все их ужасные раны были заткнуты только туалетной бумагой. После того как мы просидели в поезде полчаса, в вагон вошла женщина с ребенком. Она была из деревни Поллнов. Грузовик подобрал ее. Она кричала от боли, потому что в пути отморозила руки. Ребенок был еще младше, чем мой брат.

Вскоре после полуночи начался другой воздушный налет. Некоторые бомбы упали на город. Мы ужасно испугались, что уезжать будет слишком поздно.

Наконец, вскоре после трех часов поезд поехал в Данциг. Вагон проветрился, и зловоние от крови, масла, гноя и грязи стало не настолько сильным.

Покачивание вагона усыпило меня. Проснулся я, когда уже светало, масляные лампы были погашены. Через некоторое время поезд остановился. В вагон влез пехотинец. Его левая рука была на перевязи, а средний палец правой руки отсутствовал. Он сел рядом с матерью и второй женщиной.

– Вам повезло, что вы выбрались, – сказал он хриплым, усталым голосом. – Мы побывали в некоторых деревнях, где были русские. Я на войне с начала и в России видел некоторые вещи. Конечно же мы не должны притворяться, что лучше, чем есть на самом деле. Я и сам боролся с партизанами. Мы сжигали деревни дотла и расстреливали людей просто потому, что не знали, как еще добраться до верхушки партизан, – либо мы их, либо они нас. Но я хочу, чтобы кто-нибудь показал мне германского солдата, который когда-либо творил такое. – Он оперся головой о здоровую руку и посмотрел на брата. – Все сошли с ума, – сказал он. – Но что мы могли сделать? Мы были без боеприпасов и без газа. Мы должны были с базами остановить русских. Они преследовали нас и перестреляли, как кроликов. И даже раненых. Эти мальчишки из СС ушли, потому что командует Гиммлер. И взяли с собой нас, как своего рода подмогу. Но СС тоже

бедняги, они вынуждены воевать постоянно и с каждым днем все меньше понимают, для чего воюют. И если они не хотят продолжать или не могут продолжать, команды по ликвидации вешают их на деревьях точно так же, как нас. На дороге к Руммельсбургу деревья полны. – Он остановился и затем сказал очень мягко: – Некоторые из них просто дети.

В следующий раз, когда поезд остановился, он вышел.

Мы въехали в Лауенбург около полудня 7 марта. Раненых солдат должны были здесь накормить. Но все, что было для них, – это холодный чай. Мать пошла было с кастрюлей, чтобы получить что-нибудь для нашего вагона, но слишком поздно. Еще две женщины влезли в вагон; мы больше не могли выбраться из нашего угла.

Одна из женщин с повязкой вокруг головы не говорила ни слова. Мы выглянули наружу. Перед станцией собралась большая толпа с узлами, чемоданами и картонными коробками. Улицы были полны лошадей и телег. Снег падал беспрестанно. Когда поезд тронулся, в вагон влез молодой эсэсовец. Его левая рука была короткой культей, кое-как перевязанной, и поверх окровавленных повязок он натянул дырявый носок. Его плечо стало синевато-черным. Он сел около меня и спросил, сколько мне лет.

– Я был на год старше, чем ты, – сказал он, – когда стал солдатом. Почти все мальчики в моем подразделении – из Трансильвании. Они ушли – их нет больше. Моего отца и мать русские забили дубиной до смерти, потому что я был призван в СС. Теперь пропала моя левая рука, но правая все еще достаточно хороша для пистолета... Я только надеюсь, что война продлится достаточно долго, чтобы я успел свести мои счета...

Снег падал все сильнее и сильнее. Несколько раз мы видели колонны на дорогах, сотни и сотни фургонов, которые тянули лошади и тракторы. Даже несколько старых карет и цыганских фургонов. Люди шли, держались за фургоны, тянущие их вперед.

В нескольких километрах от Гдыни поезд остановился снова. Мы слышали какие-то взрывы. Пришел капрал и объяснил нам, что это мужчины из народной армии практикуются в стрельбе из базук среди холмов.

Затем мы въехали в Гдыню. Она была наполнена гражданскими жителями и солдатами, их было так много, что невозможно сосчитать. На грузовой платформе было все еще тихо. Мы вышли из поезда между четырьмя и пятью часами дня и стояли по колено в снегу со своими вещами. Всюду вокруг были госпитальные поезда. Солдаты с кровавыми повязками стояли в дверях вагонов. Некоторые без обуви, только тряпки обернуты вокруг ног.

Мы были ужасно напуганы – как выберемся отсюда? Мать ушла, чтобы осмотреться. Она не возвращалась до утра, но нашла некоторых железнодорожников, которые готовы были помочь нам попасть на поезд до Данцига, предназначенный для их семей. Чрезвычайная команда отцепила их локомотив, и они теперь ждали другого.

Мы залезли в вагон для рогатого скота и сели на мешок с соломой. Ждали весь вечер. Затем прилетели русские самолеты. Мы слышали грохот их двигателей, затем свист сброшенных бомб. Выскочили и заползли под вагон, между рельсами. Это длилось почти час. Сильно замерзшие, мы возвратились в вагон.

Локомотив прибыл на следующее утро. К полудню мы въехали в Данциг. И с потоком людей, которые устремились в город, пошли искать убежище от холода».

6 марта маленький ледокол «Вольф» боролся с хаотично плывущими льдинами, которые, дрейфуя вниз по Висле, стремились к Гданьскому заливу. Несколькими днями ранее река прорвала ледяной панцирь, и «Вольф» должен был наблюдать за русскими лодками или плавучими средствами, которые могли прийти с русского фронта, и проверять реку на наличие мин замедленного действия и других устройств.

Около полудня шкипер заметил заснеженный объект, дрейфующий среди льда. Несколько мгновений спустя он

увидел, что это надутая резиновая лодка и что в ней сидят мужчины.

«Вольф» пробился через лед. Команда бросила в резиновую лодку веревку и втянула на борт пять немецких солдат. Это был капрал Швенкхаген, семнадцати лет, и четверо из его солдат.

Эти пятеро мужчин были единственными оставшимися в живых из города Грауденца, расположенного приблизительно в 112 километрах вверх по течению от Данцига. Город в течение прошлой ночи наводнили русские.

Автоматы висели у них на плечах, и карманы все еще были набиты ручными гранатами, как если бы враг скрывался за ближайшим углом.

Вечером 5 марта инженерная часть Швенкхагена была послана с заданием подготовить вылазку к Висле, которую собирался предпринять гарнизон Грауденца. Группа была отрезана от войск в окруженном городе и наконец решила испытать удачу в отчаянном плавании вниз по течению. Капрал и четверо его солдат были единственными, прошедшими русские патрули. Когда 6 марта рассвело и свет дня мог выдать их, снегопад прибыл им на помощь. Они легли в своей лодке и позволили снегу засыпать себя. Таким образом они дрейфовали, пока не были подобраны.

Они рассказали о трех неделях ада, с 17 февраля – дня окружения – до той ясной ночи, когда они доверились реке. 17 февраля в городе было приблизительно сорок пять тысяч гражданских жителей, большинство из них немцы или поляки, которые стали немецкими подданными. Как и люди в любом другом месте, они разрывались между страхом бегства и страхом перед будущим. Были также приблизительно десять тысяч солдат регулярной и народной армии, некоторые из них весьма молодые. Тяжелое оружие этого гарнизона состояло из одного зенитного и одного полевого орудия. Иногда грузовой самолет сбрасывал боеприпасы для стрелкового оружия, снаряд или два, и несколько перевязочных комплектов. Командующий цитаделью, генерал Фрике, 19 февраля

выпустил приказ, в котором говорилось о стойкой обороне, лояльности и боевом духе. Но в приказе также утверждалось, что враг не превосходит гарнизон в численности или вооружении, и объявлялось, что город скоро деблокируют. Первое было сознательной ложью. Второе было, вероятно, сказано с глубокой верой – осколком того огромного блока честных намерений, которые тянули немцев к гибели.

Войска, осаждающие город, превосходили численностью гарнизон по крайней мере в восемь раз, и их артиллерия редела, почти без перерыва, с ближайших высот. Никогда над городом не было меньше пяти вражеских самолетов, прилетавших с расположенного рядом аэродрома и сбрасывающих бомбы, немецкие артиллерийские снаряды и связки плужных лемехов и других средств, которые они захватили. Артобстрел и бомбежка города прекращались только по вечерам, когда русские громкоговорители выкрикивали пропагандистские объявления: «Товарищи, приходите сюда, сегодня вечером мы кушаем гуляш с лапшой». «Наилучшие пожелания от наших ударных войск, которые подходят к Данцигу!» И наконец: «Предлагаем органнй концерт». Затем неземное завывание «органов Сталина» нарушало короткое затишье.

В течение самых первых дней осады русские войска вошли в одно из южных предместий. Когда контратака выбила их, на улицах были найдены мертвые. Рассказы потрясенных оставшихся в живых людей, которые вышли из подвалов, распространились по городу, и борьба защитников превратилась в беспощадное сражение до последнего дыхания. За каждый дом боролись до конца.

Русские продолжали продвигаться к северу. Гражданское население отступало с войсками, переходя от подвала до подвала, пока давка в северных частях города не стала настолько отчаянной, что солдаты больше не могли двигаться. Они вынуждены были отогнать гражданских жителей, чтобы иметь возможность бороться.

Человеколюбие было побеждено тяжестью ситуации.

Русские пересекли Вислу и закрепились в центре города. Электричество и вода отсутствовали, и подвалы остались в темноте. Вокруг немногих мест, куда все еще текла вода, скапливались мужчины и женщины, пораженные пулями или снарядами. Все другие, движимые жаждой, следовали за ними. Ночи освещались огнями. Германские войска часто сами поджигали дом, чтобы свет огня мог защитить их от русских вечерних атак.

Начиная с 21 февраля русские парламентарии появлялись каждый день и требовали сдачи. Но немцы боролись, пока могли сопротивляться, и надеялись, что осада будет снята.

До 3 марта, дня, когда Висла вскрылась ото льда, бесконечные колонны русских танков и грузовиков, ехавших на запад и север, могли быть видны пересекавшими реку к югу от города. Постепенно всякая надежда на помощь умерла. Боевой дух одной за другой частей сломился от напряжения. Некоторые из них сдались. Другие в течение ночи 5 марта сделали вылазку к реке или пробовали убежать по суше. Во второй группе был партийный руководитель области. Он пропал без следа.

6 марта генерал Фрике и остаток гарнизона сдались. Считая раненых, их было четыре тысячи человек.

Кольцо вокруг Данцига и Гдыни стягивалось все туже. Беженцы, которые оказались в области, не поддавались подсчетам. Они прибыли с севера, запада, юга. И другой поток, прибывающий с востока, по Фрише-Нерунгу, не являл никаких признаков уменьшения. Область теперь содержала не менее полутора миллионов человек, не считая сражавшихся войск и отставших. Были также приблизительно сто тысяч раненых из Курляндии и Восточной Пруссии и с фронтов вокруг Гданьского залива.

Узкие старые улицы и переулки Данцига были заняты обозами. Беженцы набивались в дома, разбивали лагеря в портах, высматривая суда, или оставались в своих фургонах днем и ночью.

12 марта генерал Вейс был отозван из Данцига и Гдыни, чтобы принять командование группой армий «Север» и взять ответственность за оборону всего Гданьского залива. На его место прибыл генерал фон Зауцен, до этого командовавший танковым корпусом в Силезии, который поссорился там с генералом Шёрнером.

15 марта первые русские артиллерийские снаряды разорвались в городе Гдыне, объявляя о прибытии 65-й и 70-й советских армий. Горизонт гремел, и с севера, запада, юга отставшие беженцы набивались в заполненные лагеря и здания города. Стада рогатого скота вытаптывали улицы. Люди переполнили порт, где суда адмирала восточной части Балтийского моря загружались настолько, насколько позволяли трюмы.

Еще несколько дней погрузка продолжалась без помех. Еще несколько дней ходили поезда между Данцигом и Гдыней. Но 22 марта русские прорвались между городами и достигли побережья залива. Данциг и Гдыня были отрезаны, 2-я армия была рассечена на две части.

Никто, возможно, не считал людей в подвалах Гдыни. По обе стороны шоссе от города до гавани лежали трупы – не только людей, которые умерли от холода или истощения, но теперь также и тех, кто попал под пулеметы русских самолетов. Фургоны стояли там с мертвыми лошадьми в упряжи, и здесь и там женщина или ребенок все еще сидели в фургоне, тоже уже мертвые. Но когда слухи о прибытии судна распространились по городу, новый поток беженцев устремлялся к гавани.

Рождались дети и умирали люди в подвалах Гдыни, а раненые солдаты молили о помощи. Мертвых все еще вытаскивали и время от времени хоронили.

Ночью 24 марта последним усилием флота на суда загрузили еще приблизительно десять тысяч беженцев и раненых. На следующее утро город потряс огонь русских, которые достигли ближайших высот и господствовали над городом и гаванью. Ночью 26 марта последний транспорт вошел в гавань с грузом боеприпасов и ушел с грузом испуганных людей.

27 марта русские танки зашли в южные предместья Гдыни. В течение ночи толпы гражданских жителей, солдат, солдат народной армии без оружия, оружейные команды без оружия шли на север в поисках убежища в холмах Оксхёфта, маленького города в нескольких километрах от Гдыни. Они шли через руины и разрушения – горящие стропила, покореженные транспортные средства, оставленные полевые орудия, мертвый рогатый скот, беспомощно дергающиеся раненые лошади и недвижимые тела людей, для которых все это плохо закончилось.

Порт позади них лежал пустой. Гладкая поверхность воды отражала сияние огней.

Солдаты и гражданские жители скапливались на склонах вокруг Оксхёфта. Они укрывались в стрелковых окопах и ямах в земле, чтобы защититься от огня русских, и ждали. Паромы прибыли из Хелы и забрали раненых и некоторые из войск.

Уже 28 марта Гитлер счел целесообразным объявить область Оксхёфта цитаделью. На тех высотах было тогда приблизительно восемь тысяч солдат и в несколько раз больше гражданских жителей. Солдаты не имели никакого тяжелого оружия и едва ли какие-то боеприпасы для стрелкового оружия. Они стояли перед в двадцать раз превосходящей их силы русской пехотой, танками, тяжелой артиллерией и самолетами. Оборона Оксхёфта означала убийство. Командующий генерал решил игнорировать приказ Гитлера, прекратить бороться и с молчаливого согласия адмирала восточной части Балтийского моря доставить солдат, раненых и гражданских жителей в Хелу.

Генерал фон Заукен дал свое согласие, перехватывал и подавлял приказы сражаться, которые поступали из канцелярии 30 и 31 марта. Ночью 1 апреля флот принимал в Гданьском заливе каждое судно, которое можно было достать, и переправил тридцать тысяч человек из Оксхёфта на полуостров Хела. На следующее утро

русские войска стали осторожно прощупывать путь через опустевшие позиции.

Тем временем Данциг пал.

«Я не думаю, что когда-нибудь забуду это 9 марта в Данциге. – История шестнадцатилетнего мальчика Ганса Глива продолжалась. – С женщиной, имя которой было Шранк, мы нашли место, где можно было остановиться. В семь часов вечера завывали сирены. Грохот начался сразу же, пол встряхнуло, и окна загрохотали. Мы бросились вниз по лестнице и побежали в ближайшее бомбоубежище. Оно было настолько переполнено, что мы едва проникли внутрь. Несколько сотен беженцев жили в нем в течение многих дней. Когда мы наконец решились выйти, небо было красным и над домами висели тучи черного дыма. Мы увидели, что наш дом также сгорел. Мы потеряли весь багаж.

Горящие бревна шипели и потрескивали. Некоторые лошади вырвались на свободу и галопировали вниз по тротуару. Дети попадали под их копыта. С горящих зданий падали стропила. Мы забежали назад в бомбоубежище. На следующее утро вышли на разрушенные улицы и стали искать другое место, где могли бы остаться. Нашли знакомых, и они приняли нас. Мы спали на полу. Мать отсутствовала почти весь день в поисках какой-нибудь еды.

Той ночью приехали еще больше беженцев. Очень поздно ночью пришла женщина с маленьким ребенком на руках. Ребенок был с белым лицом, его кожа выглядела прозрачной и морщинистой. Правое бедро ребенка было оторвано, а небольшая культя обернута в окровавленные тряпки.

Эта женщина, должно быть, была молодой, но в старой, порванной одежде выглядела на все пятьдесят. Она была очень застенчива и напомнила мне испуганное животное. Она не имела никаких вещей, у нее был только ребенок. В течение долгого времени она ничего не говорила, только сидела на стуле.

Затем она сказала:

– Всемогущий Бог. Я никогда не думала, что доберусь сюда. Мы все время были между русскими. Мы – из Мариенбурга. Пришла первая волна русских. Они расстреляли отца. Я взяла моего ребенка и ушла. Русские танки продолжали прибывать. Я спряталась в канаве. Мой Йоахим лежал около меня, все время крича. Когда они прошли, мы пошли снова. Вечером нас догнали несколько грузовиков. Я хотела снова скрыться в снегу в канаве, но затем увидела, что это немцы. Выбежала на дорогу и попросила их взять меня с собой.

В грузовике были другие женщины с детьми. Мы добрались до леса, когда кто-то открыл по нас огонь. Солдаты скрылись в лесу, а когда вернулись, сказали, что хотят сдаться русским. Мы были ужасно испуганы, кричали и плакали, просили. Но они только сказали: «Вы думаете, что мы хотим убежать от русских только для того, чтобы быть повешенными «цепными псами» СС?» Тогда капрал навел на них автомат и сказал: «Вы трусливые ублюдки, если не поедете с этими женщинами, то я застрелю вас». Но они только усмехнулись в ответ, и один из них сказал: «Давай стреляй. Вы не сможете уехать на грузовике. Вы застрянете».

Но в конце концов некоторые из них продолжили путь с нами. Внезапно произошло крушение. Грузовик резко остановился, и нас швырнуло друг на друга. Некоторые женщины лежали на полу грузовика все в крови. Я схватила ребенка и убежала. Позже я встретила солдата, и он перевязал его. Всю ночь я шла, затем грузовик подвез меня, и я шла снова...

Женщина затихла. Через некоторое время она внезапно начала рыдать и затем сказала:

– Я так устала.

Патруль СС приехал на следующее утро и конфисковал дом. К полудню мы были на улице. Нам не разрешали возвратиться в бомбоубежище. Люди, которые приехали в своих телегах, могли по крайней мере заползти в солому.

Мы пошли от двери к двери в поисках места. Многие люди захлопывали двери перед нашими лицами, когда слышали, что мы со старой немецкой территории. Они называли нас нацистами и обвиняли во всем, что случилось с Данцигом. Один человек кричал на нас: «Почему мы должны взять вас в нашу Германию! Мы были более обеспечены прежде! Без подобных вам мы все еще жили бы в мире!»

Так мы оказались на улице. Прилетали русские самолеты-истребители. Их было так много, что в городе перестали объявлять тревогу. Когда стемнело, мы вошли в подъезд какого-то дома, положили наши одеяла на пол и сгрудились вместе. Холод от каменного пола легко проник через одеяло и через нашу одежду. Зубы мои стучали, я дрожал. Позже ночью пришел солдат и дал нам свое одеяло. Он сказал:

– Не оставайтесь в городе, завтра их артиллерия устроит из него тир. Держу пари, что они будут здесь через неделю. Выходите в пригород или к побережью. Есть еще несколько судов с восточными пруссаками, приплывающими из Пиллау, и некоторые из них заходят сюда.

Следующий день мы провели в сломанных трамваях, которые были выстроены в линию. Там было много беженцев. Большинство из нас не ели в течение многих дней. Какая-то женщина принесла холодный вареный картофель, и каждый завидовал ей. Фермеры в фургонах были лучше обеспечены. Люди из Данцига также имели пищу. Но мы приехали из другой части, и склады не хотели продавать нам порции по нашим талонам. Два маленьких мальчика боролись за кусок хлеба.

Вечером мы пошли на железнодорожную станцию и кое-как нашли место на поезде, идущем на север в Оливу. Там мы заняли дом, который был покинут. Мы пробудились под утро от грохота русской артиллерии, стрелявшей вдалеке, и с дороги слышали топот солдат и многих людей, которые бежали на юг, в Данциг. Когда рассвело, я увидел много солдат и подумал, что русские просто не

могли пройти. Но солдаты, с которыми я поговорил, глумясь, спросили меня, не ожидал ли я, что они остановят русские танки, – они имели полевое оружие, но никаких боеприпасов и не могли стрелять, а танки не будут останавливаться из уважения к приказам командующего цитаделью. Они сказали, что русские на расстоянии двух километров. Мы были настолько испуганы!

Мы стояли в дверях нашего дома, не зная, что делать. Приходили другие беженцы, с трудом волоча ноги.

Затем приехал солдат на грузовике; он сказал, что едет в Нойфарвассер и возьмет с собой нас. Потеплело, улицы были грязными. Колонны полностью блокировали дорогу. В одном месте солдаты рыли траншеи прямо у дороги. Мы видели поисковые команды военной полиции и СС, уводящие солдат, которых они арестовали. И постоянный поток людей в рваной одежде, торопящихся мимо. Я никогда не забуду этого – иногда одно из тех лиц возвращается ко мне во сне.

Мы проехали через аэродром; там не было ничего, кроме нескольких потрепанных машин. Русские самолеты прилетали несколько раз, но не стреляли. Затем мы добрались до порта. Не было никаких судов. Люди сказали, что все морские эвакуационные суда теперь приплывали из Гдыни. Имелось только несколько маленьких частных катеров, которые каким-то образом избежали конфискации. Перед кабинетом командующего портом люди стояли в длинных очередях. Он посмотрел на нас печально и сказал:

– У меня нет больше судов для вас. Там, в бараках, уже тысячи ожидающих. – Затем мрачно улыбнулся и добавил:
– Несколько катеров все еще имеется. Но я боюсь, что вы не можете позволить себе нанять их. Они запрашивают тысячу марок за человека.

У мамы оставалось восемьсот марок для нас троих.

– Все, что я могу посоветовать вам, – сказал командующий портом, – ждите здесь в лагере. Возможно, вы получите

шанс... возможно...

Мы пошли в лагерь, открыли дверь одного из деревянных барачков. Облако зловония встретило нас. Сотни людей сидели и лежали там на грязных соломенных кучах. Выстиранное белье свисало с веревок, натянутых поперек помещения. Женщины переодевали своих детей. Другие натирали голые ноги какой-то вонючей мазью от мороза. Брат потянул мать за полу пальто и сказал: «Пожалуйста, мама, пойдем отсюда подальше». Но мы были рады найти место на куче соломы рядом со старым одноруким мужчиной из Восточной Пруссии, который пришел сюда по Фрише-Нерунгу.

Около меня лежала очень молодая женщина, голову которой подстригли почти до кожи и чье лицо было покрыто уродливыми ранами. Она выглядела ужасно. Однажды, когда она вставала, я увидел, что она опирается на трость. Восточный пруссак сказал нам, что она была рядовой женского вспомогательного корпуса; русские поймали ее в Румынии осенью 1944 г. и взяли в трудовой лагерь. Она убежала и оказалась здесь. Он сказал, что ей всего восемнадцать или девятнадцать лет.

Мы смогли выдержать в бараке только несколько часов. И, предпочтя холод, пошли к порту. Мать попробовала договориться с одним из шкиперов. Но он не брал на борт никого меньше чем за восемьсот марок с головы, предпочитая возвратиться пустым. Мать была готова убить его голыми руками.

К тому времени, когда стемнело, мы так замерзли, что возвратились к баракам, несмотря ни на что. Мы нашли только место, чтобы сесть вплотную друг к другу. Рядом с нами сидела женщина, ребенок которой заболел дизентерией.

Итальянский военнопленный, который работал на пирсе, сказал нам, что из Кенигсберга прибыло маленькое судно и пришвартовалось немного дальше на побережье. Женщина, что была рядом с нами, пошла, чтобы переправиться на пароме. Она оставила ребенка с нами и обещала возвратиться и проводить нас. Она сдержала

слово, возвратилась и сказала нам, что встретила знакомого из Кенигсберга, который за пятьсот марок и ее кольцо обещал контрабандно провести ее и ребенка на судно. Он не мог сделать ничего для нас, но она не забудет нашей помощи. И она не забыла нас. Мы ушли из барачков во второй раз и заплатили итальянцу, чтобы он отвел нас к доку, где стояло судно. Он посмотрел на нас с жалостью и сказал на плохом немецком языке, что также хотел бы поехать домой. В доке мы ждали около судна, и, наконец, наша соседка по барачку убедила своего знакомого, чтобы доставить и нас контрабандой на борт.

Большинство из людей на судне были из Кенигсберга. Некоторые из них сошли на берег и теперь возвращались. Мы шли с ними, как будто принадлежали к их числу. Затем скрылись в холодном, продуваемом трюме на судне. Мы прижимались друг к другу, тем не менее ужасно замерзли. Но не смели двигаться, не говоря уже о том, чтобы подняться наверх, из опасения, что в нас признают безбилетников.

Ночь прошла. Грохот артиллерии над Данцигом становился очень громким. Человек, который был на палубе, сказал, что все небо красно от огней. Мы были счастливы и благодарны за то, что могли лежать в продуваемом трюме этого судна. Но тряслись от страха, что будем узнаны и отправлены на берег.

Затем судно вышло в море, и мы снова вздохнули с облегчением».

Данциг также был объявлен цитаделью. Как и Гдыня, город Данциг лежал в низменности побережья, окруженный кольцом пологих холмов. Густой лес покрывал холмы на юге и западе. Русские имели к нему простой доступ. Если бы они могли достигнуть высоты в любом месте, весь мелкий бассейн цитадели лежал бы в полной видимости для их наблюдателей. Данциг должен был быть защищен по гребням холмов – и это требовало большего числа мужчин и большего количества боеприпасов, чем могло быть найдено в те заключительные недели.

В городе было достаточно пищи, но боеприпасов не доставало. Гарнизон имел несколько зенитных орудий и несколько французских и чешских полевых орудий, каждое было все еще пригодно для сорока – пятидесяти выстрелов.

В тот же самый день, в который русские прервали сообщение между Данцигом и Гдыней, другие их войска пробивались к гребню холмов южнее Данцига. Артобстрел города начался на следующий день. 24 марта русские предприняли крупномасштабное воздушное наступление, которое превратило большую часть города в руины. Крах был полным. Только несколько боевых частей можно было все еще считать пригодными для сражения.

Но поисковые команды военной полиции, специальные команды СС производили облавы на «уклоняющихся», и летучие военные трибуналы еще раз пожинали ужасный урожай. Мужчины в этих командах и судах – за исключением, возможно, немногих безнадежных дураков – утратили всякие иллюзии о своей работе. Девиз, что они наказывали трусость и служили стране, был простым предлогом. Они знали, что были обречены, и бушевали с яростью и жестокостью загнанных в угол крыс. Их жертвы свисали с деревьев, украшенные табличками: «Я не повиновался моему транспортному командиру», «Я – дезертир», «Я был слишком трусливым, чтобы сражаться» и т. п. Рядовые люфтваффе, простые мальчишки, которые хотели на часок забежать к своим родителям, висели на деревьях и фонарных столбах.

Ночью 26 марта боевые войска и часть гражданского населения оставили город и сбежали в восточном направлении на берега Вислы. В ту же самую ночь русский артиллерийский обстрел внезапно прекратился, и русские громкоговорители начали транслировать немецкий военный марш. Музыка странно звучала в непривычной тишине. Затем голос в темноте прокричал: «Граждане Данцига! Выходите из ваших подвалов! Ваша свобода и ваша собственность в безопасности! Война для вас закончена!» Много раз эти слова звучали в городе.

В одном отношении репродуктор не лгал: для людей, которые остались в Данциге, война была закончена.

Те, кто покинули Данциг в последний момент, никогда не узнали, какой судьбы они избежали.

Разношерстные войска, которые оставили город ночью, 26 марта успешно удерживали линию фронта против русских, которая начиналась к западу от Вислы и затем изогнулась на северо-восток поперек устья реки к Фрише-Хаффу. 27 марта они взорвали плотины, затопив обширные болотистые участки и устроив тем самым водный барьер между советскими войсками и узкой полосой побережья, все еще находившейся в немецких руках.

В лесу и дюнах солдаты и беженцы лежали вместе, зачастую близко к стрелковым окопам и местам расположения орудий. После наступления темноты процессии раненых солдат и гражданских жителей тянулись на восток. Прошел слух, что дорога вдоль Фрише-Нерунга все еще открыта, что по этому пути можно дойти к Пиллау и найти там судно. Многие беженцы из Замланда, столкнувшись теперь с бедствиями в болотах у Вислы, повернули назад.

Несколько дней грузовики и другие транспортные средства все еще привозили раненых солдат из госпиталей Данцига. Они должны были пересечь Вислу на паромах. Ночь за ночью грузовики скапливались у мест высадки с паромов. Даже огня от сигареты было достаточно, чтобы привлечь русские самолеты. Многие водители, опасаясь за собственную жизнь, разгружали раненых поблизости от паромов и уезжали. Беспомощные мужчины клали носилки к носилкам, пока команды с парома не сжалились над ними.

24 марта флот стал посылать баржи и рыбацкие катера из Хелы к устью Вислы, собирая раненых и беженцев. Туда-сюда сновал транспорт с продовольствием и боеприпасами. За одним-единственным исключением – ночи отчаянного действия, эвакуации Оксхёфта, 1 апреля, – эти суда неизменно появлялись ночь за ночью в

течение нескольких недель. Спасательные суда могли пришвартоваться даже на низкой воде. У мужчин и женщин, которых эти лодки взяли в Хеле, силы иссякли вконец.

Постепенно немецкие войска были оттеснены назад к побережью. Они отступили на Фрише-Нерунг и соединились с войсками Замланда. Затем фронт Замланда рухнул, и русские высадились в северном конце Фрише-Нерунга, напротив Пиллау. К концу апреля приблизительно сорок тысяч войск 2-й армии, войск Замланда и бесчисленные гражданские жители были зажаты вместе на Фрише-Нерунге. В начале мая, когда гражданские жители были переправлены в Хелу, генерал фон Заукен решил оставить Нерунг и также эвакуировать войска в Хелу. 7 мая, в то время как эта акция шла полным ходом, его радиопост получил приказ сдаться. Генерал фон Заукен сдался 9 мая.

Тем временем шторм пронесся в Восточную Померанию. Фронт 3-й армии раскололся в первые дни марта. Большинство населения, слишком поздно пробудившись от фатальных мечтаний или освободившись от приказов, запрещающих бегство, оказалось в зоне русского наступления.

Немецкие войска были рассеяны во все стороны света. Только несколько частей удерживались вместе, и вокруг них группировались толпы беженцев. Они тянулись в западном и северо-западном направлениях. Хотя их настигали русские танки, несколько таких колонн сумели прорваться на запад.

Зима и холод возвратились еще раз. Царил беспорядок. Ночью некоторые немецкие солдаты, которые были рассеяны и побросали свое оружие, присоединились к немногим частям, все еще выполнявшим приказ. С тяжелым грузом на спинах, опираясь на палки, они появились в темноте у отдаленных ферм, чтобы исчезнуть с лучами рассвета и снова скрыться до заката. Фермеры и сельские жители прятались в лесу, холодном и голодном. Ночь за ночью небо пылало над горящими деревьями.

Русские теперь вели огонь более тщательно, чем когда-либо прежде.

По берегам Одера – реки, за которой, казалось, была безопасность, – происходили события, которые горько описывать. Около города Каммина, где восточный рукав реки впадает в Балтийское море, приблизительно тридцать тысяч оставших и сорок тысяч беженцев сопровождали горстку войск. Каждый дом, каждый сарай, каждая конюшня была заполнена. Некоторые пробовали убежать через Балтийское море – и лишь немногим это удалось. Остальные остались с войсками.

Среди этих войск были кадеты офицерской школы, которые проложили себе путь из Нойштеттина в Центральной Померании к Одери. Какие-то русские части двигались за ними и теперь стояли к западу от города, поперек реки. Но эти кадеты прорвались. Роты, которые насчитывали сто сорок или сто пятьдесят мужчин перед атакой, имели тридцать пять – пятьдесят мужчин после того, как форсированно переправились по мостам. Но они шли, и за ними следовал гигантский поток, катящийся на запад по берегу Балтийского моря: солдаты без оружия и гражданские жители с тюками, рюкзаками, телегами и колясками. Они спотыкались о мертвых и раненых, которых некому больше было хоронить.

Дальше на юг генерал Раус все еще пробовал удержать предмостное укрепление к востоку от Одера, которое стало целью многих беженцев. Но русские обрушились на его войска с подавляющей силой – и предмостное укрепление было потеряно. Скоро русские захватили весь правый берег реки. Померания была в их руках.

«В последние дни февраля, – сообщает жена доктора Макова, одна из сотен тысяч жителей Померании, которые приехали слишком поздно, чтобы убежать через Одер, – беженцы шли по каждой дороге. Они сказали, что фронт прорван и ничто не может остановить русских. Но партийные чиновники все еще настаивали, что фронт будет держаться.

Скоро дороги были полностью забиты. Наши дома были переполнены людьми, главным образом женщинами и детьми.

Русские войска вошли в нашу деревню 1 марта. То, что продолжалось в те первые ночи, было ужасно. Многие из мужчин, которые хотели защитить своих близких, были убиты. В каждом доме рылись, случалось, насиловали женщин.

Спустя неделю после прибытия русских нам приказали собраться и выйти из деревни в течение десяти минут. Мы не могли плакать, только дети кричали. Мы только оглянулись однажды и увидели церковь на холме. Нас собралось человек девятьсот. По каждой дороге приходили женщины из других деревень и городов – все должны были идти на восток. Началось ужасное время скитаний. Иногда мы имели крышу над головой, спали на фермах на полу, в сараях, в стогах сена, в лесу. Мы были пропитаны снегом и дождем. И днем и ночью, много раз, приезжали солдаты. Они грабили, били нас. Изредка встречался русский, который был дружественным, и даже незаметно давал нам кусок хлеба. Возможно, среди них много таких, я не знаю. Но я никогда не видела так ясно, как заразно зло.

9 февраля я и много других женщин были посажены на грузовики. Мы должны были строить посадочные полосы. В снег и дождь, с шести часов утра до девяти вечера мы работали вдоль дорог. Утром и ночью мы получали холодную воду и кусок хлеба, а в полдень суп из неочищенного картофеля, без соли. Ночью мы спали на полу в сельском доме или хлеву, уставшие до смерти. Наконец я полностью обессилела. Они послали меня назад, в мою деревню. Мне потребовались дни и дни, чтобы возвратиться домой, потому что у меня случился резкий упадок сил по дороге. Когда я приехала в деревню, где видела моего мужа в последний раз, другие женщины сказали мне, что всех мужчин от пятнадцати до шестидесяти лет забрали. Мы никогда не видели ни одного из них снова и не слышали о том, что с ними случилось.

После этого нас собирали снова и снова, чтобы рыть канавы, восстанавливать дороги или молотить зерно. Избиения были весьма обычны. Когда в нас больше не было необходимости, нас увольняли на месте, часто близко к линии фронта. Тогда мы должны были идти домой снова, чтобы разузнать, где наши семьи. Часто более здоровых девушек и женщин внезапно окружали, сажали в вагоны для рогатого скота и отсылали в Россию. Я едва спаслась от одного такого транспорта, включавшего тысячу двести женщин и девушек.

Голод был ужасный. Мы рыли картофель. На некоторых отдаленных фермах находилось даже зерно, оставленное на чердаках. Мы сами его мололи. Старики и дети не жили долго. Младенцы были потеряны с самого начала. Их матери не имели молока и ничего не могли поделаться, в то время как малыш голодал. Часто мы причитали над могилами.

Матери прошли через ужасное страдание. Некоторых увозили на транспорте в Россию, и малыши кричали и протягивали к ним руки; старшие только стояли, тихие и полные ненависти. На этих массовых депортациях, между прочим, никогда не спрашивали о профессии или партийном членстве.

Мы проехали по многим городам в нашем скитании и по многим деревням. Везде, куда мы приезжали, было то же самое разрушение. Даже кладбища не были оставлены в покое, могильные камни свалены, могилы вытоптаны.

Позже нам разрешили возвратиться в свои деревни. Мы были больны, измождены и несчастны, но, по крайней мере, шли домой. Многие из домов были теперь заняты солдатами, и все же мы нашли большое количество комнат, потому что очень многие отсутствовали. Мы привыкли к ужасу, стали грубыми. Тем не менее нас шокировало, когда мы видели грязь, вдребезги разбитую посуду, сломанное имущество, полотно и одежду на гудах навоза.

Худшие депортации теперь прекратились. Мы должны были продолжать выполнять тяжелую работу, когда

необходимо, и при этом почти не имели еды. Мы видели, как грузовики следовали через нашу деревню день за днем, полные людей, большинство из них мужчины, на пути в Позен для отправки в Россию. Они стояли в открытых грузовиках, набитых как бочки с сардинами, и кричали нам: «До свидания!»

Однажды утром въехали верхом польские солдаты. За некоторое время до этого польская милиция появилась в деревнях. Они грабили настолько дико, что даже русские, которые теперь остепенелись, останавливали их здесь и там. Всем немцам приказали выйти в деревенский сквер. Тех, кто медлил, выгоняли лошадиными кнутами. Нас поместили в узкий загон, и там мы стояли на июльской жаре до ночи. Теперь мы поняли, что подразумевали поляки, когда дразнили нас, говоря, что Померания стала польской страной».

Единственный город в Померании, который продержался еще несколько недель, был Кольберг на балтийском побережье. Он стал приютом для ближайшего населения и для некоторых колонн, двигавшихся на запад.

Кольберг был объявлен цитаделью. Гитлер выразил надежду, что этот город, верный своим великолепным традициям, будет обороняться до последнего человека. Поскольку будущее становилось все более безнадежным, прошлое превозносилось в официальной пропаганде.

Город был заполнен беженцами. С обычных тридцати пяти тысяч его население выросло до восьмидесяти пяти тысяч. Станция была заполнена поездами. Еще двадцать два поезда, загруженные ранеными и беженцами, все еще ждали за пределами города. Новые толпы людей и рогатого скота из ближайшей местности прибывали ежечасно. И на дороги с востока втискивались колонна за колонной.

4 марта русские стали приближаться. 7 марта они достигли побережья к востоку и к западу от Кольберга и отрезали город от суши. Началось сражение. Для гарнизона оно могло иметь только одну цель – тянуть,

пока гражданские жители в городе не спасутся бегством через море.

Сначала не было никаких судов. Но благодаря срочным радиосообщениям и энергичным усилиям морского капитана, который оказался в городе, удалось достать несколько маленьких судов, большинство из них баржи. В течение нескольких последующих дней началась эвакуация гражданских жителей.

9 марта русские атаковали. Они подняли тяжелую артиллерию и начали артзаграждение с «органов Сталина» и минометов. Полковник Фуллрид, командующий цитаделью, имел в своем распоряжении три тысячи триста мужчин, главным образом резервистов, и войска народной армии. Он также имел восемь старых танков, которые оказались в ремонтных мастерских города. Его артиллерия состояла из восьми легких полевых орудий без оружейных команд и тракторов и пятнадцати зенитных орудий.

Русские снаряды попадали в переполненные здания и на улицы, заполненные людьми, фургонами и рогатым скотом. Бомбоубежищ было недостаточно, а новые не могли быть построены. Вода отсутствовала, поэтому распространилась дизентерия. Умерли почти все младенцы и многие из старших детей. Волны самоубийств поглотили целые семьи. Советские войска вошли в южные предместья. Их танки поджигали один дом за другим, и таким хорошо проверенным методом они оттесняли защитников, которые были не способны ответить огнем нападавшим. Улица за улицей были потеряны.

Посреди всего этого продолжалась погрузка гражданских жителей. К 17 марта семьдесят тысяч человек были перевезены по воде в безопасное место, даже при том, что русские на западном берегу реки Перзанте вели пулеметный огонь по пирсу.

Когда последние гражданские жители и раненые были погружены на суда и баржи, выносливость небольшого гарнизона иссякла. Последний участок города попал к русским. Две тысячи двести солдат, которые выжили, оказались толпящимися у моря на береговой полосе

длиной приблизительно полтора километра и глубиной четыresta метров и полностью незащищенными. Вечером 17 марта русские пересекли реку и начали наступать с запада. Полковник Фуллрид решил закончить борьбу – вопреки приказам жертвовать каждым последним человеком. Две тысячи защитников были спасены по воде. Город, который они оставили позади, лежал в руинах и пепле.

Миллионы беженцев из Восточной и Западной Пруссии, из Померании и северных частей района Варты смотрели на реку Одер как на великий водораздел, за которым находится безопасность. Той безопасности, что и говорить, угрожали воздушные налеты – но что такое бомба по сравнению с хаосом и яростью, которые поразили земли на востоке?

Около середины марта последние рассеянные немецкие войска пересекли Одер с востока на запад. Некоторые гражданские жители все еще шли с ними. Но затем это закончилось. Все те, кто остался к востоку от реки и вне тесных котлов, все еще оставшихся в Гданьском заливе, исчезли в опустошенных землях или трудовых лагерях России или вели жизнь преследуемых в течение многих лет – пока, позже, оставшиеся в живых не были вытеснены на запад.

И затем начался заключительный штурм.

Глава 6

Последняя стоянка на Одере

20 марта 1945 г. генерал Хенрици, командующий 1-й танковой армией, получил по телефону удивительную информацию о том, что он назначен командующим группой армий «Висла». Войска Хенрици, удерживая южное крыло группы армий Шёрнера, вели тогда жестокие бои с советскими войсками, пытавшимися закончить завоевание Верхней Силезии.

Хенрици был низкорослым седоволосым человеком пятидесяти лет. Сын министра, он скакал через звания, никогда не получая специальных наград. Хотя он долго командовал 4-й армией и видел самые кровавые сражения на востоке, едва ли многие знали его имя.

Спустя два дня после этого странного телефонного звонка Хенрици оставил доклад начальнику штаба Гудериану. До сих пор Хенрици видел только самый южный край разгрома, в который русское наступление в январе повергло Восточную Германию. Он видел бегство и крушение в Верхней Силезии. Но даже по дороге к штабу Гудериана, в самом сердце Германии, он должен пропахать свой путь через бесконечные колонны беженцев из Восточной и Западной Пруссии, Силезии, Померании и откуда-то еще – колонны, которые бежали через Одер и все еще не могли найти никакого отдыха или защититься к западу от спасительной реки.

Лагерь Гудериана носил следы недавнего воздушного нападения. Генерал Кребс, руководитель операций, который отказался искать убежище, был легко ранен.

Начальник штаба выглядел напряженным и усталым. Он принял Хенрици и сказал:

– Я преуспел в том, что назначил вас командующим группой армий «Висла». Мы нуждаемся на Одере в человеке, который имел реальный опыт боев с русскими. Дальнейшее сотрудничество с Гиммлером невозможно.

Мы должны рассчитывать на возобновление русского наступления очень скоро, особенно на нападение непосредственно на Берлин. После ужасных вещей, которые случились в Восточной Германии, мы должны испробовать абсолютно все, чтобы воспрепятствовать русским пересечь Одер и взять столицу.

Фронт группы армий «Висла» теперь распростерся от Балтийского моря, в устье Одера, вниз к чешской границе. Некоторые из войск, которые сражались в Восточной Померании, сумели отступить через Одер. Мы также воспитали некоторые новые войска. Мы имеем восемьсот пятьдесят танков, некоторые из них новые. Но при Гимmlере все эти войска остались дезорганизованными, перепутанными, необученными и без руководства. Ваша работа – собрать их в реальный фронт, фронт, который может противостоять удару. Вы имеете в лучшем случае три-четыре недели, чтобы сделать это.

Но есть другие, более трудные задачи, ждущие вас. Русские установили два предмостных укрепления на западном берегу Одера, к северу и к югу от Кюстрина. Наша единственная связь с городом – узкий коридор. В одном южном предмостном укреплении русские сосредоточили шестьсот – восемьсот артиллерийских орудий. Если оружие начнет стрелять, это будет означать конец. Мы не имеем фактически никаких воздушных сил. И мы не имеем достаточного количества артиллерии, чтобы уничтожить русские орудия.

Ваша первая задача будет состоять в том, чтобы внезапным нападением возвратит нам южное русское предмостное укрепление. Единственный путь, который может быть проделан, – это собрать сильные войска в нашем собственном предмостном укреплении на восточном берегу около Франкфурта-на-Одере и напасть на русских с тыла. 9-я армия под командованием генерала Буссе уже делает приготовления. Если я не ошибаюсь, нападение намечается на послезавтра.

Гудериан замолчал и зашагал по кабинету. Вены на его висках набухли. Хенрици наблюдал за ним в тишине,

ожидая дальнейших инструкций. Но начальник штаба все молчал, и Хенрици склонился над столом с картой. Впервые он увидел расположение фронта, которым должен был командовать. Он был потрясен, когда увидел, каким тонким и как близко к Берлину был фронт. И более того, корпус и дивизии, отмеченные на карте, в действительности были не более чем тенью прежних частей.

Голос Гудериана ворвался в его мысли. Начальник штаба сообщил, что 18 марта он посетил фронт группы армий «Висла» и не сумел найти Гимmlера в его штабе. Адьютант Гимmlера сказал ему, что тот заболел гриппом и ушел в санаторий. У Гудериана сложилось впечатление, что эта болезнь имела политические причины: Гимmlер устал командовать группой армий, с которой мог пожинать только поражения.

Не теряя времени Гудериан отправился в санаторий. Он нашел Гимmlера в добром здравии, но чрезвычайно напряженным и возбужденным.

Гудериан использовал ситуацию в полной мере. Он выразил глубокое сожаление о болезни Гимmlера и рискнул сказать, что это произошло из-за чрезмерного бремени от пяти самых важных назначений. Никакой человек не мог нести такой груз в течение долгого времени. В конце он осторожно предложил Гимmlеру оставить командование на востоке.

Эти слова упали на готовую почву. Конечно, Гимmlер ответил, что он не должен обращаться к фюреру с просьбой о своей отставке. Но Гудериан быстро предложил, что он сам готов осторожно затронуть эту тему в следующей беседе с Гитлером, и Гимmlер явно с облегчением согласился. Гудериан взял отпуск, поехал в Берлин и получил одобрение непосредственной отставки Гимmlера и назначения Хенрици.

– Через полчаса, – заканчивал Гудериан, – я еду в Берлин на совещание. Вы могли бы прийти и доложить ему.

Хенрици ответил, что из-за готовящейся атаки в Кюстрине должен отложить доклад Гитлеру. Он немедленно поедет на фронт. Но если Гудериан уделит ему немного времени, то он будет благодарен за некоторые замечания по военной ситуации вообще.

Гудериан резким тоном сказал, что Верховное командование вооруженных сил – оно в действительности означало Гитлера и Йодля – не давало даже ему реально заглянуть в события и планы, которые не были непосредственно связаны с Восточным фронтом. Хенрици не должен иметь никаких иллюзий на этот счет – он также останется в неведении. Но как бы там ни было, Хенрици имел перед собой одну ясную задачу, независимо от того, что происходило в другом месте: удерживать Восточный фронт всеми средствами и препятствовать русским захватывать новые территории.

Гудериан никак не упомянул при Хенрици о плане «Затмение». И при этом не сказал, что имел конфиденциальную беседу с Риббентропом, в которой убеждал провести мирные переговоры с западными державами, и такую же беседу с адмиралом Дёницем. Оба ответили уклончиво. И наконец, 21 марта, только двадцать четыре часа назад, Гудериан одержал третий успех – на сей раз у Гиммлера.

Гудериан узнал, что Гиммлер был в контакте со шведским графом Бернадотом. Он предстал перед Гиммлером с этой информацией во дворе канцелярии и убеждал его, что непосредственные мирные переговоры с западными державами были насущной потребностью. Гиммлер слушал в затруднении и наконец ответил, что еще слишком рано для такого шага. Но Гудериан пожал лавры за свои последние усилия прежде, чем день закончился. После совещания Гитлер внезапно заметил:

– Генерал, у меня впечатление, что сердце доставляет вам большие неприятности в эти дни. Вы должны взять отпуск на шесть недель.

Гудериан кратко ответил, что, к сожалению, он не может принять предложение, пока его штаб не будет

укомплектован, потому что большинство его старых помощников ушло – уволены или, как фон Бонин, заключены в тюрьму. Гудериан сказал, что его замена должна быть отложена, пока генерал Кребс не оправится от ран.

Гудериан знал тогда, что говорил Гиммлер и что его собственный конец приближался. Но он ничего не сказал об этом Хенрици.

Вечером 22 марта Хенрици достиг хорошо замаскированного штаба группы армий «Висла» рядом с Пренцлау, приблизительно в 40 километрах к западу от города Штеттина.

Гиммлер ожидал его. Он сделал приготовления, чтобы выполнить передачу командования с подобающим великолепием, которое скроет тот факт, что он уклонялся от ответственности. Он стоял за своим гигантским столом. Позади него на стене висел большой портрет Фридриха Великого. Но лицо Гиммлера казалось более надутым, чем обычно, а взгляд был взглядом преследуемого.

Гиммлер объявил, что ему необычно трудно сдавать свой пост. Но, к сожалению, он не имеет выбора – фюрер поручил ему новые, еще более важные задачи жизненного характера. Хенрици познакомился бы с ситуацией наиболее быстро, если бы выслушал доклад о событиях в группе армий с тех пор, как он, Гиммлер, принял командование.

Гиммлер позвонил по телефону. Двое из его помощников, генерал Кинцель и полковник Эйсман, появились со стопами карт и бумаг.

Хенрици надеялся, что передача командования будет закончена через несколько минут. Прошное не интересовало его – он должен был знать ситуацию в настоящий момент. Вместо этого Гиммлер стал описывать в мельчайших деталях его личный опыт в Померании с января месяца.

После часа доклада стенографистка положила карандаш. Генерал Кинцель симулировал срочное дело и ушел, и

вскоре после этого полковник Эйсман извинился и оставил комнату.

Гиммлер говорил в течение почти двух часов. Хенрици сделал несколько неудачных попыток прервать его. Наконец звонок телефона пришел ему на помощь.

Генерал Буссе, командующий 9-й армией, звонил, чтобы сообщить, что русские внезапно двинулись в атаку от их предмостного укрепления к югу от Кюстрина. Они перерезали немецкий коридор к городу и установили контакт со своим предмостным укреплением к северу от Кюстрина.

Гиммлер выглядел смущенным. Но затем с внезапным облегчением вручил трубку Хенрици.

– Вы теперь командующий группой армий «Висла», – сказал он. – Пожалуйста, отдавайте соответствующие приказы.

Хенрици ответил, что пока ему даже не сказали, где его фронт и какими войсками он командует. Но он взял трубку и слушал.

В течение подготовки к предложенной атаке из Франкфурта-на-Одере были забраны лучшие немецкие войска, до тех пор сохраненные в коридоре к Кюстрину. Русские легко проникли в коридор. Буссе сообщил, что контратака была начата немедленно, чтобы вновь установить связь с Кюстрином.

Хенрици сказал Буссе, что сразу приедет в штаб 9-й армии – его прибытие ожидалось следующим утром.

Когда Хенрици повесил трубку, Гиммлер продолжил свою речь. Но теперь Хенрици нашел несколько вежливых, но твердых слов о том, что события в Кюстрине вынуждают его сократить церемонию. Однако, узнав так много о военных событиях, он будет благодарен за несколько слов о дипломатической ситуации.

Гиммлер следил за ним с подозрительностью. Мгновение он смотрел, как будто давал понять, что Хенрици нарушил владения, которые принадлежали Гитлеру и в лучшем

случае были исключительным заповедником Гиммлера. Но затем он опустил глаза и сказал:

– Наступил момент, чтобы начать переговоры с нашим противником на западе.

– Что-нибудь сделано в этом направлении?

– Я предпринял шаги. Мои эмиссары вступили в контакт.

Хенрици прибыл в штаб 9-й армии рано утром. И сразу отправился на одерский фронт. В первый раз в истории группы армий «Висла» ее командующий посетил линию фронта.

С высот, глядящих на одерскую долину, невысокий седоволосый человек изучил позиции. Большинство из них было едва ли достойно этого названия. Если они удерживались в настоящий момент, то только потому, что русские с другой стороны нуждались во времени, чтобы развить атаку. И позади этих несерьезных немецких линий были жители одерской долины и беженцы. Крестьян можно было даже теперь увидеть работающими на их полях, как будто в знакомом труде они надеялись найти забвение угрозы, которая остановилась за рекой, приготовившись убивать. И на стенах деревенских домов висели знакомые прокламации: немецкие вооруженные силы ушли только по стратегическим причинам, только для подготовки заключительной победы – но здесь и теперь враг будет остановлен.

Начиная с краха в Померании левый фланг группы армий «Висла» стоял в секторе Штеттина, где река Одер впадает в Балтийское море. Затем фронт следовал за левым берегом реки, шел мимо Кюстрина и Франкфурта, вниз к слиянию Нейссе и Одера в 80 километрах к юго-востоку от Бреслау в Силезии. В этом пункте он соединялся с группой армий Шёрнера, линия фронта которой продолжалась в юго-восточном направлении вдоль Карпат в Чехословакию.

Две армии удерживали фронт группы армий «Висла» протяженностью 480 километров. На севере стояла 3-я танковая армия. Командование ею было недавно поручено

генералу фон Мантейфелю, относительно молодому человеку, который руководил танковой армией в Арденнах. Фон Мантейфель покрывал сектор от Балтийского моря до населенного пункта в 48 километрах к северо-востоку от Берлина – или, скорее, пробовал покрыть, поскольку его войска были армией только по названию. На юге находилась 9-я армия под командованием генерала Буссе, энергичного и несколько бесцеремонного человека. Буссе оказался в еще более отчаянной ситуации, чем фон Мантейфель. В то время как северные пределы одер-ской долины лежали под весенним наводнением шириной почти в три километра, сектор Буссе оставался проходимым для русских танков. И доклады разведки указали, что русские войска более всего сконцентрированы перед сектором Буссе между Франкфуртом и Кюстрином: Советы сосредоточили восемь – десять пехотных и две-три танковых армии.

Армейский корпус Буссе не был никаким корпусом, а его дивизии не были дивизиями. Большинство его войск были сформированы в большой спешке, собранные частично из числа отставших, которые пересекли Одер в марте, частично из недавно призванных новичков. Имелось несколько проверенных в бою дивизий с Восточного фронта – остальные были батальонами народной армии, частями пограничной службы, чрезвычайными батальонами и латвийскими войсками СС. Командование везде не соответствовало задачам.

В то время как старые дивизии имели вооружение, другие части испытывали недостаток во всем. Порой не имели артиллерии, нуждались в автоматах и даже винтовках. Снабжение боеприпасами было недостаточным.

Ни арсеналы, ни склады боеприпасов не существовали. Вся военная промышленность была полностью разрушена постоянными воздушными нападениями. Кроме того, здесь велась та же самая зловещая игра, которая продолжалась в Восточной Пруссии и в других местах: окружные руководители, не доверяя регулярной армии, запасали оружие и боеприпасы для народной армии. И в самые первые дни своего командования Хенрици узнал,

что определенным антипарашютным частям, охраняющим Каринхалл – личный опорный пункт Геринга, – был выделен даже двойной комплект автоматов, в то время как дивизии на Восточном фронте испытывали недостаток.

На военно-воздушные силы едва ли можно было рассчитывать. Эскадроны генерала графа фон Грейма, которые были привлечены помочь группе армий «Висла», обладали достаточным числом машин, но снабжения бензином было достаточно только для самых срочных разведывательных полетов.

23 марта войска Буссе сделали первую попытку вновь установить связь с Кюстрином. Русская артиллерия отбросила их назад, нанеся тяжелые потери.

Гитлер приказал повторить атаку. Был выбран новый пункт атаки, артиллерия и танки продвинулись. Снова почти не было поддержки с воздуха. 27 марта 9-я армия сделала вторую попытку освободить Кюстрин и снова потерпела неудачу.

Хенрици знал, что третья попытка будет убийственна. Он доложил о своей неудаче Гудериану с рекомендацией, чтобы гарнизону Кюстрина позволили оставить цитадель и сделать попытку прорваться на запад.

Днем 27 марта Гудериан передал доклад Хенрици в штаб-квартиру фюрера. Гитлера охватил приступ ярости, он обвинил генерала Буссе в злоупотреблениях и приказал, чтобы Гудериан появился на следующий день вместе с Буссе для специального совещания о Кюстрине. В тот же самый вечер Гудериан послал письмо Гитлеру, содержащее резюме о действиях в Кюстрине, существенные факты об относительной силе германских и советских войск и данные о немецких потерях. Письмо заканчивалось словами: «Ввиду этих фактов я должен решительно отклонить обвинения, выдвинутые сегодня днем против генерала Буссе и его войск».

Гудериан и Буссе появились в назначенный час. Гитлер в состоянии чрезвычайного волнения просил, чтобы Буссе сделал свой доклад. Но прежде чем Буссе закончил свое

третье предложение, Гитлер прервал его новым взрывом брани.

Затем Гудериан прервал Гитлера.

Голос Гудериана заглушил слова Гитлера. Он заполнил комнату, повторяя ясно и точно доклад об условиях в Кюстрине.

Гитлер вскочил с места. На мгновение показалось, что он бросится на Гудериана. О Кюстрине и генерале Буссе теперь забыли – изо рта Гитлера вырвалось все недоверие, негодование и ненависть, которые нагноились в нем. Он не обращался к Гудериану – он обратился ко всему Генеральному штабу с обвинениями.

Гудериан парировал, напомнив о потерянной впустую армии в Курляндии. Но Гитлер закричал, что Гудериан и весь Генеральный штаб были полностью неосведомлены, – он, Гитлер, всегда один отстаивал стратегию цитаделей позади вражеских линий, которые связали силы врага в Сталинграде и предотвратили катастрофу на юго-востоке. Гудериан и его безумный генерал Гелен постоянно вводили его в заблуждение. Даже наступление из Померании Гудериан превратил в катастрофу.

Больная рука Гитлера тряслась. Гудериан закричал еще громче, чем Гитлер. Оба мужчины утратили самообладание.

Генерал Бургдорф первым оправился от изумления. Он стал позади Гитлера и попробовал посадить его на стул.

– Мой фюрер, – выкрикнул он, – пожалуйста, успокойтесь, пожалуйста, садитесь!

Гитлер, внезапно обессилев, опустился на стул и сидел, ошеломленный и тихий.

Йодль и Винтер потянули Гудериана к окну. Но все их усилия успокоить его были напрасны – гнев, агонию многих месяцев нельзя было заставить замолчать. Много раз его голос, повышаясь, произносил, что все, что «он» сказал, было полным и чрезвычайным пустословием.

Адъютант Гудериана Фрейтаг-Лорингховен, напуганный тем, что Гитлер арестует начальника штаба, выбежал в приемную. Он телефонировал генералу Кребсу в штаб Гудериана. В нескольких словах он сообщил Кребсу о ситуации, сказал, что сейчас позовет Гудериана к телефону, и попросил, чтобы Кребс поговорил о том или ином деле, которое может показаться срочным, пока Гудериан не успокоится. Кребс понял. Фрейтаг-Лорингховен побежал назад в зал заседаний.

Ярость Гудериана была все еще настолько сильна, что он накричал на своего адъютанта:

– Мне нет ни до чего дела!

Но в конце концов Фрейтаг-Лорингховен убедил его, что на фронте критические события и что он просто обязан поговорить с Кребсом.

Телефонная беседа длилась почти двадцать минут. Когда Гудериан возвратился в зал заседаний, к нему вернулась, по крайней мере, видимость спокойствия. Но его лицо показывало, что он не намеревался отречься от того, что сказал. Тихо он ждал конца.

Гитлер попросил Кейтеля и Гудериана покинуть комнату. Но когда дверь уже закрывалась, он кисло сказал вдогонку:

– Гудериан, ваше здоровье требует, чтобы вы немедленно взяли отпуск. Я полагаю, что сердце беспокоит вас.

Приблизительно через шесть недель вы можете выздороветь.

– Я докладываю об отпуске, – сказал Гудериан.

– Где вы проведете ваш отпуск? – спросил Гитлер. Его слова казались подозрительными.

Гудериан ответил, что еще не строил никаких планов. Кейтель предложил Либенштайн, курорт с минеральными водами в Тюрингии. Гудериан ответил, что Либенштайн кишит американцами. Кейтель предложил Валькенрид в горах Гарца, на что Гудериан сказал, что американцы

ожидаются там завтра, и попросил не беспокоиться, – он найдет место.

Гудериан оставил канцелярию и возвратился в свой прежний штаб. По прибытии он узнал, что генерал Кребс назначен вместо него. Он провел два дня, информируя Кребса, затем уехал.

Несколько дней спустя генерал СС Рейнфарт, командующий цитаделью Кюстрин, оставил город, сделал вылазку и с восемьюстами своими солдатами достиг немецких линий. Проблема Кюстрина – причина падения Гудериана – потеряла всякое значение.

Начиная с падения Кюстрина русские стали строить мосты через Одер, расположенные ниже поверхности воды и поэтому невидимые с воздуха. Хенрици продвинул каждое артиллерийское орудие дальнего действия, которое смог получить, чтобы помешать строительству мостов. Но его артобстрел имел небольшой эффект. Воздушные эскадрильи фон Грейма не могли преодолеть русские зенитные батареи. Плавающие мины, сброшенные в Одер, были пойманы сложными русскими сетевыми заграждениями.

Хенрици должен был беспомощно стоять в стороне, в то время как строительство русских мостов приближалось к завершению. Все больше русских полевых орудий было сосредоточено в предмостном укреплении Кюстрина. Готовящемуся русскому нападению, как обычно, предшествовал бы сильный артиллерийский заградительный огонь. Хенрици видел только один способ спасти свой фронт от уничтожения: отвести войска незадолго до начала заградительного огня.

Хенрици знал, что русское нападение ожидалось в секторе между Кюстрином и Франкфуртом. Этот сектор тогда нуждался в подкреплении – но не было никаких резервов, кроме, возможно, двух дивизий, расположенных в цитадели Франкфурт. Но чтобы сделать эти дивизии доступными, потребовалось бы снять классификацию цитадели с Франкфурта.

Это поручение впервые привело Хенрици в Берлин. Столичные газеты и эмблемы, недавно появившиеся на стенах домов, объявляли, что российские войска не продвинутся ни на метр, что заключительная победа неизбежна.

Хенрици вошел в канцелярию в надежде, что не только получит эти две дивизии во Франкфурте, но также и узнает кое-что о ситуации вообще. Он обратился к генералу Кребсу. Но Кребс сказал ему, что он должен удерживать фронт на Одере; Верховное командование вооруженных сил позаботится об остальном.

Геринг, Кейтель, Бургдорф, Йодль, Винтер, Дёниц и Гиммлер собрались для совещания. Вошел Гитлер. Хенрици встретился с ним лицом к лицу впервые в своей жизни. Этот человек с поникшими плечами, дрожащими руками и белым как мел лицом – действительно ли это тот, в ком миллионы немцев все еще видели спасение?

Хенрици говорил об угрозе, перед которой стоял его фронт. Он указал на необходимость отказаться от защиты Франкфурта и переброски его гарнизона в промежутки перенапряженного одерского фронта. Гитлер слушал спокойно.

Хенрици готов был забыть все, что слышал о взрывном и непредсказуемом характере Гитлера, когда внезапно разразился шторм, тот же самый шторм, который вызвал Гудериан двумя днями ранее. Гитлер вскочил со стула, чтобы дать выход своей ненависти к генералам и оправдать свою стратегию цитаделей. И снова он внезапно успокоился.

Пораженный, Хенрици смотрел на лица окружавших его. Но они не выказывали ни удивления, ни возмущения. Хенрици возобновил свою речь. Гитлер рассеянно попросил, чтобы он повторил детали, которые были уже указаны, и затем внезапно приказал, чтобы полковник Билер, командующий цитаделью Франкфурт, доложил ему на следующий день.

Хенрици возвратился в свой штаб и передал приказ полковнику Билеру. Полковник, который работал без сна в течение нескольких дней и был крайне изможден, попросил, чтобы посещение Берлина было отложено на день. Хенрици телефонировал Кребсу, и Кребс отказал.

Билер поехал в Берлин. Несколько часов спустя Бургдорф сообщил Хенрици, что Билер произвел неблагоприятное впечатление на Гитлера, что он будет освобожден немедленно и что новый командующий будет назначен непосредственно фюрером.

В Хенрици восстало чувство справедливости. Он сказал Кребсу и Бургдорфу, что либо смещение Билера будет отменено, либо он, Хенрици, подаст в отставку.

Кребс и Бургдорф, не желая выступать против Гитлера, уговаривали его в течение многих часов. Но в конце концов Хенрици победил. Говорят, что со дня своего первого столкновения с Гитлером, дня, когда он впервые был подвергнут физическому обыску, Хенрици сильно изменился. С поразительной ясностью он увидел истинную природу человека и режима, которому служил более десятилетия.

Днем 6 апреля, спустя девять дней после падения Гудериана, Хенрици стоял во дворе канцелярии, ожидая другого совещания у фюрера. Он был вызван, чтобы доложить Гитлеру о своих действиях на Одере.

До этого утра Хенрици был в состоянии рассчитывать на сравнительно сильные танковые дивизии, которые он собрал позади своего фронта. Теперь, днем, половина из них двигалась на юг к группе армий Шёрнера – переданные ей в соответствии с неожиданным приказом Гитлера, который был убежден, что главная сила русского нападения будет обращена к Праге.

В три часа Хенрици спускался по крутой лестнице к убежищу Гитлера. Узкие проходы были переполнены. Хенрици обыскали, затем ввели в зал заседаний. Это был квадрат три на три метра. Дёниц и Гиммлер вошли следом за ним, сопровождаемые Кейтелем, Йодлем, Герингом,

Кребсом и Бургдорфом. Появился Гитлер. Он окинул Хенрици быстрым, подозрительным взглядом.

Генерал начал свой доклад. Он описал меры, которые предпринял в течение прошлой недели, чтобы усилить свой фронт. И признал, что сомневается, удержится ли фронт на Одере под давлением готовящейся русской массовой атаки.

Рука Гитлера перебирала карты.

– Я всегда слышу цифры, – сказал он глухим, прерывистым голосом. Но внезапно он заговорил более твердо: – Но я не слышу ничего о внутренней силе войск. Все, что необходимо, – фанатичная вера. Наше движение показало... – Теперь он закричал: – Наше движение показало, что вера сдвигает горы. Если ваши солдаты будут полны фанатичной верой, то они выдержат, они выиграют это сражение, от которого зависит судьба Германии. Я отлично знаю, что силы Сталина также заканчиваются. Все, с чем он вынужден сражаться, – различный хлам. Но он внушает этим подлецам фанатичную волю. Одна вещь принимается в расчет сегодня: тот, кто имеет более сильную веру, переживет другого. И каждый солдат на Одере должен знать это и должен верить в это фанатично.

Хенрици понадобилось несколько минут после того, как этот крик прекратился, чтобы восстановить самообладание, затем он продолжил. Сказал, что личный опыт лишил его возможности соглашаться с оценкой Гитлером врага. Его фронт будет сопротивляться русским в течение нескольких дней, но, так как он не имеет никаких резервов, чтобы возместить свои потери, русские в конце концов прорвутся, и снова у него не будет никаких резервов, чтобы остановить прорывы. Каждый солдат на одерском фронте знал, против кого он сражался и против чего он действительно боролся. Но лучшая сила воли и самый жестокий фанатизм не шли ни в какое сравнение с огромными русскими войсками.

Гитлер пристально смотрел покрасневшими глазами. Прежде чем он произнес хоть слово, высказался Геринг.

– Мой фюрер, – сказал он напыщенным тоном, что было естественно для него, – я отдаю в ваше распоряжение сто тысяч солдат военно-воздушных сил. Они будут на одерском фронте в течение нескольких дней.

Старая конкуренция с Герингом заставила говорить Гиммлера и Дёница.

– Мой фюрер, – заявил Гиммлер, – СС посылает двадцать пять тысяч бойцов на одерский фронт.

– Мой фюрер, – добавил Дёниц, – флот имеет возможность послать еще двенадцать тысяч солдат на Одер. Они будут в пути в течение одного или двух дней.

Хенрици поразился внезапному появлению войск, о существовании которых не знала никакая центральная власть. Он спросил себя, было ли действительно возможно такое невежество в самых простых военных делах, какое продемонстрировали Геринг и Дёниц. Сотысячные военно-воздушные войска – пилоты, наземный персонал и стрелки-зенитчики, не обученные для наземной борьбы и никоим образом не оснащенные для этого, – что они могли сделать против противника, окрепшего за четыре года сражений?

Гитлер поднял взгляд и повернулся к Хенрици.

– Это – сто пятьдесят тысяч мужчин, – сказал он. – Это – двенадцать дивизий. Вы имеете резервы, о которых просили.

– В численности – да, – сказал Хенрици. – Но, к сожалению, они не дивизии, они – просто мужчины, без опыта наземных боев. Ни один из них никогда не оказывался перед русскими.

Геринг взволнованно вмешался.

– Мужчины, которых я даю, – воскликнул он, – главным образом летчики-истребители, мужчины из Монте-Кассино, осмелюсь сказать, достаточно известные. Они имеют опыт сражения, но, прежде всего, они имеют веру в победу!

Дёниц добавил, что то же самое относится и к морскому персоналу.

Хенрици чувствовал, что теряет власть над собой.

– Все это, без сомнения, верно, – сказал он. – Я не имею никакого намерения умалить доблесть военно-воздушных сил и военно-морского флота, только нет ничего общего между войной на море и в воздухе и войной на суше. Ни одно из этих войск никогда не было частью дивизии. Ни один из этих бойцов не знает танковую войну. Ни один из них не знает русскую артиллерию. Несколько дивизий с опытом сражения на востоке более ценны, чем эти массы неопытных мужчин. Они погибнут понапрасну.

Гитлер наклонил голову, казалось, на грани очередного взрыва ярости. Наконец он сказал:

– Тогда вы разместите эти резервы на вторичные позиции в восьми километрах позади фронта. Они будут вне удара заградительного огня артиллерии и со временем научатся сражаться. Если русские прорвутся, они остановят их. И танковые дивизии отбросят русских.

– Сегодня, – быстро ответил Хенрици, – я потерял половину танковых дивизий. Я прошу, чтобы они были срочно возвращены мне.

Но Гитлер не был склонен продолжать обсуждение.

– Я с большим трудом решился послать их на юг, – сказал он, – они более важны там, чем в вашем секторе.

Хенрици покраснел. Он указал на донесения разведки о сосредоточении все больших русских войск на одерском фронте. Генерал Кребс прервал его, чтобы выразить сомнения в правдивости этих донесений. И Гитлер его поддержал:

– Да, да, русские, вероятно, не стремятся к Берлину вообще. Вы не имеете никакого способа это узнать. На дальнем юге сосредоточено намного больше вражеских сил. – Его рука махнула по карте. – Все это дело на Одере – только маневр, чтобы отвлечь наши силы. Главное нападение направлено не на Берлин, а, вероятно, на

Дрезден и Прагу. Группа армий будет в состоянии позаботиться об Одере...

И Кребс присоединился:

– Возможность, на которую только что указал фюрер, конечно, не может быть исключена.

Хенрици уставился на Кребса в глубоком изумлении. Гитлер отпихнул карты в сторону. Ясно, он устал от разговора об одерском фронте и был утомлен столкновением с фактами. Позади Хенрици раздался шепот:

– Генерал, разве вы не думаете, что пришло время остановиться?

Возможно, Хенрици не знал, какую опасность он навлекал на себя, возможно, не заботился об этом, потому что продолжал.

– Мой фюрер, – сказал он, игнорируя хмурый, неодобрительный взгляд Кейтеля, – чтобы вы могли принять большие решения, вы должны иметь полную картину ситуации на Одере. Наши приготовления настолько полны, насколько это было возможно за короткое время. Все было сделано, чтобы усилить дух, мораль и веру войск. Но есть все еще многочисленные слабые места, о которых я сообщил. И самая главная проблема – отсутствие обученных резервов. Ситуация, в которой войска проходят через первый заградительный огонь, является одинаково критической. К сожалению, нехватка персонала в разведке пока лишила нас возможности узнать дату начала русской атаки. И если мы не узнаем эту дату, я не могу гарантировать, что нападение будет отражено. Моя обязанность – ясно дать понять это.

Гитлер больше не слушал.

– Тем более важно, – сказал он, – чтобы каждый командующий был переполнен верой – она вдохновит его солдат.

Голос Гитлера прозвучал предостерегающе. Но Хенрици игнорировал это.

– Моя обязанность повторить, – парировал он, – что одна вера не поможет!

Голос позади Хенрици прошептал снова:

– Разве вам не кажется, что пришло время остановиться?

На лице Кейтеля читалась угроза.

– Вы увидите, – сказал Гитлер, поднимаясь, – если мужчины будут сильны в своей вере, то это сражение приведет нас к победе. Все зависит от вашего собственного отношения.

Хенрици вышел на улицу с ощущением нереальности происходящего. Его лицо выглядело измученным, как будто усохло от безнадежности.

– Это все бесполезно! – сказал он помощнику, когда сел в свой автомобиль.

Три дня спустя армейское Верховное командование сообщило Хенрици, что обещанные резервы готовы. Но когда они были выстроены в линию в зоне приема, всего там оказалось не больше чем тридцать тысяч, большинство из них – сырые новички. Едва ли один из них прошел подготовку, или был одет в форму, или вооружен. Хенрици добыл лишь тысячу винтовок для них.

Начальник штаба Хенрици доложил Верховному командованию армии, что этих солдат нельзя использовать из-за отсутствия оружия. В ответ генерал Кребс послал телетайпное сообщение, приказывая, чтобы они были немедленно перемещены на позиции. Хенрици потерял терпение и ответил грубостью. На следующий день пришел приказ Гитлера, непосредственно повторяющий инструкции Верховного командования армии. Кребс добавил, что за неимением другого оружия солдаты должны быть вооружены базуками.

Хенрици спокойно принял эти приказы. Он не выполнил их. Он вооружил столько человек, сколько смог, пусть даже скудно, остальным дал инструменты, чтобы рыть укрепления, или оставил в лагерях. В глазах Гитлера и многих его фанатиков это действие являлось изменой. Но

генерал не мог пойти против совести. Возможно даже, что он был не в состоянии сделать этот или другой шаг, который задержит русский прорыв в течение получаса или часа. Но подготовить организованное убийство Хенрици не мог.

Вместо этого Хенрици обратил свой ум к встрече теперь неизбежного русского прорыва. Так же, как сделали другие командующие, он обратился к окружным руководителям с требованием, чтобы они эвакуировали, по крайней мере, области, находящиеся непосредственно позади линий фронта. Окружные руководители отказались. Некоторые из них с бесспорным правом утверждали, что они не знают, куда послать сотни тысяч людей в тот момент, когда британские и американские войска продвигались все более быстро в Западную и Центральную Германию. Они утверждали, что испытывают недостаток в транспортных средствах, – и действительно, сотни, если не тысячи железнодорожных вагонов сгорали каждый день в результате воздушных налетов с запада. Однако они, возможно, не были решающими причинами. Возможно, превалировал страх вызвать недовольство у Гитлера.

Хенрици решил, что в случае русского прорыва между Франкфуртом и Кюстрином он отступит с обеими армиями под его командованием, пройдет к югу от Берлина, который не был под его властью, и попытается установить фронт к северо-западу от столицы, в области Мекленбурга.

Сам Берлин непосредственно подчинялся приказам Верховного командования армии. Он был объявлен цитаделью. Хенрици не нужно было знать больше, чтобы предсказать, что, если русские армии достигнут города, его будут защищать до полного разрушения. Но что если город случайно поместить под его командование? Хенрици провел ночи, обдумывая эту возможность. Те миллионы гражданских жителей в Берлине – он должен избавить их от ужасных страданий уличных боев и позволить населению попасть в руки победителей. Или он должен попробовать сделать стоянку в столице с

недостаточными войсками и через несколько недель все равно бросить? Хенрици решил, что, если ему дадут командовать Берлином, он не будет сражаться за город.

11 апреля Хенрици получил приказ, с которым Гитлер обратился ко всем командующим и всем окружным руководителям. В приказе под кодовым названием «Выжженная земля» говорилось, что все предприятия коммунального обслуживания и жизненные сооружения везде, где они могут попасть во вражеские руки, должны быть разрушены независимо от потребностей гражданского населения.

Без колебания Хенрици запретил передавать этот приказ командующим в его секторе. Но поскольку приказ «Выжженная земля» содержал специальные условия для Берлина – включая, например, разрушение многочисленных мостов города, – Хенрици попросил генерала Реймана, командующего берлинским гарнизоном, о совещании. Рейман ответил, что он зайдет в штаб Хенрици 15 апреля.

15 апреля был напряженный день. С фронта генерал Буссе докладывал, что перестрелки, происходившие все время вдоль Одера, указывали, что русское главное наступление неизбежно. Газеты взревели новостями о смерти Рузвельта, и ходили слухи о полном изменении в отношении западных держав. И наконец, как раз перед прибытием Реймана, частный автомобиль остановился перед штабом Хенрици, и водитель, одетый в простое длинное непромокаемое пальто и в мягкой шляпе, опущенной на лицо, поспешил внутрь.

Странным посетителем Хенрици был Альберт Шпеер, министр вооружений. После нескольких осторожных замечаний Шпеер признался, что совесть заставила его посетить всех заслуживающих доверия людей во власти, которых он мог достигнуть, и умолять их не выполнять приказ «Выжженная земля». Хотя он долго был сторонником Гитлера, но пришел к пониманию, что, если Гитлер погибнет, восемьдесят миллионов немцев не должны погибнуть с ним, что было бы безумием.

Хенрици, успокоенный посещением Шпеера, обещал с удовольствием сделать все, что было в пределах его власти. Сразу за этим прибыл генерал Рейман.

В присутствии Шпеера Хенрици сообщил Рейману, что он обойдет Берлин, чтобы избежать безнадежных уличных боев со всеми ужасными последствиями для населения. Он предостерег Реймана, чтобы тот не рассчитывал на войска для защиты Берлина. Наконец он заявил, что в Берлине более, чем в другом месте, разрушение мостов и предприятий коммунального обслуживания будет явным безумием и что он, Хенрици, запретит это, если Берлин окажется под его командованием.

Рейман, который казался напуганным безнадежной задачей обороны Берлина, беспомощно уставился на Хенрици. Он сказал, что Гитлер сам приказал уничтожать мосты Берлина, – приказ связывал, он просто не мог игнорировать его. Шпеер разъяренно возражал, что эффект от разрушения мостов будет сам по себе достаточен, чтобы разрушить Берлин: газ, вода и электрические провода были установлены под теми мостами, и их уничтожение будет означать голод, жажду и эпидемии.

Рейман смотрел то на одного, то на другого в очевидном отчаянии. Но ответил, что до сих пор держал честь немецкого офицера незапятнанной. Если же он не выполнит приказы Гитлера, его повесят с позором, как других офицеров, которые были не в состоянии разрушить мост в Ремагене, по которому первые американские войска пересекли Рейн.

Рейман возвратился в Берлин. Шпеер оставил штаб Хенрици не намного позже. Но прежде чем уехать, он сказал Хенрици, что он, стоящий на краю внутреннего круга Гитлера, узнал о немецких усилиях на сепаратных переговорах с западными державами.

Для внутреннего круга Гитлера, состоящего из Геббельса и его секретаря Наумана, Геринга, время от времени Гимmlера и, наконец, человека по связям, которому доверяют, Хевеля, таинственные конференции

продолжались. Каждое слово союзнических дипломатов, каждая строка в союзнической прессе, которая, казалось, указывала на малейшую напряженность между Россией и западными державами, была взвешена и обсуждена с необычайной живостью.

Странные беседы проводились в присутствии Гитлера. Дискуссии велись вокруг проблемы в осторожных, скрытых фразах. Науман пробовал положить перед Гитлером доклады, в которых говорилось правда об отчаянной военной ситуации. Осторожно указывая пассажи из «Моей борьбы», он пробовал повернуть ум Гитлера к мыслям об обязанности лидера уйти в отставку или закончить войну, которая не могла быть выиграна силой оружия.

Под влиянием Наумана Геббельс рискнул зайти далеко на опасную территорию. Он поднял – только как простой теоретический вопрос! – проблему того, что западные державы, вероятно, потребовали бы как цену за сепаратный мир. Он рассматривал возможность, что такие требования могли бы, очевидно, включать отмену тоталитарной формы правления, или свободные выборы, или признание партии меньшинства. Однажды Геббельс даже смел упомянуть в шутку, что отставка всего национал-социалистического руководства могла бы быть объявлена условием для мира, чтобы только добавить с подлинным осуждением, что это условие не будет причиной отвергнуть сепаратный мир, потому что немецкая нация, вне сомнения, вспомнила бы то же самое руководство несколько лет спустя.

Но все такие разговоры прекращались, когда Гитлер выказывал малейший признак неудовольствия – особенно тогда, когда его тезисы достигали пункта, где он не будет кланяться ни западу, ни востоку. Были моменты, когда он признавал, что решение невоенными средствами должно быть отыскано. Но мгновение спустя он утверждал, что сначала должен выиграть победу, чтобы заложить основание для переговоров. И решение проблемы вновь затягивалось.

В начале апреля Гитлер узнал, что немецкие власти в Северной Италии предпринимали секретные усилия начать мирные переговоры с западными державами. Гитлер приказал генералу СС Вольфу, руководителю СС и полицейских войск в Северной Италии, прибыть в Берлин и сказал ему:

– Нет необходимости бросать оборону теперь. Все, что мы должны сделать, – держаться. На востоке мы можем сдерживать русских в течение еще двух месяцев. Через эти два месяца должен произойти разрыв между русскими и англо-американцами. Я вступлю в союз с любой стороной, которая выйдет на меня первой.

Глава 7

Сражение за Берлин

Незадолго до рассвета 16 апреля двадцать две тысячи русских полевых орудий начали изливать потоки огня на одерский фронт. Деревни, фермы и дома одерской долины обратились в пламя. Их дым затемнял восходящее солнце. Даже вне дальности русского оружия воздух встряхивало от взрывов. Вырванные из вводящей в заблуждение тишины прошедших недель, население и беженцы потянулись к дорогам, сопровождаемые грохотом артиллерии позади них и ревом самолетов над ними.

Хенрици и маленький штаб придвинулись поближе к фронту. 9-я армия отважно сопротивлялась в центре русского нападения. Она помешала нескольким русским попыткам пересечь реку. Но рядом с Кюстрином советские войска пробивали путь через одерские низины и продвинулись почти к гребню высот за ними.

Между рекой Нейссе и чешской границей на юге другая русская атака удалась в то же самое время. Русское нападение разорвало слабый фронт 4-й армии. Русские 2-я и 4-я танковые армии, недавно снабженные несколькими тысячами тяжелых танков, двигались вперед, сопровождаемые несколькими армиями пехоты и поддерживаемые роями самолетов. Прорыв расширялся с захватывающей скоростью. Моторизованная Красная армия выдвинулась в западном и северо-западном направлениях.

Надежды, которые смерть Рузвельта воскресила в Берлине, были все еще живы в канцелярии. 16 апреля Гитлер и Геббельс составили следующий приказ дня:

«Солдаты германского фронта на востоке!

Орды нашего иудейско-большевистского противника сплотились для последнего нападения. Они хотят разрушить Германию и уничтожить наш народ. Вы, солдаты, сражающиеся на востоке, видели собственными глазами, какая судьба ждет немецких

женщин и детей; старики, мужчины, младенцы убиты, немецкие женщины и девушки превращены в барачных шлюх. Остальные отправлены в Сибирь.

Мы ждали этого нападения. С января были предприняты все шаги, чтобы сформировать сильный Восточный фронт. Колоссальные силы артиллерии приветствуют врага. Бесчисленные новые части заменяют наши потери. Войска каждого вида держат наш фронт.

Еще раз большевизм ждет старая судьба Азии – он рухнет в столице германского рейха.

Тот, кто в этот момент не выполняет свои обязанности, – предатель германской нации. Полки или дивизии, которые оставляют свои посты, действуют настолько позорно, что они должны опустить голову в позоре перед женщинами и детьми, которые здесь, в наших городах, выдерживают ужасную бомбежку.

Вы особенно предупреждены против немногих немецких офицеров и мужчин, которые предательски борются против нас, чтобы спасти их собственные маленькие жизни, им платит Россия, и они, возможно, все еще носят немецкую форму. Любой, кто приказывает вам отступить, если вы не знаете его хорошо, должен быть арестован на месте и, если потребуется, разжалован – независимо от его звания.

Если в течение этих следующих дней и недель каждый солдат на востоке будет выполнять свои обязанности, то заключительное нападение Азии сведется к нулю – так же как вторжение наших западных врагов в конце концов потерпит неудачу.

Берлин остается немецким. Вена будет немецкой снова. И Европа никогда не будет русской!

Вставайте на защиту ваших домов, ваших женщин, ваших детей – вставайте на защиту вашего собственного будущего!

В этот час глаза германской нации обращены к вам, мои бойцы на востоке, в надежде, что ваша стойкость, ваша страсть и ваше оружие обратят большевистское нападение в море крови!

Этот момент, который удалил с лица земли самого большого военного преступника всех веков, совершит поворот в судьбе войны!

Адольф Гитлер».

18 апреля русские атаковали западнее Кюстрина, меньше чем в 30 километрах восточнее Берлина, сломали немецкое сопротивление. Северный фланг 9-й армии был отброшен назад. Предсказания Хенрици сбылись. В то же самое время стало ясно, что предсказание Гитлера о советском нападении на Прагу было ошибочным. Большая часть русских войск, которые проникли в немецкую 4-ю армию на реке Нейссе, двигалась на северо-запад на Берлин и угрожала тылу 9-й армии. 19 апреля первые русские танки появились к югу от Берлина.

Генерал Хенрици понял, что 9-я армия должна быть отведена от Одера без задержки и переброшена на север от Берлина. В противном случае она будет окружена и уничтожена.

Хенрици позвонил генералу Кребсу. Но Гитлер только что отдал приказ, что 9-я армия не только должна стоять на Одере, но и напасть в южном направлении и закрыть промежуток, прорванный русским наступлением на Нейссе. Группа армий Шёрнера должна была напасть одновременно с юга и закрыть германский фронт.

Кребс отклонил предложения Хенрици и вместо этого передал приказ Гитлера. Он добавил, что Шёрнер уже обещал атаковать немедленно и чувствовал себя уверенным относительно быстрого успеха – Хенрици мог бы взять его как пример.

Но Хенрици знал Шёрнера слишком хорошо. Он попробовал установить радиосвязь со штабом Шёрнера, но был не в состоянии сделать это. Он послал курьера. И

затем узнал, что 4-я танковая армия Шёрнера понесла такие потери, что нападение на север было совершенно невозможно.

Единственное спасение 9-й армии тогда было в немедленном отступлении. Начиная со своих недавних связей с Берлином, Хенрици столкнулся с необходимостью неповиновения. Проблема перестала быть ужасной. Он решил бросить вызов приказам Верховного командования армии и Гитлера и отвести 9-ю армию. К северу от Берлина он надеялся вновь установить контакт со своей 3-й танковой армией и восстановить линию фронта между реками Эльбой и Одером. Хенрици позвонил генералу Буссе, командующему 9-й армией.

Но Буссе объявил себя связанным приказом Гитлера остаться на Одере. Хенрици позвонил Кребсу еще раз. Он горько жаловался на попытку обмануть его, утверждая, что Шёрнер начал атаку с юга. Кребс похолодел, затем оскорбился и прервал все дальнейшее обсуждение:

– Фюрер приказал, чтобы 9-я армия сражалась там, где находится. Фюрер зависит от 9-й армии.

Донесения, поступавшие в штаб Хенрици, указали, что кольцо вокруг 9-й армии смыкалось, возможно, окружение было уже закончено; не было никакой уверенности. Танки Конева и моторизованная пехота, казалось, собирались блокировать проходы через цепь озер к югу от Берлина.

Хенрици, на свою ответственность, послал своего начальника штаба в штаб Буссе с приказами немедленно отвести 9-ю армию. Но теперь время для отвода прошло. Войска, ведущие тяжелые бои, не могли быть перегруппированы с необходимой скоростью. Буссе утверждал, что в перегруппировке он рискует вызвать панику и крах – и, без сомнения, был прав. Но он забыл, что его войска так или иначе находились под угрозой уничтожения и что риски, включавшие перегруппировку, были едва ли больше, чем таковые от простоев. Как бы там ни было, 21 апреля 9-я армия была окружена.

С 9-й армией были десятки тысяч беженцев из Берлина и других мест. Их число увеличивалось за счет населения из новой зоны сражения. Пищи и воды было достаточно для всех. Но боеприпасы у армии скоро истощились, поставки бензина были почти исчерпаны. Однако кровавая последняя стоянка 9-й армии должна была продлиться до первых дней мая.

Гитлер с жестоким упорством цеплялся за восстановление фронта на реке Одере. Даже 20 апреля, когда прорыв войск Жукова больше не мог быть сохранен в тайне, Гитлер повторил свои приказы удерживать Одер. Йодль и Кребс передавали приказы рушащемуся фронту.

20 апреля был пятьдесят шестой день рождения Гитлера. В то время как отдаленный грохот советской артиллерии можно было слышать в Берлине, в то время как донесение за донесением о поражениях приходили в штаб-квартиру фюрера, в то время как русские и американские головные части подтягивались все ближе друг к другу в Центральной Германии, окружение Гитлера собралось в канцелярии, чтобы продолжить поздравления.

Это было унылое празднование. Впервые Кребс, Йодль и Кейтель признали в скрытых словах, что Берлин скоро будет окружен. Все они – включая Гимmlера, Бормана, Бургдорфа, Дёница и Геринга – убеждали Гитлера покинуть Берлин прежде, чем наступит крах, переместиться на юг Германии и продолжить борьбу из безопасных баварских гор, пока не произойдет разрыв между Россией и западными державами.

Гитлер отказался. Он был убежден, что одерский фронт сомкнется снова, если он останется в Берлине и будет излучать свою волю.

Он согласился, однако, издавать определенные приказы на случай, если Берлин подвергнется опасности. Эти приказы предполагали, что в случае, если Германия будет разрезана на две части вражескими силами, Дёниц должен стать Верховным командующим северной частью.

Гитлер разрешил удалить из Берлина различные министерства. Гиммлер и Риббентроп должны были отправиться на север, где продолжить свои попытки вести переговоры с западными державами через Стокгольм. Геринг получил разрешение поехать в Баварию, оставив своего офицера по связи, генерала Христиана. Только собственный военный штаб командования Гитлера, включая Йодля, Кейтеля и Кребса, должен был остаться в Берлине.

Когда вечеринка по случаю дня рождения закончилась и все разошлись, вечернее небо над Берлином было красным от огней, горящих на востоке. В подземном убежище уже забыли о праздновании. Мыслями Гитлер вернулся на Одер. Кребс и Йодль сделали свои осторожные доклады. Они заявили, что 9-я армия и 3-я танковая армия удерживали одерский фронт, хотя войска Жукова предприняли некоторые наступления к северу от Берлина. И среди других деталей они сообщили, что на южном фланге 3-й танковой армии новая оперативная группа собиралась под командованием генерала СС Штейнера, чтобы предотвратить окружение.

Гитлер внезапно поднял глаза. Имя Штейнера вызвало бурную реакцию.

Рука Гитлера понеслась по карте. Он взволнованно воскликнул, что командующие и войска на Одере потеряли реальный дух борьбы, если планировали использовать тактическую группу Штейнера для простого защитного действия – это было только другим выражением вечного духа отступления и слабости. Он приказал, чтобы Штейнер направил свою оперативную группу для нападения в течение двадцати четырех часов и остановил наступление Жукова к северу от Берлина. И северный фланг 9-й армии должен был закрыть германский фронт.

Лицо Гитлера расцвело. Его глаза искрились. И ни Кребс, ни Йодль не упомянули, что оперативная группа Штейнера пока что не существовала нигде, кроме как на бумаге.

Вокруг канцелярии Берлин лежал под тенью нависшей гибели.

19 апреля первая танковая тревога завывала на улицах. Три с половиной миллиона людей уползли в подвалы, бомбоубежища и туннели подземки. Улицы, железные дороги заполнились толпами людей, пытающихся пробиться из города, в котором звучала сирена.

19 апреля, в канун дня рождения Гитлера, Геббельс выступил со своей последней пропагандистской речью по берлинскому радио. Два дня спустя охваченные паникой беженцы прибыли в город с востока. Теперь ничто не стояло между Берлином и армиями маршала Жукова, кроме сильно потрепанного LVII танкового корпуса. В этот день самообладание Геббельса оставило его в первый раз.

В то время как сирены тревожно кричали, Геббельс и его помощники собрались на обычное совещание в одиннадцать часов. Окна были завешены, свечи освещали комнату, так как не было электричества.

Геббельс вошел с опозданием. Его обычно румяное лицо было болезненно бледным. Он начал говорить даже прежде, чем занял свое место. Он говорил быстро и как будто обращался к большой аудитории. Впервые он признал, что конец наступил. Но его речь была одним оправданием Гитлера и обвинением остальной части мира. Слово «измена» витало в воздухе и отражалось эхом от стен.

– Немецкие люди, – кричал он, – немецкие люди! Что можно сделать с мужчинами, которые даже не борются, когда их женщины изнасилованы! Все планы, все идеи национал-социализма слишком высоки, слишком благородны для таких людей. На востоке они убегают, как кролики, на западе препятствуют солдатам сражаться и приветствуют врага с белыми флагами. Они заслуживают судьбы, которая теперь нисходит на них! Но, – продолжал он, – не стройте, господа, никаких иллюзий. Ни один из вас не согласился со мной. Люди дали нам свой мандат. И

вы – почему вы работали со мной? Теперь вам перережут горло!

Он ушел, выкрикивая эти слова. В двери повернулся еще раз и крикнул:

– Но когда мы ступаем – дрожит вся земля!

22 апреля Гитлер вышел на трехчасовое совещание в состоянии едва подавленного волнения. В тот день на совещании присутствовали генералы Борман, Бургдорф, Кейтель, Йодль и Кребс, Хевель, военный адъютант и стенографистки.

Йодль с привычным навыком, которому он научился при общении с Гитлером, открыл совещание, сообщив о некоторых местных наступлениях в Саксонии, Италии и на верхнем Одере. Йодль продолжал, сказав, что к югу от Берлина русские передовые отряды приблизились; на севере они уже достигли внешних оборонительных укреплений города. Он добавил, что оперативная группа Штейнера еще не была в состоянии атаковать.

Гитлер заметил нотку сомнения в речи Йодля.

– Сократите детали! – внезапно вспыхнул он. – Уберите тривиальные вещи! Я хочу знать, где находится Штейнер!

И Гитлер узнал правду.

Стояла тишина. Гитлер переводил взгляд с Йодля на Кейтеля и на Кребса. Его лицо стало красным. Хриплым голосом он попросил оставить его наедине с генералами.

Помощники, адъютанты, стенографистки выходили друг за другом в узкие проходы и ждали. И внезапно они услышали голос Гитлера с бесконтрольным скулящим оттенком, который заставил мужчин побледнеть, а женщин задрожать.

Они не могли разобрать слова. Только пять человек поняли их. Он кричал, что не осталось ни одного офицера, который не был бы предателем, что никто не понял его цели, что все они были мелкими, слишком низкими, что не было ничего вокруг него, кроме измены и трусости, достигшей теперь высшей точки в измене Штейнера.

Так же внезапно, как вспыхнул, шторм прекратился. Гитлер опустился на стул. Его лицо стало пепельным, тело тряслось в беспомощных судорогах.

Генералы стояли молча. Наконец Гитлер поднял голову и заговорил снова. Он сказал надломленным голосом, что все кончилось, война проиграна, национал-социализм повержен. Нет никакого смысла уходить на юг в безопасность. Он остается в Берлине и встретит смерть. Он закончит свою жизнь.

Гитлер только что сказал истину, за простое упоминание которой бесчисленные немцы – мужчины и женщины, солдаты и гражданские жители – были повешены от его имени. Он признал те факты, за понимание которых многие из ведущих генералов и дипломатов боролись с ним. Казалось, что наконец настал момент убедить его подумать о последствиях, уйти в отставку и открыть путь для мирных инициатив.

Однако пять генералов, один за другим, пытались убедить и успокоить его. Они уверяли его, что не все потеряно, что он, кто так неустрашимо верил в победу, не должен теперь, в решительный час, терять свою веру. Они убеждали его оставить Берлин, пока еще было время, телефонировали Гиммлеру, Дёницу и Риббентропу, и те вскоре также попросили Гитлера оставить Берлин, продолжить борьбу из Южной Германии.

Но Гитлер вялым голосом повторил, что не оставит город. Он приказал, чтобы население было информировано о его присутствии в Берлине (начиная с его прибытия в январе это сохранялось в тайне). Он передал Геббельсу и его семье, чтобы те прибыли в убежище канцелярии. Внесли документы, и с дергающейся головой и дрожащими пальцами он стал отбирать документы, которые подлежали уничтожению.

Геббельс и его жена вскоре прибыли. Его лицо было бледно, глаза без блеска. Он объявил, что в случае поражения он и его жена покончат жизнь на руинах Берлина. Гитлер слушал в тишине, затем отпустил их. Он вызвал Йодля и Кейтеля и приказал им оставить город

этой ночью самолетом, чтобы воссоздавать Верховное командование армии на юге Германии и завершить операции оттуда. Он, Гитлер, не имеет больше приказов. Оба запротестовали. Но Гитлер не колебался.

– Я решил остаться здесь, – сказал он. – Я никогда еще не менял принятого решения.

Именно в этот момент Геббельс возвратился в зал заседаний Гитлера. Он только что говорил с Хевелем и узнал, что Риббентроп несколькими часами ранее послал обнадеживающие новости о готовности западных держав вступить в мирные переговоры. Риббентроп умолял, чтобы Берлин продержался лишь чуть дольше.

Быстрое воображение Геббельса начало ткать новую ткань политических и военных возможностей. Он заговорил с Гитлером. И где холодная, резонная манера Йодля и пустой разговор Кейтеля потерпели неудачу, Геббельс преуспел.

Гитлер попросил карты. Позвали Хевеля, чтобы он повторил донесение Риббентропа. Кребс вдохновенно объявил, что западные военно-воздушные силы внезапно остановили свои операции и что американцы не препятствовали отходу немецких войск из их секторов.

Они говорили в течение двух часов. Гитлер включился в обсуждение. Его голос зазвучал по-другому. Он перетасовал карты. Войска, о состоянии которых он ничего не знал, снова замаршировали в его голове.

Когда около половины восьмого вечера Хевель появился из зала заседаний, он мог сказать тем, кто ждал в проходах, что Гитлер превозмог свой великий кризис, что он решил бороться с русскими до тех пор, пока переговоры Риббентропа с западными державами не принесут плоды. Геббельс, появившийся полчаса спустя в большом волнении и с пылающими глазами, поведал об огромных политических возможностях, которые внезапно открылись. Он объявил, что Кейтель и Йодль лично будут вести операции вне Берлина и снимать осаду. И приказал мобилизовать все ресурсы столицы, каждого мужчину,

каждую женщину и каждого последнего члена гитлерюгенда, чтобы выступить против русских и удержать город в течение еще нескольких часов или, самое большее, дней, пока придет помощь.

В течение часа приказы и инструкции роились из офисов имперского комиссара обороны Берлина, который только что подготовился оставить город. Печатные машины заработали снова, издавая листовки и прокламации, которые призывали людей Берлина к оружию и обещали, что через день или два наступит большой поворотный момент и принесет спасение Берлину и Германии. Ужасная фикция «последнего часа», рожденная днем 22 апреля, была помещена на бумагу, которая будет отослана в парализованный город. Обманом, угрозой или силой отчаянные массы нужно было вести в заключительное сражение – кровавое, невыразимо жестокое сражение за Берлин.

В то время как пресса жужжала в течение ночи 22—23 апреля, миллионы людей в подвалах, убежищах и в подzemке перенесли агонию страха и неуверенности.

Утром 23 апреля войска, которые сражались на восточных, северных и южных оборонительных укреплениях Берлина, отошли в предместья, преследуемые русскими. Они старались выиграть время в предместьях, сомневаясь, будет ли город миллионов действительно брошен в ад сражения. Отставшие, раненые, оружейные команды без оружия толпились на улицах или разыскивали убежище среди руин и в подвалах. Многие из них присоединились к потокам беженцев, которые пробовали сбежать из города на запад, – приливная волна грузовиков, кессонов, полевых кухонь, санитарных машин, ручных тележек, колясок и велосипедов, серых, мягких, опустошенных масс, смущенных солдат в любой униформе или частично в гражданской одежде и отчаянных женщин, сжимающих своих хныкающих детей. Многие из тех, кто в лабиринте руин был не в состоянии найти путь к большому западному шоссе, затаились в подвалах, руинах, убежищах и подzemке.

До сих пор берлинцы видели только чистых, отполированных солдат на параде. Но теперь они увидели правду – грязные, утомленные, опустошенные группы, смесь летчиков, танкистов, бойцов Трудового фронта. Они увидели транспортные средства, оставленные на улицах, потому что закончилось топливо или пали лошади. Они увидели слабое отражение катастрофы на востоке. Они начали понимать, что эта армия, измученная и переутомленная, не могла удержать одерский фронт и что все газеты, все радиообъявления вралы. И люди в Берлине начали хоронить свои последние надежды.

Новые толпы гражданских жителей оставляли город. Они набились в подземку и наземные станции, надеясь проехать, по крайней мере, небольшой путь на одном из немногих поездов – и это в то время, когда русские снаряды уже рвались в городе и низколетящие русские самолеты сеяли осколочные бомбы и пулеметные пули.

В этот бедлам ударило наводнение прокламаций, призывов к оружию и приказов о безжалостной защите Берлина до последнего. В ранние утренние часы 23 апреля генерал Рейман был освобожден с поста командующего берлинским гарнизоном, и его место занял подполковник Бэрэнфенгер. Бэрэнфенгеру было двадцать семь лет, он неоднократно награждался за доблесть, и только потому, что был на фронте с начала войны, почти ничего не знал о реальной ситуации или о Гитлере. В течение нескольких дней его сделали генерал-майором, и он стал одной из фишек, которыми Гитлер и Геббельс разыгрывали заключительную азартную игру.

Разделение Берлина на зоны обороны было объявлено в полдень. Наиболее удаленная зона включала так называемое Берлинское кольцо, пояс предместий. Его окружность простиралась более чем на 104 километра. Следующая линия обороны, приблизительно 80 километров в длину, шла вокруг внешнего края города. Третья линия обороны следовала за линиями, формирующими петлю вокруг центра города.

По этим линиям население строило земляные укрепления так же, как оно делало это в Восточной Пруссии и в других местах с одинаково неподходящими инструментами и неадекватными планами. Но решающим фактом и здесь было то, что доступные войска были слишком немногочисленными, чтобы защитить эти линии. Берлинское кольцо требовало, возможно, десять дивизий, край города – восемь. Но все войска, которые были в распоряжении Берлина, насчитывали два батальона пехоты, несколько инженерных частей регулярной армии и тридцать батальонов народной армии, испытывавших недостаток в оружии.

Из СС и офисов службы безопасности, из полицейских школ и милицейских барачков, из СА и политических клубов рекрутировались команды, чтобы блокировать подходы к городу, куда вступали отступающие войска. С этими командами прибыли быстро составленные «военные суды» – и они не знали милосердия.

Вокруг центра города был поставлен кордон, сквозь который никто не мог пройти ни в одном направлении без специального пропуска. Это была зона обороны генерала СС Монке и нескольких тысяч эсэсовцев.

На всем протяжении города эти сводные команды подбирали каждого попавшегося на пути здорового человека или солдата, раненого или больного и бросали его в какую-либо чрезвычайку. Несколько поездов с оружием и боеприпасами оказались оставленными на различных железнодорожных станциях города – теперь их содержимое было распределено, и новые «части» были посланы во внешние районы обороны. Никто не знал, был ли фронт и где он, но где-нибудь, без сомнения, эти группы встретят врага. Группка солдат в центре города была остановлена теми же методами, которые использовались в Данциге, Кенигсберге и других бесчисленных городах. Преступники свисали с фонарных столбов Берлина с торопливо, небрежно написанными табличками, прикрепленными к их одежде: «Я вишу здесь, потому что не верил фюреру!», «Я – дезертир!», «Все предатели умирают, как я!».

Последние отбросы из военных барачков внезапно появились на улицах – больные или выздоравливающие мужчины и нетренированные мальчишки шестнадцати или семнадцати лет. Они приходили в Берлин с запада, чтобы создать впечатление, что подкрепление прибывало извне.

Гитлерюгенд Берлина был призван к оружию. Мальчишков пятнадцати или даже двенадцати лет спешно обучили пользоваться винтовкой, автоматом или базукой и выбросили в предместье. Их изможденные лица почти исчезли под большими стальными касками.

Когда наступила ночь 23 апреля, Берлин изменился еще раз. У миллионов людей появилась новая надежда. И советские передовые части, которые со всех сторон нащупывали путь на улицах города, заметили это изменение.

Кейтель и Йодль, сопровождаемые минимальным персоналом Верховного командования вооруженных сил, оставили Берлин вечером 22 апреля и расквартировались в нескольких километрах к северу от Потсдама. Отсюда они были должны снять осаду Берлина; а войсками, которые им предстояло наполнить духом фанатизма, была группа армий Хенрици «Висла» с 9-й армией, боровшейся за выживание, группа армий Шёрнера, который был отрезан от Берлина без всякой надежды, и часть новой 12-й армии.

Формирование этой 12-й армии было начато в начале апреля. Гитлер хотел поместить специальные войска в сектор реки Нижней Эльбы и наделил их единственной задачей сопротивляться западным войскам, продвигающимся там. Армия должна была рекрутироваться из числа последнего персонала высокого калибра – кадетов офицерских школ Центральной Германии и младших членов организации Трудового фронта. Командование было поручено бывшему адъютанту Гудериана, молодому и чрезвычайно способному генералу Венку, который только что окреп после травм, полученных в автомобильной катастрофе в феврале. 12-я армия должна была иметь одну танковую дивизию, одну бронетанковую пехотную дивизию и пять

регулярных пехотных дивизий. Прежде чем был рекрутирован первый солдат новой армии, Гитлер приказал, чтобы Венк прорвался через американские линии и освободил группу армий Моделя, которую американские войска заперли в Рурском бассейне в нескольких сотнях километров. Но к тому времени, когда Венк собрал первую из своих дивизий, группа армий Моделя сдалась.

22 апреля 12-я армия стояла по фронту длиной приблизительно 160 километров, начиная к югу от Магдебурга на реке Эльбе и убегая на север, проходя в 80 километрах к западу от Берлина. 12-я армия постоянно сталкивалась лицом к лицу с американскими войсками по левому берегу Эльбы, а к востоку от реки появилось даже американское предместное укрепление. Силы Венка теперь состояли из XLI танкового корпуса, известного по его командующему как корпус Хольсте, стоящего к северу и к западу от Берлина, и XX армейского корпуса под командованием генерала Кёлера к западу и к юго-западу от столицы. Обе части страдали от серьезных лишений во всем.

Сначала Венк изучил задачу, стоящую перед ним. Он мог, конечно, продолжать оказывать сопротивление вдоль Западного фронта. Но неизмеримо более важным для него казалось удержать фронт с востока и защитить гражданских жителей и раненых солдат в этом районе от русского продвижения. Он знал, что его войска были достаточно сильны, чтобы защитить население в его секторе. Если бы американцы к западу от Эльбы позволили ему, он мог бы обеспечить защиту движущихся на запад гражданских жителей, убегающих через реку. Но он должен был максимально экономить свои силы.

Венк начал фактически поворачивать свой фронт с запада на восток. Его самые сильные части были отведены с Эльбы. Только несколько небольших частей остались, чтобы скрыть от американцев этот отход. Он выделил многочисленные специальные команды, которые заботились о беженцах, располагающихся лагерями на открытом пространстве его сектора. Он трудился день и

ночь, чтобы обеспечить пищу для беженцев с армейских складов и с многочисленных снабженческих барж, оказавшихся в обширной канальной системе. Он отдал команду не повиноваться приказу Гитлера «Выжженная земля» и разместил охрану на всех жизненных сооружениях, чтобы предотвратить их разрушение «политическими» группами, находившимися вне его власти. Наконец он приказал, что никто из его командиров не должен был останавливаться в городе, если движения его войск не делали это необходимым.

Поздно вечером 22 апреля Кейтель прибыл к Венку и приказал немедленно снять осаду Берлина. Немногими часами ранее Кейтель вдыхал иллюзорную атмосферу убежища Гитлера. Теперь он начал рисовать для Венка новый фантастический план, который был задуман тем же утром в перегретом зале заседаний в штаб-квартире фюрера.

Венк слушал молча. Он был слишком знаком с миром Гитлера и слишком интеллектуален, чтобы пытаться противоречить Кейтелю. Он слушал и сравнивал планы Кейтеля с тем, чего можно было действительно достичь.

Венк знал, что попытка снять осаду Берлина была безумием. Его слабые дивизии, без танков и без артиллерии, не имели шансов на успех.

Но Венк получил из радиодонесений довольно ясное впечатление об отчаянно тяжелом положении 9-й армии и гражданских жителей при ней к югу от Берлина. И действительно, ему казалось возможным двигаться в восточном направлении к области Ютерборга, в 64 километрах к югу от Берлина, и открыть для 9-й армии спасение на запад. Он был достаточно силен, чтобы сделать это, не истощая свои войска до смерти и не бросая беспомощные массы гражданских жителей, которые оказались теперь под его защитой. Казалось, что имело смысл движение в общем направлении к Берлину, хотя с более ограниченной целью.

Когда Кейтель в три часа утром 23 апреля оставил командный пункт Венка, он взял с него обещание, что 12-я

армия продолжит как можно быстрее перемещать свои дивизии, пригодные для сражения, в восточном направлении и затем начнет атаку. Кейтель говорил об освобождении Берлина и фюрера. Венк, который знал пределы возможностей своих войск, говорил об атаке в направлении Берлина.

Безусловно, Венк решил бороться всеми силами, доступными для выполнения задачи, и призвать к каждой частице духа и энтузиазма, на который его молодые войска были еще способны. Он не отказался бы от своей удачи, если бы, против всей вероятности, был в состоянии достигнуть Берлина, если бы не должен был бросить из-за этого на произвол судьбы огромные толпы гражданских жителей, находившихся теперь под его защитой.

В ранние часы 24 апреля Гиммлер, с отечным бледным лицом, разговаривал с графом Бернадотом из Швеции в бомбоубежище шведского консульства в Любеке на Балтийском море.

Несколько помощников Гиммлера убеждали его в течение многих месяцев сделать попытку переговоров с Западом. Один из них, генерал СС Шелленберг, руководитель иностранного информационного отдела Главного управления безопасности Гиммлера, говорил с графом Бернадотом, делегатом шведского Красного Креста, который занимался в Любеке репатриацией норвежских и датских интернированных в немецких концентрационных лагерях. Хотя граф Бернадот признавал, что вероятность успеха мала, он не отказывался действовать как посредник.

23 апреля Гиммлер узнал о крахе Гитлера. Эти новости наконец побудили его начать обсуждение вопроса с Бернадотом. Они встретились вскоре после полуночи.

– Гитлер, вероятно, уже мертв к настоящему времени, – начал Гиммлер. Он продолжил, что до сих пор был связан присягой с фюрером, но ситуация изменилась – теперь он свободен и готов предложить капитуляцию на Западном фронте. По общему признанию, это предложение связано с большими трудностями. Но любое усилие должно быть

предпринято, чтобы спасти миллионы немцев от русской тирании.

– Я боюсь, что будет невозможно, – ответил Бернадот, – предложить капитуляцию на западе и продолжать бороться на востоке. Но я готов передать ваше предложение шведскому министерству иностранных дел для подачи западным державам – при условии, что вы включите Данию и Норвегию в зону вашей капитуляции.

Гиммлер ответил просто, что не имеет никаких возражений на занятие Дании и Норвегии американскими, британскими или шведскими войсками, пока русские не оккупировали эти страны. Он будет удовлетворен.

Бернадот спросил о том, что Гиммлер планировал сделать, если его предложение будет отклонено.

– В этом случае, – ответил Гиммлер с ложной решимостью, которую он так любил показать, – я приму командование батальоном на востоке и умру в сражении.

Гиммлер оставил шведское консульство около половины третьего утром 24 апреля. Он настоял на том, чтобы вести автомобиль самому. Но он въехал в колючую проволоку, окружающую здание, и потребовалось время, чтобы освободиться от нее.

Днем 23 апреля Кейтель и Йодль вошли в канцелярию в последний раз. Они старались изо всех сил поддержать храбрость Гитлера и обещали освободить Берлин и его лично.

Тем временем мощные передовые части войск Конева продвинулись к югу и к юго-западу Берлина, окружив Потсдам, в 26 километрах к юго-западу от столицы, и соединились с передовыми частями армий Жукова. Окружение Берлина было завершено. К северу от Берлина войска Жукова глубже врезались во фланг 3-й танковой армии. К западу от столицы русские двигались к Эльбе. Северный фланг Венка, корпус Хольсте, удерживал свои земли. Его южное крыло, XX армейский корпус под командованием генерала Кёлера к юго-западу от Берлина, было вскоре вовлечено в жестокие оборонительные бои. К

югу от Берлина русские стискивали кольцо вокруг 9-й армии. 25 апреля американская 69-я пехотная дивизия и части советской 58-й гвардейской дивизии встретились на Эльбе в Торгау, в Саксонии, в 48 километрах к северо-востоку от Лейпцига, и разрезали Германию на две части.

С окружением 9-й армии группа армий «Висла» под командованием Хенрици была уменьшена до понесшей серьезные потери 3-й танковой армии. 24 апреля она стояла между Берлином и Штеттином, ей угрожали, с одной стороны, неустанное продвижение Жукова к северу от Берлина, с другой стороны – группа армий Рокоссовского, накапливающая силу около Штеттина.

Хенрици понял, что отступление было неизбежно, если он не хочет пожертвовать 3-й танковой армией в бессмысленной стоянке на Одере в той же самой манере, в которой была потеряна 9-я армия. Но Кейтеля и Йодля нельзя было убедить. Йодль, когда его спросили о цели продолжения безвыигрышного сражения, ответил просто: «Чтобы освободить фюрера!» Тем временем продвинулся Рокоссовский. 27 апреля он прорвался через фронт 3-й танковой армии, как предсказывал Хенрици, и двинулся на север и северо-запад. Но Йодль и Кейтель отказались считаться с фактами. Вечером 27 апреля Хенрици получил приказ Кейтеля, обращенный к группе армий «Висла», 12-й армии и группе армий Шёрнера. Приказ объявлял, что сражение за Берлин достигло своего кульминационного момента и что объединенное нападение 9-й и 12-й армий в направлении столицы благоприятно решит сражение.

Хенрици позже написал: «Этот приказ был пределом. Он был вне человеческого понимания». Хенрици решил действовать самостоятельно, обеспечить возможными подкреплениями 3-ю танковую армию и отступить на запад.

Группа, которая осталась с Гитлером в убежище под канцелярией, состояла из Геббельса с его женой и детьми, Бормана, Кребса, Бургдорфа, Наумана, Хевеля, Фегеляйна – офицера по связи с Гиммлером – и Босса – офицера по связи с Дёницем. Было также множество адъютантов,

охранников и служащих, а также женщин, большинство из них секретарши. Среди них была подруга Гитлера Ева Браун.

В тревожном ожидании эта группа слушала звуки сражения и ждала докладов о победах, которые Кейтель и Йодль обещали посылать снаружи.

Вместо этого пришло радиосообщение от Геринга из Баварии: «Мой фюрер! Вы согласны, чтобы теперь, так как вы решили остаться в Берлине и защищать город, я, на основе вашей прокламации от 6 февраля 1941 г., принял руководство рейхом с полномочиями и полной свободой действий в пределах и вне его? Если я не получу ответа от вас к десяти часам сегодня вечером, то предположу, что вы больше не обладаете свободой действий, и буду поступать согласно моему собственному суждению. Что я чувствую к вам в этот самый темный момент моей жизни, я не могу описать словами. Может, всемогущий Бог защитит вас. Я все еще надеюсь, что вы оставите Берлин и приедете, чтобы присоединиться ко мне. Ваш преданный Герман Геринг».

Хотя Геринг послал идентичные радиограммы множеству людей в канцелярии, чтобы воспрепятствовать своему старому врагу, Борману, вмешаться в текст, Борман был единственным, кто получил копию. Он не терял времени. Он прервал Гитлера, чтобы показать ему это сообщение, и обратил его внимание на просьбу, предлагавшую ответить к десяти часам. Борман сообщил, что это был ультиматум.

Час спустя Герингу сообщали по радио, что его действия расценены как государственная измена и что смертная казнь будет отменена, если только он немедленно оставит свой пост. Кроме того, Борман позаботился, чтобы Геринг и его приближенные были арестованы СС прежде, чем настанет утро.

Бургдорф и Борман предложили генерала барона фон Грейма в качестве достойного преемника Геринга. Они заверили Гитлера, что тот истинный национал-социалист нерушимого идеализма и веры и солдат непоколебимой чести.

Фон Грейм был тогда командующим 6-м военно-воздушным флотом со штабом около Мюнхена. Но Гитлер не был удовлетворен назначением фон Грейма по радио. Он хотел видеть генерала лично и отдать свои приказы наедине. 24 апреля фон Грейму приказали прибыть в канцелярию. Он не знал тогда, что будет преемником Геринга.

Своим вторым пилотом для полета в Берлин фон Грейм выбрал Ханну Райч, женщину с международной репутацией летчицы, выполняющей фигуры высшего пилотажа. Без нее он не достиг бы Берлина живым. Его самолет встретился на подступах к столице с тяжелым русским зенитным огнем, и фон Грейм был ранен в ногу. Ханна Райч взяла управление в свои руки и благополучно приземлилась в центре Берлина, недалеко от канцелярии. Она остановила проезжавший мимо армейский автомобиль и около семи часов вечера 26 апреля прибыла с фон Греймом в рейхсканцелярию.

Фон Грейм предположил, что совершил этот полет, чтобы получить важнейшие полномочия. Вместо этого он узнал, что назначен фельдмаршалом и Верховным командующим военно-воздушными силами.

Ночь 23 апреля прошла в Берлине относительно тихо. Но в четверть шестого утра 24 апреля жестокий заградительный огонь артиллерии встряхнул город. Советская артиллерия, теперь размещенная почти в каждом пригороде, начала подготовку к общей атаке. Рои русских самолетов ревели над городом.

После часу заградительный огонь прекратился, и советская пехота во главе с танками пошла в атаку. Русские войска вошли в Берлин со всех сторон. Аэропорт пал. Пересекая каналы в нескольких местах, даже несмотря на то, что мосты были взорваны, русские продвигались к центру гигантского города. Заключительное сражение за Берлин началось.

В LVII танковом корпусе под командованием генерала Вейдлинга, части, которая теперь несла главное бремя боев, воевал Мюнхеберг, административный офицер

танковой дивизии генерала Муммерта. Этот офицер вел дневник. В нем он записал:

«24 апреля, раннее утро. Мы – в аэропорту Темпельхоф. Русская артиллерия стреляет без остановки. Наш сектор – сектор обороны Д. Командир – наверху в здании министерства авиации. Мы нуждаемся в подкреплении пехоты и получаем разношерстные дополнительные части. Позади линий гражданские жители все еще пробуют уйти прямо под огнем русской артиллерии, таща какие-то несчастные узлы, в которых содержится все, что у них осталось. Время от времени некоторые из раненых пытаются перемещаться в тыл. Большинство из них тем не менее остается, потому что они боятся быть пойманными и повешенными полевыми военными трибуналами.

Русские огнеметами поливают их путь. Крики женщин и детей ужасны.

Три часа дня, и мы имеем только дюжину танков и приблизительно тридцать бронированных автомобилей. Это – бронированные транспортные средства, разбросанные вокруг правительственного сектора. Мы постоянно получаем приказы из канцелярии послать танки в какое-то другое горячее место в городе, и они никогда не возвращаются. Только твердость генерала Муммерта удерживает нас на пределе сил. Мы едва имеем какие-то транспортные средства, чтобы вывезти раненых.

День. Наша артиллерия отступает на новые позиции. Русские имеют очень много боеприпасов. Вой и взрывы от «органов Сталина», крики раненых, рев двигателей и скрежет автоматов, облака дыма и запах гари. Мертвые женщины на улице, убитые при попытке достать воды. Но также здесь и там женщины с базуками, силезские девушки, жаждущие мести. Ходят слухи, что Венк приближается к Берлину, его артиллерию можно уже услышать в некоторых южных предместьях. Другая армия, как ожидают, придет на помощь с севера. 20.00: русские танки, несущие пехоту, двигаются на аэропорт. Тяжелые бои.

25 апреля, 5.30. Новые массированные атаки танков. Мы вынуждены отступить. Приказы из канцелярии: наша дивизия должна немедленно переместиться на Александерплац на севере. 9.00: приказ отменен. 10.00: русское движение на аэропорт становится непреодолимым. Новая линия обороны в центре города.

Тяжелые уличные бои со многими жертвами среди гражданского населения. Умирующие животные. Женщины перебегают от подвала к подвалу. Мы выдвинулись на северо-запад. Новый приказ – идти на север. Командование, очевидно, деморализовано, и в убежище фюрера, должно быть, имеют ложную информацию: позиции, которые мы должны занять, уже находятся в руках русских. Мы снова отступаем под тяжелыми русскими воздушными атаками. Надписи на стенах дома: «Час перед восходом солнца – самый темный» и «Мы отступаем, но мы побеждаем». Дезертиры повешены или расстреляны. То, что мы видим на этом марше, незабываемо. Свободный корпус Монке: «Принесите ваше собственное оружие, оборудование, провиант. Необходим каждый немец». Тяжелые бои в деловом районе, внутри фондовой биржи. Первые перестрелки в туннелях подземки, через которые русские пробуют возвратиться на свои позиции. Туннели заполнены гражданскими жителями.

26 апреля: вечернее небо ярко пламенеет. Тяжелый артобстрел. В нас стреляют из укрытий многих зданий – вероятно, иностранные рабочие. Генерал Вейдлинг вступает в должность, генерал Муммерт принимает танковые войска. Около 5.30 очередной перемалывающий заградительный огонь артиллерии. Русская атака. Мы снова должны отступить, борясь за каждую улицу. Три раза в течение утра мы спрашиваем: «Где Венк?» Головной отряд Венка, как говорят, находится в Вердере, в 35 километрах к юго-западу от Берлина. В надежном выпуске министерства пропаганды говорится, что все войска с фронта Эльбы идут на Берлин. Приблизительно в одиннадцать утра Л., его глаза сияют, прибыл из министерства пропаганды с еще более надежным

выпуском непосредственно от госсекретаря Наумана. Были проведены переговоры с западными державами. Мы должны принести еще немного жертв, но западные державы не будут стоять в стороне и не позволят русским взять Берлин. Наш дух повышается чрезвычайно. Л. сообщает абсолютно уверенно, что мы будем сражаться в течение двадцати четырех часов, самое большее – сорока восьми.

Мы получили газету Геббельса «Атака». Статья в ней подтверждает сообщение Л.: «Тактика большевиков показывает, что они понимают, как скоро западное подкрепление будет в Берлине. Это – сражение, которое решит нашу судьбу и судьбу Европы. Если мы продержимся, то вызовем решающий поворот войны».

Но одно озадачивает меня. В газете также говорится: «Если мы окажем сопротивление нападению Советов здесь, на главной линии обороны, проходящей через сердце Берлина, судьба войны будет изменена независимо от того, что предпримут США и Англия».

Новый командный пункт в туннелях подземки под железнодорожной станцией Анхальт. Станция похожа на вооруженный лагерь. Женщины и дети, толпящиеся в нишах и углах и прислушивающиеся к звукам сражения. Снаряды поражают крыши, цемент рушится с потолка. Пороховой запах и дым в туннелях. Внезапно вода заплескалась в нашем командном пункте. Вопли, крики, проклятия в туннеле. Люди борются вокруг лестниц, которые ведут через воздушные шахты на улицу. Вода прибывает, мчась через туннели. Толпу охватывает паника, люди натыкаются друг на друга, спотыкаются о рельсы и падают. Дети и раненые покинуты, многие затоптаны до смерти. Вода покрывает их. Она повышается на метр или больше, затем медленно понижается. Паника длится в течение многих часов. Многие утонули. Причина в том, что где-нибудь, по чьей-то команде, инженеры взорвали замки одного из каналов, чтобы затопить туннели, которыми пробуют пройти русские. Поздно днем мы снова меняем позицию. Ужасный вид на входе станции подземки: тяжелый снаряд попал в крышу, и мужчины,

женщины, дети буквально размазаны по стенам. Ночью – короткий перерыв в стрельбе.

27 апреля: непрерывная атака в течение ночи. Увеличение признаков краха. Но это не имеет значения, нельзя бросить борьбу в последний момент и затем сожалеть об этом всю оставшуюся жизнь. К. приносит информацию, что американские танковые дивизии находятся на пути к Берлину. Говорят, что в рейхсканцелярии каждый более уверен в окончательной победе, чем когда-либо прежде. Отсутствует любая связь между войсками, за исключением нескольких регулярных батальонов, оборудованных радиопостами. Телефонные кабели растерзаны на части. Физические условия неопишутемы. Никакого отдыха, никакой помощи. Никакой регулярной пищи, немного хлеба. Мы получаем воду из туннелей и фильтруем ее. Часто случаются нервные срывы. Раненых едва ли примут где-нибудь. Гражданские жители в подвалах боятся их. Слишком многие повешены как дезертиры. И полевые военные трибуналы изгоняют гражданских жителей из подвалов, где обнаруживают дезертиров, потому что те – укрыватели преступников.

Эти военные трибуналы сегодня особенно часто появляются в нашем секторе. Большинство из них – очень молодые и фанатичные офицеры СС. Надежда на помощь и боязнь военных трибуналов вернула наших мужчин к необходимости борьбы.

Генерал Муммерт просит, чтобы военные трибуналы больше не посещали этот сектор. Дивизию, составленную из наибольшего числа воинов с самыми высокими наградами, не имеют право преследовать такие младенцы. Он решил расстрелять любой военный трибунал, который принимает меры в нашем секторе.

Все большее пространство Потсдамской площади превращается в руины. Массы поврежденных транспортных средств, полуразбитые прицепы санитарных машин с ранеными, все еще находящимися в них. Мертвые люди повсюду, многие из них безобразно раздавлены танками и грузовиками.

Ночью мы пробуем достигнуть министерства пропаганды в поиске новостей о Венке и американских дивизиях. Распространились слухи о том, что 9-я армия также находится на пути к Берлину. На западе подписываются общие мирные договоры. Сильный артобстрел центра города.

Мы не можем удержать нашу позицию. Около четырех утра мы отступаем по туннелям подземки. В соседних туннелях русские продвигаются в противоположном направлении – к позициям, которые мы только что потеряли».

В течение ночи 27 апреля множество русских полевых орудий, казалось, сконцентрировали огонь по рейхсканцелярии. Взрыв следовал за взрывом. Убежище содрогалось, со стен сыпалась штукатурка. Каждый момент те, кто был в убежище, ожидали, что фронт, внезапно оказавшийся так близко, откроет дорогу и ударные войска русских ворвутся в убежище.

Гитлер провел ночь, перетасовывая карты, которые стали мягкими от его чрезмерно потных ладоней. Рассеянно он слушал тех, кто снова и снова утверждал, что совершат самоубийство, когда войдет первый русский солдат.

В три часа утра 28 апреля Кребс в последний раз установил телефонную связь с Кейтелем. Кребс кричал в трубку, что, если помощь не поступит к ним в течение двадцати четырех часов, она прибудет слишком поздно. Но Кейтель все еще не имел храбрости, решимости или понимания ситуации, чтобы сообщить правду. Он уверил Кребса, что использует всю свою энергию, чтобы подогнать Венка и Буссе к Берлину. Затем телефон внезапно отключился.

Артобстрел почти прекратился, но, когда небо стало серым, огонь возобновился с новой силой. С юга русские войска проникли к центру города. С запада они продвигались глубже и глубже. Только к северу от канцелярии, на расстоянии винтовочного выстрела, некоторым немецким частям удалось удержать позиции в течение ночи. Советский флаг взмыл над куполом здания

Рейхстага. Весь Берлин отозвался завыванием и разрывами снарядов, ревом низколетящих самолетов, грохотом зенитных батарей и рушащихся зданий.

Утренние часы 28 апреля прошли в ожидании. Несколько снарядов пробили верхнее бетонное покрытие убежища Гитлера. Вентиляторы пришлось выключить, потому что они несли в подземные комнаты пыль и дым от взрывов.

Не удалось попытки установить телефонную связь с внешним миром. Собрали несколько радиосообщений. Новости, которые они принесли, были скудными и противоречивыми.

К полудню, наконец, прибыли первые новости о наступлении армии Венка. Согласно этому сообщению, Венк достиг пункта к югу от Потсдама, в 30 километрах южнее Берлина. Но не было никаких деталей. Однако эта крупная новость распространилась по комнатам убежища, как вспышка. Продвижение Венка стало центром всех надежд и новых фантазий. Эту новость передали войскам и гражданским жителям Берлина, она кочевала из уст в уста, пока не умерла под бременем невзгод в страдающем городе.

Радисты в убежище канцелярии сидели приклеенные к своим наушникам. Но не было никакой информации ни от Венка, ни от Штейнера, Буссе или Хольсте. Проходил час за часом. Ночью Борман решил послать сообщение. Во внезапном недоверии к Кейтелю и Йодлю, которые были не в состоянии сообщить об успехах, он обратился к Дёницу.

«Вместо того чтобы подгонять войска, которые должны освободить нас, – радировал Борман, – ответственные люди отмалчиваются. Лояльность, кажется, уступает нелояльности. Мы остаемся здесь. Здание канцелярии – уже куча щебня».

Молодые новички XX армейского корпуса Венка превзошли себя. С никуда не годными транспортными средствами и плохим вооружением они стояли лицом к фронту в течение двух дней, стояли, глядя на восток, к

началу утра 25 апреля. Но прежде чем они смогли атаковать в направлении Берлина, им пришлось вести тяжелый бой. Русские войска, окружающие 9-ю армию, доставили подкрепление с удивительной скоростью. В сумерках 25 апреля ситуация стала хуже. И Верховное командование армии сообщило, что Потсдам, в 27 километрах к юго-западу от Берлина, гарнизон которого насчитывал две пехотные дивизии, также окружен.

Венк поддерживал радиосвязь с Буссе, командующим 9-й армией. Он знал, что силы Буссе ослабевают. Но 28 апреля он получил донесение от Буссе: «Физическое и умственное состояние офицеров и солдат, ситуация с боеприпасами и топливом не позволят сопротивлению продлиться. Дополнительные сложности создают гражданские жители, зажатые вместе в котле 9-й армии. 9-я армия будет сражаться до конца».

Это донесение поощрило войска Венка. Когда перегруппировка всей 12-й армии была закончена, Венк пошел в атаку. Он быстро столкнулся с сильным советским сопротивлением. Но он хорошо выбрал место, и его дивизии продвинулись в непосредственной близости от Потсдама. Но теперь Венк стоял достаточно близко к Потсдаму, чтобы предпринять попытку спасти его гарнизон. Он приказал генералу Рейману, командующему гарнизоном Потсдама, попробовать прорваться с двумя дивизиями через озера к югу от города и присоединиться к 12-й армии. Он также решил удерживать свои позиции максимально долго, чтобы быть готовым принять 9-ю армию, если ее заключительная попытка прорваться будет успешной.

29 апреля Венк доложил Верховному командованию армии: «12-я армия, и в частности XX армейский корпус, который в настоящий момент установил контакт с потсдамским гарнизоном, вынуждена повсюду перейти к обороне. Атака на Берлин невозможна, тем более что на усиление посредством 9-й армии нельзя рассчитывать».

Все надежды на помощь Берлину с севера и северо-запада рухнули в то же самое время. Брешь, которую русские

войска прорвали во фронте 3-й танковой армии к северу от Берлина, быстро росла. Новая волна паники и бегства предшествовала прибытию русских. Американский армейский капеллан Фрэнсис Сэмпсон, который был тогда в лагере для военнопленных в Нойбранденбурге, приблизительно в 120 километрах к северу от Берлина, так описывал те события:

«Приглушенный расстоянием рев русской артиллерии становился все более отчетливым, ближе и ближе подкатываясь к Нойбранденбургу и лагерю для военнопленных, где мы были интернированы.

Русские самолеты пролетели над городом и сбросили тысячи листовок, намереваясь ужаснуть немецких гражданских жителей; они сделали это очень эффективно. В одной из листовок говорилось на немецком языке: «Рокоссовский – у ваших ворот». Репутация армии Рокоссовского была таковой, чтобы немцы запаниковали. Дороги были вскоре забиты фургонами, груженными семейным имуществом, детьми и стариками. Немцы устремились на запад, надеясь избежать русских, готовые к чему угодно, только бы не попасть в их руки.

Многие из охранников покинули лагерь и сбежали в направлении американских линий. Некоторые просили у меня записки, где говорилось бы о том, как добры они были к американцам. Несколько из них действительно были приличными, а двое рисковали, помогая нам. Для них я подготовил письма, говорящие о том, как они помогли нам, и искренне надеюсь, что они принесли им пользу. Приблизительно дюжина охранников, включая командира лагеря, переделась в одежду заключенных и была заперта в каменном блокпосту. Маленький гарнизон окапывался и готовился защищать город. Мы стали рыть траншеи, чтобы укрыться в них, поскольку русские принялись обстреливать город. События нескольких следующих дней были настолько ужасны, что я такого не видел прежде.

Около полуночи 28 апреля начали входить русские танки. Рев был потрясающим. Немецкое сопротивление

оказалось неэффективным. Русская пехота ехала на танках (приблизительно по пятнадцать или двадцать человек).

В течение часа после их прибытия Нойбранденбург стал морем огня. Город горел весь следующий день. Едва ли осталось здание, которое не было снесено до основания; католическая церковь, что достаточно странно, оказалась чуть ли не единственным большим сохранившимся зданием.

В лагере стало светло, как днем. Американцы держались спокойно и соблюдали порядок, чего нельзя было сказать о французах, итальянцах и сербах, которые толпой ушли из лагеря и направились грабить город. Русские военнопленные, двадцать одна тысяча которых была зарегистрирована в лагере, а в живых осталось только три тысячи, как ни странно, были единственными заключенными, которые не особенно радовались счастью быть освобожденными. Каждому из них бросили винтовку и велели быстро встать во фронт; в русской армии не считают, что к тем, кто сдается врагу, нужно относиться гуманно. Русский доктор и несколько других, которых заключенные обвинили в сотрудничестве с немцами, были немедленно расстреляны. Немецкого начальника лагеря отвели на холм к кладбищу, заставили вырыть яму, пристрелили и свалили в нее.

На следующий день в лагерь приехал русский генерал. Он спросил об арестованном американце, и парни привели его в мою комнату. Я предложил ему сигару от Красного Креста и кофе. С помощью американского солдата, который говорил по-русски, мы с генералом очень интересно побеседовали. Он сказал, что сигара была лучшей из тех, какие он когда-либо курил, и кофе, безусловно, лучшее из того, какое он пил. Попробовав одну из его сигарет, я не нашел ни малейшей причины не доверять комплименту. Он сказал, что пришлет что-нибудь «хорошее» для меня. Русский солдат принес его дар на следующий день. Это был большой кувшин водки, одного запаха которой оказалось более чем достаточно для меня. Генерал сказал мне, что все русские сожалеют о том, что президент Рузвельт умер, так как считали его большим

другом России. Он очень высоко оценил американское вооружение и сказал, что, по его мнению, русские, возможно, не выстояли бы без американской помощи. Это, похоже, было верное утверждение, мы видели, что многое вооружение, которое использовали русские, было американским; например, танки «Шерман» и наши 2,5-тонные грузовики, джипы и бронированные автомобили использовались почти повсеместно.

В лагере появился русский политраблотник, и немедленно созвали встречу вышестоящих офицеров всех наций. Он прекрасно выглядел, был воспитан и интеллигентен и показался мне одним из лучших лингвистов, которых я когда-либо слышал. Он сказал нам, что мы останемся в лагере, пока не будет установлен контакт с американскими войсками. Он дал нам инструкции на французском, итальянском, польском, голландском и безупречном английском языке. Сказал, что представители наших стран будут немедленно проинформированы о нашем освобождении; американцы (и только американцы) могут написать одно письмо своим семьям и будут отправлены к американским линиям фронта; продукты выдадут без ограничений. Он сказал, что оставляет русского полковника, отвечающего за лагерь, который станет обеспечивать нас всем необходимым, но никто не должен покидать лагерь без пропуска. Я попросил у него пропуск, чтобы собрать американцев, которые работали в группах в Нойбранденбурге или рядом с ним. Он с готовностью предоставил его.

Старый французский священник-заключенный позже попросил, чтобы я пошел с ним в центр города, поскольку он хотел увидеть, как живут немецкий священник и немцы, которые не сбежали. Я восхищался храбростью старика; он, очевидно, не боялся никого.

Когда мы достигли того, что когда-то было небольшим красивым городом Нойбранденбургом, я почувствовал, что вижу конец мира и Судный день. Большинство зданий все еще горели, развалины упавших стен перегораживали улицы. Большая группа немцев, мужчин, женщин и детей, расчищала главную улицу под охраной русской девушки.

Другие русские девушки направляли движение танков и бронированных транспортных средств, шедших через город. К телам убитых на улицах относились с безразличием, если они не затрудняли движения. В некоторых местах зловоние сожженной плоти было ужасно. Старый священник не сказал ничего, он лишь тяжело вздыхал время от времени, когда мы видели новые ужасы. Он показался мне своего рода символом Церкви в опустошенном мире, когда, сняв свою рясу, чтобы подняться по развалинам, он останавливался у каждого тела, чтобы произнести короткую молитву.

Мы наконец достигли дома приходского священника и вошли. Дом был частично разрушен огнем и полностью выгорел внутри. Две сестры священника, обе монахини, и его мать и отец, приехавшие к нему, чтобы найти защиту, сидели на ступенях в состоянии шока. Французский священник спросил, может ли он что-нибудь для них сделать. Они покачали головой. Я рассудил, что они на грани безумия и не настроены выслушивать соблазнования.

Каждый русский солдат получал ежедневную порцию водки, а некоторые умудрялись найти какой-нибудь немецкий ликер, так что многие из них большую часть времени было изрядно пьяными. В этом состоянии они освободили американцев от всех их ценностей, прежде всего наручных часов. Затем вынудили рыть для них уборные. Наконец несколько русских солдат вошли в бараки с нашими больными, вынудили их пить водку с ними и потребовали все сигареты. Я больше всего прочего боялся, что какой-нибудь американец ударит русского, а тот в ответ схватится за автомат. Мы слишком много пережили, чтобы потерять людей теперь. Я пошел повидаться с русским полковником, который отвечал за лагерь, но нашел его таким же пьяным.

2 мая в лагерь прибыл американский полковник и взял командование над американским составом. Он был изумлен тем, как к нам относились русские. Он энергично протестовал, но русские фронтовые части не были дисциплинированными войсками».

Утром 28 апреля, в то время как город Нойбранденбург и почти каждое поселение на пути русского наступления обращались в огонь, Кейтель сел в свой автомобиль, чтобы найти Штейнера и приказать ему в кратчайшие сроки снять осаду Берлина.

Когда Кейтель, исполненный «исторической и моральной важности своей миссии», ехал по дорогам к северу от Берлина, он, к своему изумлению, заметил, что войска 7-й танковой дивизии и 25-й моторизованной пехотной дивизии шли на север. Эти войска были частью 3-й танковой армии Хенрици и должны были находиться на пути к Берлину. Вместо этого они двигались к северу в попытке остановить русский прорыв в Нойбранденбурге.

Сначала Кейтель не поверил своим глазам – но сомнения быть не могло. Хенрици бросил вызов самым строгим приказам Кейтеля и Йодля. Дрожа от ярости, Кейтель отправился на поиски Хенрици. Он нашел его на дороге рядом с Нойбранденбургом, близко к фронту, в сопровождении генерала фон Мантейфеля. Процессии раненых и разоруженных солдат и бесконечных колонн беженцев двигались мимо.

Кейтель, с побуревшим от гнева лицом, вызвал Хенрици для отчета. Он говорил о неповиновении, измене, трусости и саботаже, обвинял Хенрици в слабости и кричал, что, если Хенрици только в качестве примера взял бы Рендулича в Вене и расстрелял несколько тысяч дезертиров или повесил их на ближайшем дереве, его армии теперь не отступали бы.

Фон Мантейфель, трясясь от негодования, искал глаза Хенрици. Он был фронтовым солдатом, как и Хенрици, и никогда особенно не верил Йодлю или Кейтелю. В течение нескольких последних дней он почти научился презирать их. Эта сцена была концом.

Но Хенрици смотрел на Кейтеля, не теряя самообладания. Он знал, что поступил правильно. Его движения были предназначены, чтобы привести его группу армий и насколько возможно больше гражданских жителей на

запад, в область между северными пределами реки Эльбы и Балтийским морем.

Хенрици спокойно ждал, пока крик Кейтеля не прекратился. Затем он указал на колонны, идущие по дороге, – беженцы и солдаты без винтовок, без оружия, без снаряжения, без транспортных средств, без брони, изможденные, оборванные, преследуемые силами, которые в пятнадцать раз превосходят их по численности.

– Фельдмаршал Кейтель, – сказал Хенрици, – если вы хотите, чтобы эти люди были застрелены, пожалуйста, начинайте!

До этого дня Кейтель не видел фронта. Он никогда не видел стреляющий орудийный расчет в работе. Он беспорядочно озирался, повторял свои приказы двигаться на Берлин, добавил серьезные угрозы на случай возможного неповиновения и отбыл.

Фон Мантейфель едва сумел совладать с собой: почему Хенрици не арестовал Кейтеля на месте?

– Зачем? – спросил Хенрици. Он знал, что события шли к необходимому завершению независимо от Кейтеля.

Поздним вечером в тот же день Хенрици телефоновал Йодлю и доложил, что условия вынудили его отвести южный фланг. Он просто обязан высвободить силы, чтобы выступить против русского продвижения вдоль балтийского побережья. Но голос Йодля был ледяным. Он поговорил с Кейтелем и приказал, чтобы Хенрици держал южный фланг там, где он стоял.

Хенрици спокойно ответил, что не может выполнить этот приказ, не подвергая каждого из своих солдат гибели. Йодль повторил приказ и добавил угрозы. Хенрици повесил трубку. Он бросил на своего офицера по операциям красноречивый взгляд: здравомыслие Кейтеля и Йодля, казалось, было вопросом для спекуляций. Но приказы об отводе южного фланга уже были отданы, и Хенрици не отменил их.

В десять часов той ночью Хенрици доложили, что над портом Свинемюнде нависла опасность быть окруженным русскими. Ответственный адмирал сообщил ему в то же самое время, что Свинемюнде больше не был необходим в военно-морских целях. В городе стоял гарнизон с какими-то плохо вооруженными военно-морскими силами и одной резервной дивизией, в которую недавно рекрутировали подростков семнадцати лет. Хенрици решил оставить город и вывести гарнизон прежде, чем он будет отрезан.

За полчаса до полуночи Хенрици еще раз телефоновал Верховному командованию армии. Он предчувствовал нависший взрыв, но решительно, как было ему свойственно, шел вперед.

По телефону ответил сам Кейтель. Доклад Хенрици о последних минутах 28 апреля был сдержанным, но все же между строк сквозит ярость этой беседы.

«Кейтель, – писал Хенрици, – ответил на доклад командующего множеством обвинений. Причины отказа от Свинемюнде не интересовали Кейтеля. Отношение адмирала, отвечающего за Свинемюнде, казалось ему не соответствующим должности. Он заявил, что не может заявить фюреру о добровольной сдаче последнего оплота вдоль реки Одера. Доклад командующего об условиях гарнизона в Свинемюнде не произвел никакого впечатления. Командующий заявил, что он не может позволить погибнуть дивизии новичков в очевидно бессмысленном бою за цитадель. Кейтель вслед за этим угрожал военным трибуналом и указал на наказание за неповиновение перед врагом. Нужно признать, что здесь мера была полной. Из ответа командующего Кейтель мог сделать вывод, насколько весомо группа армий оценивала его самого и его инструкции. Командующий заявил, что в его интересах не отдавать приказ об обороне Свинемюнде. Кейтель вслед за этим сообщил командующему, что тот снят со своего поста.

Форма, которую приняло это смещение, возбудила опасение относительно дальнейших последствий. Фон

Мантейфель, командующий 3-й танковой армией, предложил дать прежнему командующему телохранителя.

Многочисленные и тяжелые основания вызвали решение главнокомандующего Кейтеля. Среди прочих причин казалось нецелесообразным удалять Верховное командование вооруженных сил в момент заключительной напряженности, не будучи в состоянии заменить его. Кроме того, весомым было знание того, что никакая власть на земле, никакой приказ самого высокого уровня, Кейтеля или Гитлера, не мог ничего изменить в будущем ходе событий. Эта акция фельдмаршала Кейтеля оставалась безрезультатной не только для Свинемюнде, но и для событий вообще».

Перед рассветом 29 апреля генерал авиации Штудент, до тех пор командующий 1-й десантной армией, был назначен взамен Хенрици. Штудент отличился в завоевании острова Крит и в глазах Йодля и Кейтеля был человеком, которому можно доверять, который будет повиноваться вслепую до конца. Но должны были пройти несколько дней, прежде чем Штудент мог достигнуть командного пункта группы армий «Висла». Кейтель обязал Мантейфеля до его прибытия выполнять эти обязанности. Фон Мантейфель отказался. Кейтель тогда приказал фон Типпельскирху, командующему 21-й армией, возглавить группу армий.

Хенрици уехал, чтобы доложить либо Кейтелю, либо Дёницу. Но Кейтеля нельзя было найти. В течение ранних часов 29 апреля он должен был в спешке оставить свой штаб, чтобы избежать русских танков, а свой новый штаб ему пришлось оставить на следующий день. Возможно, это было спасением для Хенрици. Он направился на север, чтобы доложить Дёницу, который был уполномочен Кейтелем судить Хенрици военным трибуналом. Но когда Хенрици достиг штаба Дёница, эти инструкции уже были невыполнимы. Поскольку драма в Берлине закончилась.

Вечером 28 апреля в перерывах между русскими артобстрелами офицер по связи имперского руководителя прессы спешил по щебню к убежищу Гитлера. Выражение

его лица показывало, что он несет сообщение особой важности. Он имел при себе официальное сообщение агентства новостей Рейтер о предложениях, которые Гиммлер пятью днями ранее сделал графу Бернадоту.

Гитлер пал жертвой нового припадка ярости, не поддающегося контролю. В сопровождении Геббельса и Бормана он ушел в свою комнату. Ни один очевидец этого совещания не выжил.

Гитлер все еще дрожал от ярости, когда возвратился. Он приказал, чтобы офицер по связи с Гиммлером, Фегеляйн, был подвергнут перекрестному допросу. Он внезапно почувствовал себя уверенным, что Фегеляйн только шпион Гиммлера в убежище фюрера. Фегеляйн был монстром, а Гиммлер людоедом, который обещал передать труп Гитлера западным державам.

Прежде чем перекрестный допрос начался, Гитлер отдал приказ о том, что Фегеляйн должен быть расстрелян. Дрожа, он ждал в зале заседаний, пока приказ не был выполнен. Затем пошел, чтобы увидеть фон Грейма.

Фон Грейм отказался оставить Берлин. Он и Ханна Райч намеревались остаться рядом с Гитлером и умереть или встретить с ним победу. Но теперь Гитлер приказал, чтобы они оставили Берлин этой ночью, вылетели в штаб Гиммлера в Шлезвиг-Гольштейне и «обезвредили» его любым образом. Гитлер убеждал фон Грейма не упускать момент.

Фон Грейма, все еще неспособного самостоятельно идти, отвели на самолет. Ханна Райч пошла с ним.

По щелью и воронкам самолет взлетел. Русские зенитные средства пробовали сбить его, но безуспешно. Эти двое достигли Шлезвиг-Гольштейна, чтобы противостоять Гиммлеру. Но когда они застали его в штабе адмирала Дёница день спустя, ситуация уже была иной.

Когда фон Грейм и Ханна Райч улетели, Гитлер снова удалился в свою комнату. Он вышел некоторое время спустя сильно изменившимся. Его ужасное волнение уступило место обреченности.

В час пополуночи Гитлер внезапно прошел странную церемонию, которая удивила даже его самых близких партнеров. Он женился на женщине, которая в течение многих лет была его возлюбленной, Еве Браун, миленькой женщине намного моложе его, которая была беззаветно и до восхищения ему предана. Она приехала из Баварии 15 апреля, поселилась в убежище фюрера и отказалась уехать, хотя чувствовала, что конец наступил, хотела быть с ним в его последний час. И она осталась, призрачная фигура на краю истории.

Церемония сопровождалась молчаливой свадебной трапезой. Гитлер открыл рот только для того, чтобы сказать о наступающем конце. Он заявил, что смерть придет как освобождение к нему, которого предали самые близкие друзья.

Он ушел, чтобы продиктовать свое последнее желание. Его личное завещание не представляет интереса для потомства. Но затем он продиктовал свое политическое завещание, в то время как залпы русских орудий грохотали вокруг убежища.

Он не хотел войны. Война была начата теми международными политическими деятелями, которые были или еврейской крови, или оплачивались евреями. Целый мир не посмел бы отрицать его предложения общего ограничения вооружений. После шести лет сражения, которое будет зарегистрировано в истории как самая великолепная и отважная борьба наций, он не может оставить столицу. Так как сопротивление стало ничего не стоящим из-за дефицита исторической прозорливости, он хотел разделить судьбу берлинцев. Но он не намеревался попасть в руки врагов, которые нуждались в новом зрелище под еврейским управлением. Следовательно, он хотел умереть, если канцелярия больше не могла быть удержана.

– Прежде чем я умру, я выгоняю из партии бывшего маршала Германа Геринга и лишаю его всех прав, которыми мои предыдущие приказы наделили его. Я

назначаю адмирала Дёница президентом рейха и Верховным командующим вооруженными силами.

Прежде чем я умру, я выгоняю из партии бывшего командующего СС и министра внутренних дел Генриха Гиммлера и лишаю его всех официальных полномочий. Вместо него я назначаю окружного руководителя Ханке имперским командующим СС и начальником германской полиции и окружного руководителя Пауля Гисслера министром внутренних дел.

Гитлер назначил своим преемником в качестве канцлера доктора Йозефа Геббельса. Борман должен был возглавить партию, Шёрнер – стать главнокомандующим армией.

– Требую от всех немцев, от всех национал-социалистов, мужчин, женщин и солдат вооруженных сил, чтобы они были послушными новому правительству даже в смерти. Прежде всего, я предписываю руководителям и последователям нации строго придерживаться расовых законов и беспощадно сопротивляться международным отравителям наций – международному еврейству.

Было четыре часа утра, когда Гитлер подписал документы. Геббельс и другие подписались как свидетели. Русские орудия били по крыше убежища гигантскими кулаками.

В восемь часов утра трем офицерам в убежище приказали доставить копии завещания Гитлера Шёрнеру и Дёницу. Посланники скрылись в западном направлении. Их последующая судьба осталась неизвестной.

К полудню никаких новостей из внешнего мира в убежище не поступало. В Берлине русские продвигались повсюду. Боеприпасы были почти исчерпаны. Послали еще четырех офицеров. Ни один из них не достиг места назначения.

В десять часов Гитлер собрал свой самый близкий круг. Генерал Вейдлинг сообщил, что русские окружали канцелярию с каждого направления. Где-то вдоль реки Хавель, в городе, батальон гитлерюгенда все еще отважно и трагически держался. Русские танки достигли бы канцелярии не позже 1 мая. И в заключительном усилии

спасти некоторые из своих войск генерал Вейдлинг умолял сделать вылазку из Берлина и ручался благополучно вывести Гитлера из города. Гитлер отказался.

Через полчаса Кребс отправил Йодлю следующее радиопослание: «Немедленно информируйте меня: во-первых, где продвигающиеся части Венка, во-вторых, когда они будут атаковать, в-третьих, где 9-я армия, в-четвертых, в каком направлении 9-я армия будет прорывать окружение, в-пятых, где продвигающиеся части корпуса Хольсте». Донесение было подписано «Адольф Гитлер», но кажется вероятным, что сам Кребс породил его.

Ночью 29 апреля, в то время как другой ураган огня охватил город, прибыл ответ Йодля или Кейтеля: «Во-первых, продвижение Венка сорвалось к югу от Потсдама, во-вторых, 12-я армия не способна продолжать атаку на Берлин, в-третьих, 9-я армия безнадежно окружена, в-четвертых, корпус Хольсте в обороне». Это были факты, и они не оставляли никакого шанса для надежды.

В четыре часа утра 30 апреля Гитлер попрощался с окружением и ушел с Евой Браун в свою личную комнату. В полдень он вновь появился, чтобы отдать свой последний приказ: его водитель должен был принести пятьдесят галлонов бензина во двор канцелярии. Гитлер взял завтрак и снова ушел. Приблизительно в три часа тридцать минут дня раздался выстрел. Самые близкие друзья Гитлера вошли в его комнату вскоре после этого и нашли его мертвым. Он выстрелил себе в рот. Около него лежала отравленная Ева Браун.

Два трупа вынесли во двор. Их положили рядом и облили бензином. Кто-то чиркнул спичкой. Борман и его помощники отбежали к укрытию у входа в убежище и наблюдали за пламенем с каменным лицом.

Геббельс, Борман, Бургдорф и Кребс собрались, чтобы решить, что делать дальше. Борман предложил сначала, чтобы оставшиеся в живых в убежище фюрера попробовали прорваться через русские линии и убежать на

север или на запад. Но это давало такую небольшую надежду на успех, что Борман сделал второе предложение. Он вступит в переговоры с русскими. Он объяснит, что германское правительство, которое одно могло обеспечить действительную капитуляцию, было теперь не в Берлине, а в штабе Дёница в Шлезвиг-Гольштейне и что поэтому русские должны предоставить охранное свидетельство делегации из Берлина, которая поедет туда и обеспечит согласие Дёница. Безусловно, Борман надеялся быть членом этой делегации.

Геббельс согласился. Он предложил предупредить русских о том, что Гиммлер в настоящее время вел переговоры исключительно с западными державами. Если бы на Дёница не влияли из Берлина, то он мог бы полностью примкнуть к западным нациям против Советского Союза.

Генерал Кребс был выбран как парламентар с русскими из-за его московского опыта и знания русского языка. Кребсу дали письмо, адресованное маршалу Жукову, в котором содержалась новость о смерти Гитлера, и подписанное Геббельсом и Борманом в их новых официальных должностях, полученных в соответствии с последним желанием Гитлера. Письмо уполномочивало Кребса устроить перемирие, в течение которого от адмирала Дёница могли добиться одобрения общей капитуляции.

Генерал Чуйков, командующий штурмом Берлина, занял дом в южном пригороде города. Он стоял за столом в столовой, на котором была разложена карта Берлина. Окна были без стекол. На улице снаружи лейтенант артиллерии выкрикивал приказы. Красный жар неба виднелся сквозь изодранные занавески.

Генерала Кребса ввели в двадцать минут четвертого утром 1 мая. На его униформе остались следы от марша по щебню Берлина. Его лицо было желтым. Позади него следовали три других германских офицера, один из которых был представлен как переводчик.

Кребс сел на стул, предложенный ему, и посмотрел на русских офицеров, окруживших Чуйкова. Его переводчик

сказал:

– Генерал просит оставить его наедине с генералом Чуйковым.

– Скажите ему, что здесь присутствуют только члены моего военного совета, – ответил Чуйков.

– Я повторяю, – сказал Кребс дрожащим голосом, – что мое сообщение имеет огромное значение и является особо конфиденциальным.

Он слушал, пока переводчик повторит предложение на русском языке.

– Я наделен властью услышать его, – сухо сказал Чуйков.

Кребс глубоко вздохнул. Затем объявил:

– Адольф Гитлер совершил самоубийство вчера днем. Наши войска еще не знают этого.

Он уставился на Чуйкова, слушая переводчика. Кребс ожидал реакции на эти новости, которые, как он думал, имели особую важность для русских. Но Чуйков не выказал никакого признака удивления или прочих эмоций.

– Мы знали это, – сказал он.

Лица русских были неподвижны.

Кребс пожал плечами. Он вручил свое письмо русскому переводчику, который перевел его. Чуйков хранил молчание. Через некоторое время он обратился к Кребсу с двумя вопросами: во-первых, уполномочен ли он предоставить безоговорочную капитуляцию? Во-вторых, обращались ли с капитуляцией к западным союзникам так же, как к Советскому Союзу?

Кребс пробовал объяснить цель своего присутствия в деталях. Он нервничал и сказал, что на второй вопрос нельзя ответить, так как он и его руководители находились в Берлине и не имели никакого способа войти в контакт с англичанами и американцами. То, о чем он просил, было коротким перемирием, в течение которого Геббельс, Борман или он сам могли разъяснить Дёницу необходимость общей капитуляции.

Кребс никогда не был немногословным человеком. И Чуйков сделал так, чтобы русский переводчик прервал его, чтобы заявить, что единственной капитуляцией, о которой стоит говорить, является безоговорочная капитуляция перед всеми тремя союзниками.

Волнение пересилило Кребса. Он вдруг заговорил на ломаном и все же понятном русском языке.

– Именно для этого я приехал, – произнес он хрипло. – Именно этого я прошу – прервать борьбу, чтобы провести дальнейшие переговоры. Германское правительство больше не находится в Берлине, его руководителя нет в городе, здесь остались всего несколько секретарей, они не могут принять решение без руководителя правительства.

Чуйков отдал приказ сообщить о прибытии Кребса и его странных требованиях в Москву. Это был обычный доклад, и все же Кребс получил новую надежду. Он продолжал говорить поочередно на русском и немецком языках. Он отказывался понять, что не имеет права делать предложения. Почему эти люди, которые овладеют Берлином в течение нескольких дней, сомневаются в сведениях человека, требующего перемирия для обсуждения условий капитуляции с обреченным правительством? Кребс говорил в течение двух часов. Он, возможно, понял, что терпение Чуйкова служило цели выждать время, пока из Москвы не придет ответ.

Наконец, вошел посыльный и вручил Чуйкову бумагу. Чуйков прервал Кребса и резко спросил его, ответит ли он теперь на вопрос о безоговорочной капитуляции перед всеми тремя союзниками ясно: да или нет.

Кребс моргал. Он начал новый поток объяснений и теперь использовал предупреждение, которое придумал Геббельс. Но Чуйков снова прервал его, чтобы спросить: да или нет.

Кребс все еще не ответил. Он заявил, что отвечать да или нет выше его полномочий, и спросил разрешения послать полковника из его эскорта назад в канцелярию, чтобы получить разрешение от Геббельса. Чуйков согласился. Полковник уехал. Кребса проводили в приемную.

Приблизительно в полдень 1 мая полковник возвратился. Он сообщил, что Геббельс желает говорить лично с Кребсом перед принятием решения.

Кребса снова привели к Чуйкову. Позволят ли ему возвратиться? Чуйков дал разрешение, отнесясь небрежно, как победитель, который знает, что ни один человек не может убежать от него. Напоследок Кребс спросил об окончательных русских сроках. Но они не изменились.

В то время как тысячи солдат и гражданских жителей погибали каждый час, в убежище под канцелярией началось еще одно совещание. В конце Геббельс послал генералу Чуйкову сообщение, что советские условия неприемлемы.

В тот же самый день Геббельс отправил Дёницу сообщение, содержащее новости о смерти Гитлера. Это была последняя подпись Геббельса. Он и его семья оставили этот мир. Ничего не подозревая, его дети выпили отравленный лимонад. Вечером Геббельс и его жена вышли во двор канцелярии. Он приказал охранникам СС застрелить их. Затем его адъютант вылил бензин на эти два тела...

Агония Берлина затянулась.

Ни один из воюющих солдат не знал, что Гитлер мертв. Даже Гансу Фритцше, руководителю радиовещательной службы рейха, об этом не сообщили. Но Фритцше больше не мог выносить страдания, которые видел вокруг. Он попробовал добраться до генерала Вейдлинга, чтобы спросить о конце борьбы, но командный пункт генерала невозможно было найти. Он попробовал добраться до Штеега, мэра Берлина, но мэр был тогда уже позади русских линий. Наконец Фритцше пробился в министерство пропаганды – по руинам, мертвым и умирающим людям – и здесь нашел сообщение, что Науман прибудет из канцелярии, чтобы сообщить о ситуации.

Ночь наступила прежде, чем появился Науман. Его лицо и манеры изменились.

– Гитлер совершил самоубийство вчера днем, – сказал Науман. – Геббельс мертв. Все войска канцелярии сделают попытку пробиться из города сегодня вечером в девять часов. Их будет вести Борман. Я убеждаю каждого, включая женщин, присоединиться к нам. Мы начнем ровно в девять часов!

Фритцше встал перед Науманом.

– Вы безумец, – сказал он. – Как долго вы, Геббельс и Гитлер вели нас в пропасть с открытыми глазами? Зачем теперь эта заключительная кровавая резня?

– У меня нет времени для дискуссии, – сказал Науман.

Фритцше объявил, что в таком случае он, гражданское лицо и, вероятно, самый высокий чиновник из оставшихся в городе, сдаст Берлин русским. Солдаты и гражданские жители последовали бы за ним, если бы он сообщил им о произошедшем.

– Дайте нам время для прорыва, – умолял Науман.

Если мы можем верить сообщению самого Фритцше об этих последних часах – а никакой причины не верить пока не имеется, – он согласился дать время, необходимое для спасения, но только при условии, что Борман, руководитель «Вервольфа», прикажет остановить все действия этой организации.

Науман и Фритцше пробежали через руины канцелярии. Борман был в униформе СС, и впервые в его жизни автомат свисал у него с плеча. Беседа была короткой. Борман, возможно, лелеял мысль застрелить Фритцше, но затем позвал каких-то людей в униформе СС: «Вся деятельность «Вервольфа» должна быть приостановлена, включая смертные приговоры. «Вервольф» распущен!»

Фритцше был удовлетворен. Он поторопился назад к подвалу министерства пропаганды. Несколько сотен человек набились в комнаты, и он с трудом заставил слушать себя.

Фритцше объявил, что вылазка, запланированная в канцелярии, была безумием и что он, теперь самый

высокий чиновник в городе, остается и предложит капитуляцию Берлина советскому командующему.

В то время как все больше людей набивалось в подвал, а другие отбыли, чтобы присоединиться к группе Бормана в канцелярии, Фритцше закрылся в комнату с переводчиком Юниусом и радиооператором, чтобы написать письмо маршалу Жукову. Юниус должен был перевести письмо и пронести его через линию фронта. В то время как он все еще ждал, в дверь сильно ударили.

Фритцше открыл. Генерал Бургдорф, шатаясь, вошел в комнату. Его глаза остекленели и лицо румянилось от выпивки.

– Вы хотите сдаться? – проревел Бургдорф.

Фритцше кивнул. Бургдорф достал пистолет.

– Тогда я застрелю вас. Фюрер запретил капитуляцию. Мы будем бороться до последнего человека.

Фритцше поймал взгляд радиооператора, который ступил в телефонную будку позади генерала.

– Мы что, должны бороться до последней женщины? – спросил Фритцше.

Бургдорф зашатался и поднял пистолет. Радиооператор, стоящий позади, толкнул его, и пуля ушла в потолок. Радиооператор взял Бургдорфа за руку и вывел его из комнаты.

Это было последним появлением начальника службы армейского персонала, который сделал так много для того, чтобы германская армия стала послушным инструментом Гитлера. На пути назад к канцелярии Бургдорф застрелился.

В тот же самый час шесть групп из убежища под канцелярией осторожно двигались через тлеющий город, сопровождаемые непрерывным громом русской артиллерии. В убежище остались только Кребс и один офицер СС. Они распили бутылку и приготовились свести счеты с жизнью. Группы, которые включали и мужчин и женщин, перемещались одна за другой с короткими

интервалами. Борман был в третьей группе. Все, кроме одного человека – Наумана, погибли в ходе этой попытки или попали в руки русских войск.

Эмиссары Фритцше оставили министерство пропаганды незадолго до полуночи. Шли часы. Все больше мужчин, женщин и детей набивалось в подвал. Фритцше распределил пищу и проследил, чтобы склады алкоголя были разрушены, – он узнал, что русские солдаты были наиболее недисциплинированы в пьяном состоянии.

На рассвете 2 мая эмиссары возвратились. Решительный немецкий майор провел их через линию фронта, они отнесли сообщение Жукову, и им сказали, что Фритцше должен прибыть лично. С ними пришел русский полковник, чтобы отвести эту группу назад на территорию, занятую русскими. Группа Фритцше достигла линии фронта и пересекла ее, затем русские забрали их и отвезли к советскому командному пункту около аэропорта Темпельхоф.

Русский офицер начал допрашивать Фритцше около шести часов утра 2 мая. Но немного позже допрос прекратился и не был возобновлен. Роль Фритцше закончилась. Генерал Вейдлинг, командующий берлинским гарнизоном, только что сдался в плен и предложил сдать Берлин.

Генерал Вейдлинг отдал приветствие и сел на тот же самый стул, на котором Кребс сидел двумя днями ранее. Он сказал немного. Прочитал акт капитуляции, который генерал Чуйков положил перед ним. Подписался, хотя его рука дрожала. Ему вручили второй лист бумаги, и он прочитал:

«Берлин, 2 мая 1945 г.

30 апреля фюрер, которому мы поклялись в преданности, оставил нас. Но вы все еще думаете, что должны следовать его приказам и сражаться за Берлин, даже при том, что нехватка оружия и боеприпасов и сама ситуация в целом делают эту борьбу бессмысленной!

Каждый час, когда вы продолжаете бороться, добавляет ужасные страдания населению Берлина и нашим раненым. По согласованию с командованием советских войск я прошу, чтобы вы прекратили борьбу!

Подпись: генерал Вейдлинг,
командующий районом обороны Берлина».

Вейдлинг подписался снова. Потом поднялся. Его сопровождали на улицу, и русский автомобиль разведки увез его в русский лагерь для военнопленных.

Русские громкоговорители и русские рекламные листки разнесли прокламацию Вейдлинга над руинами и огнем в немецкие войска, которые все еще сражались в Берлине. Большинство войск Вейдлинга последовало его призыву и сдалось. Некоторые слились с гражданским населением или пробовали прорваться к западу. Другие все еще продолжали сражаться.

Многочисленные части в западных предместьях пробовали сбежать из города, предпринимая массированные вылазки. Гражданские жители присоединялись к ним повсюду. Женщины с детьми на руках приняли участие в их атаках и погибли. Офицер дивизии Мюнхеберг, дневник которого был процитирован ранее, был в одной из этих частей. Он записал следующее:

«1 мая. Мы находимся в аквариуме. Повсюду, куда я смотрю, воронки от снарядов. Улицы дымятся. Запах разложения временами невыносим. Вчера вечером, этажом выше нас, какие-то офицеры полиции и солдаты праздновали свое прощание с жизнью, несмотря на артобстрел. Этим утром мужчины и женщины лежали на лестнице пьяные, сжимая друг друга в объятиях. Через отверстия от снарядов на улицах можно смотреть вниз на туннели подземки. Выглядит так, будто мертвые лежат там в несколько слоев. Каждый на нашем командном пункте ранен не один раз; генерал Муммерт держит свою правую руку на перевязи. Мы похожи на ходячие скелеты. Наши радисты слушают все время – но нет никаких сообщений,

никаких новостей. Только слух, что Гитлер умер в сражении. Наша надежда уменьшается. Все, о чем мы говорим, – это не быть взятыми в плен, прорваться на запад, если Гитлер действительно мертв. Гражданские жители также не имеют никакой надежды. Никто больше не упоминает Венка.

День. Мы должны отступить. Мы помещаем раненых в последний бронированный автомобиль, который имеем в запасе. Все говорят, что в дивизии теперь пять танков и четыре полевых орудия. Поздно днем – новые слухи, что Гитлер мертв и обсуждается капитуляция. Это – все. Гражданские жители хотят знать, будем ли мы прорываться из Берлина. Если будем, то хотят присоединиться к нам. Я не забуду их лица.

Русские продолжают продвигаться в метрополитене и затем появляются из туннелей подземки где-то позади наших линий. В интервалах между стрельбой мы можем слышать крики гражданских жителей в туннелях.

Давление становится слишком тяжелым, мы снова должны отступить. В подвалах – вопли раненых. Нет больше анестезирующих средств. Женщины вырываются из подвала, их кулаки прижаты к ушам, потому что они не могут выдержать крики раненых.

2 мая. Никакой остановки. Землю встряхивает беспрестанно. Ночные бойцы наверху; мы слышим их автоматные очереди и взрывы осколочных гранат. Наконец мы вступаем в контакт с группой, оставшейся от 18-й бронетанковой пехотной дивизии. Мы спрашиваем, будут ли они участвовать в прорыве. Они говорят нет, потому что не получили приказа сверху.

Мы снова отступаем. Мы посылаем наших разведчиков на запад, чтобы найти путь для прорыва. Днем русские самолеты сбрасывают листовки о капитуляции. Советские громкоговорители выкрикивают обращение генерала Вейдлинга о том, что мы должны сдаться, – возможно, оно подлинное, возможно, нет. Зенитные орудия на бомбоубежище зоопарка все еще стреляют. Какие-то потрепанные гражданские жители и пехотинцы, которые

прошли через русские линии, присоединяются к нам. Они все ранены, даже женщины. Они молчаливы, едва ли обмолвятся словом о том, что видели на другой стороне. 18-я бронетанковая пехотная дивизия прислала весточку, что часть из них теперь присоединится к нам.

3 мая. На рассвете мы атакуем на мосту, ведущем на запад. Он находится под огнем тяжелой русской артиллерии, его можно пересечь только бегом. Мертвые лежат на всем его протяжении и раненые, которых некому подобрать. Гражданские жители всех возрастов пробуют пересечь мост; они застрелены и лежат рядами. Наши последние бронированные автомобили и грузовики прокладывают путь через груды искривленных человеческих тел. Мост затоплен кровью.

Тыловое охранение отступает. Они хотят пойти на запад, не хотят быть убитыми в последний момент. Командование развалилось. Генерал Муммерт отсутствует. Наши потери тяжелы. Раненые остаются там, где падают. Больше гражданских жителей присоединяется к нам.

4 мая. Позади нас Берлин в огне. Многие другие части все еще должны сражаться. Небо красное, его прорезают яркие вспышки. Русские танки повсюду вокруг нас и непрерывный грохот автоматов. Мы немного пробиваемся вперед в ближнем бою. Мы встречаем колонны беженцев. Они плачут и просят о помощи. Мы – на пределе сил. Наши боеприпасы израсходованы. Часть разбивается. Мы пробуем продолжить прорыв маленькими группами».

Это было концом одной дивизии в сражении за Берлин. Все другие части, которые пробовали прорваться, постигла та же самая судьба. Только нескольким мужчинам удалось спастись.

Пойманные в Берлине отдали себя в руки победителей. Усталые, безразличные, выжившие солдаты и мужчины из народной армии вышли из подвалов и туннелей. Они смотрели в странные лица завоевателей, затем сформировались в бесконечные колонны и пошли на восток.

Позади них осталось население Берлина, которому было суждено перенести теперь знакомую судьбу побежденного.

Войска Венка, занятые в тяжелом бою к югу от Потсдама, ничего не знали о драматических событиях в Берлине. Давление русских росло час от часу, но молодые войска вжимались в землю и поддерживали клин, который вели вперед.

30 апреля последние части гарнизона Потсдама убежали на шлюпках и баржах через цепь озер к югу от города и присоединились к войскам Венка. Даже теперь колонны беженцев все еще перемещались на запад позади немецкого фронта, бок о бок с конвоями раненых солдат. Челночные поезда продолжали ходить между фронтом и рекой Эльбой, несмотря на постоянные воздушные атаки. Члены швейцарского посольства и швейцарской колонии в Берлине и части штата датского посольства бежали к Эльбе наряду с немцами.

Венк спешил от одного сектора к другому. Он заметил признаки растущего истощения и объяснил своим солдатам, почему им необходимо держаться: потоки беженцев должны получить время, чтобы достигнуть реки Эльбы, и 9-я армия, если бы ей удалось прорваться, нуждалась бы в их поддержке. И его войска ответили.

Ночь 30 апреля прошла в упорных боях. Но в ранние часы 1 мая ракеты взлетели в небо перед войсками Венка приблизительно в 16 километрах к югу от Потсдама. Головной отряд 9-й армии приближался к линиям Венка. Через несколько часов наступающие части войск Венка и Буссе встретились.

Превосходящие русские силы давили с обеих сторон. Но когда наступила ночь, генерал Буссе и остатки его 9-й армии пробившись из окружения и шли за немецкий фронт.

Их было, возможно, тридцать тысяч человек. С ними прибыло множество гражданских жителей, которые цеплялись за войска. Начальник штаба Буссе был убит. Бесчисленные солдаты и гражданские жители по пути

умерли или были пленены. К 9-й армии также присоединились женщины, несущие своих детей.

В тот момент, когда солдаты 9-й армии достигли линий Венка, силы оставили их, и они свалились там, где стояли. Ни суровый приказ, ни угроза наказания, ни предупреждения, что 12-я армия сама не могла продержаться дольше, не подняли их на ноги. Они были без сил и не могли больше маршировать. Венк не имел иного выбора, кроме как использовать небольшой транспорт, который он имел в запасе, чтобы отвезти их к берегам Эльбы. Челночные поезда сделали остальное.

3 мая, когда транспортировка 9-й армии шла полным ходом, началось отступление по всему фронту. За пределами Эльбы, в тылу армии Венка, американские войска наблюдали в бездействии. Они все еще препятствовали массам гражданских беженцев пересекать реку. Только маленьким группам это удавалось под покровом ночи. И представитель Международного Красного Креста, случайно оказавшийся в секторе Венка, устроил так, чтобы несколько транспортов с ранеными солдатами пересекли реку. Но теперь, когда разоруженные солдаты 9-й армии стали собираться на восточном берегу реки, ситуация призвала к решению.

Пока Венк не решался предлагать американцам капитуляцию своих войск. 2 мая он узнал о смерти Гитлера и получил радиосообщение от Дёница для группы армий «Висла» с приказом сдаться западным войскам, если представится возможность. Прежде чем спасение 9-й армии было закончено, он не имел возможности делать заявления о капитуляции своих войск. Но теперь, когда началось его собственное отступление, пришло время предложить капитуляцию.

4 мая эмиссары Венка во главе с графом фон Эдельсхеймом пересекли реку. Они были вежливо приняты на тихом американском фронте, и их сопроводили в штаб 9-й армии США в городе Штендале. Они принесли с собой письменное предложение о капитуляции, которое включало следующие пункты: 1) 12-

я армия прекращает сражаться против западных противников;

2) 12-я армия продолжит борьбу против восточных противников до последнего комплекта боеприпасов;

3) 12-я армия просит, чтобы командующий 9-й армией США позволил свободно пересечь реку невооруженным гражданским лицам, сопровождающим армию, и бездомным гражданским жителям, бегущим от русских; 4)

12-я армия просит принять раненых и больных и разрешить войскам пересечь реку в трех указанных пунктах.

Беженцы и остатки 9-й армии ждали на берегу Эльбы возвращения фон Эдельсхейма. Грохот русской артиллерии на востоке становился все ближе. Четыре немецкие дивизии все еще участвовали в кровавых оборонительных боях вдоль постоянно сжимающегося фронта.

Фон Эдельсхейм возвратился через несколько часов. Командующий 9-й армией США принял предложение Венка – с двумя критическими замечаниями: он отказался предоставить любую помощь в пересечении реки и позволить пересечь реку гражданским жителям и беженцам.

Венк попросил, чтобы фон Эдельсхейм повторил второе утверждение. Он не мог понять, почему его сражающиеся войска получили свободный проход, в то время как беспомощным беженцам суждено попасть в руки русских, от которых они бежали, преодолев сотни километров, через лед, снег, опасности и страдания.

Но фон Эдельсхейму было дано только решение, без объяснения причин его принятия. Ни он, ни Венк не знали, почему американцы остановились на Эльбе. Они знали о Касабланке и Тегеране, но они ничего не знали о Ялте.

Венк был уверен, что он переправит свои войска через реку без помощи американцев. Первое исключение к его

предложению не беспокоило его. Второе беспокоило. И Венк легко не сдался.

Фон Эдельсхейм пересек Эльбу, чтобы снова договориться о судьбе беженцев. Он получил отказ, как и прежде, вежливый и, возможно, даже печальный, но тем не менее ясный. Его американские интервьюеры сообщали ему, что любое усилие посеять разногласия между западными союзниками и Советским Союзом бесполезно.

Фон Эдельсхейм доложил Венку, что, кажется, нет иного выхода для гражданских беженцев, как только по возможности большинство их переправить через реку среди войск тайно, вопреки желанию американцев.

Было бы бессмысленно не сдать 12-ю и 9-ю армии из-за того, что гражданским жителям не разрешали пересечь реку. Отношение американцев не оставляло сомнений, что такой ультиматум будет вежливо отклонен и что войска останутся до их неизбежного разгрома. Жертва войск не помогла бы гражданским жителям в любом случае – напротив, борьба до последнего человека могла бы только ухудшить ситуацию.

Транспортировка через Эльбу раненых и разоруженных солдат и тыловых эшелонов началась ночью 4 мая. Венк лично прошел от одного места переправы до другого и устно приказал своим командирам по возможности брать с собой гражданских жителей.

До вечера 6 мая сражающиеся войска Венка успешно удерживали отступающий фронт. Затем боеприпасы стали заканчиваться. Русские предприняли прорыв и могли быть остановлены только с большим трудом. Венк приказал своим командирам ускорить эвакуацию и закончить ее к утру 7 мая и затем приготовить лодки и паромы для спасения войск. Хотя бои продолжались до последнего момента, операция прошла успешно.

Сам Венк переправился в вечерние часы 7 мая в надувной резиновой лодке под огнем русских автоматов. Приблизительно сто тысяч из его войск достигли лагеря для военнопленных у союзников, кроме того, были

переправлены десятки тысяч гражданских беженцев. Венк не знал, сколько людей осталось. Но он знал, что ничего, ничего не мог сделать, чтобы изменить судьбу тех, кого оставил позади.

Беженцы теперь тысячами пробовали пересечь реку самостоятельно на плотках, сплавленном лесе, ящиках. Некоторые, возможно, находили лодки, преднамеренно оставленные войсками. И многие из них встретили американских солдат на другом берегу, которые не понимали, почему должны преградить путь этим несчастным существам, глаза которых были наполнены страхом. Но большинство гражданских жителей было отвезено назад.

Вскоре после шести часов вечера 30 апреля адмирал Дёниц узнал, что стал преемником Гитлера. Эта новость не была для него неожиданной. Но говорят, что с этого момента на его лице отразилась слабость и его плечи как будто согнулись под бременем, которое вынудило его действовать самостоятельно.

Дёниц вызвал Кейтеля и Йодля в свой штаб, который в это время располагался в лагере около маленького города в восточной части Шлезвиг-Гольштейна. С ним был маленький штат, включая Шверина фон Крозигка, секретаря по финансам.

Адъютант Дёница, Людде-Нойрат, оставил сухое сообщение об обсуждениях, которые имели место в комнатах Дёница между 1 и 2 мая. Это сообщение согласуется с более поздними утверждениями Шверина:

«С момента, когда Дёниц занял пост, он видел свою первую задачу в окончании войны как можно быстрее, чтобы избежать далее бессмысленного кровопролития с обеих сторон.

Казалось, что были две радикально различные возможности.

Первая – капитуляция, вторая – просто прекращение боевых действий. Вопрос о том, не было ли второе решение, возможно, более простым и более благородным,

был обсужден подробно. Этот пункт обнажил серьезные внутренние конфликты. Горечь от безоговорочной капитуляции и ее отвратительных последствий была известна.

Однако после скрупулезного взвешивания всех факторов Дёниц вынес решение в пользу официальной капитуляции, которой управляют сверху. И привело его к этому то, что можно было избежать дальнейшей потери крови и собственности, предотвратить хаос, к тому же победители окажутся в рамках определенных обязательств.

Оставался лишь вопрос о том, как могла быть достигнута такая капитуляция.

Начиная с конференции Рузвельта и Черчилля в Касабланке было известно, что союзники признают только безоговорочную капитуляцию одновременно на всех фронтах. Такая капитуляция подразумевала, что движение всех германских войск остановится сразу. Но восточные армии не выполнили бы ее при любых обстоятельствах. Подпись под документом, воплощающим такие сроки, оказалась бы бессмысленной, и новое правительство было бы не способно выполнить обязательства, принятые своим самым первым официальным актом.

Оставался только один возможный курс действия: отступление восточных сил с как можно большим числом беженцев к демаркационной линии, которая была теперь известна. Эта операция потребовала бы по крайней мере восьми – десяти дней. В течение этого времени была бы продолжена эвакуация через Балтийское море из Гданьского залива, из Курляндии и из котлов вдоль померанского побережья.

Тем временем были бы предприняты усилия на западе, чтобы достигнуть частичной капитуляции».

В то время как продолжались эти обсуждения, события шли своим чередом. Быстрое наступление Монтгомери вынудило Дёница оставить свой штаб и переместиться на север в город Фленсбург на датской границе, чтобы получить по крайней мере еще несколько дней свободы

действия. Перед отъездом он приказал, чтобы гамбургская радиостанция объявила о смерти Гитлера для нации. Объявление звучало так: «Из штаб-квартиры фюрера сообщается, что наш фюрер, Адольф Гитлер, умер днем 1 мая в своем командном пункте в канцелярии в Берлине, сражаясь с большевизмом до последнего дыхания. 30 апреля фюрер сделал своим преемником адмирала Дёница».

И позже ночью последовало собственное воззвание Дёница: «Мужчины и женщины Германии, солдаты германской армии! Наш фюрер, Адольф Гитлер, умер в действии. <...> В этот роковой час, полностью осознавая мою ответственность, я принимаю руководство нацией. Моя первая задача состоит в том, чтобы спасти немецкий народ от уничтожения большевистским врагом. Борьба продолжает служить только этой цели. Но пока эта цель отклоняется американцами и англичанами, мы должны защищать себя также и от них. Дёниц».

Это официальное обращение было программой Дёница. Оно было обращено к западным державам даже больше, чем к немецкому народу.

Это было его первое заявление – почти умоляющее по тону – о том, что он намеревался делать. Одновременно с его публикацией Дёниц уполномочил все части группы армий «Висла» использовать любую возможность для сепаратной капитуляции перед западными державами. Затем он уполномочил одного из своих пользующихся наибольшим доверием военно-морских офицеров, адмирала фон Фридебурга, искать контакт с маршалом Монтгомери и попытаться достигнуть капитуляции армий в Северной Германии перед западными союзниками.

В день смерти Гитлера армии Рокоссовского продолжали продвигаться в Северной Германии. 21-я армия и 3-я танковая армия таяли под русским давлением.

Фон Типпельскирх, действующий командующий группой армий «Висла», все еще ждал прибытия преемника Хенрици, генерала Штудента. Он не видел никакой другой возможности, кроме вывода своих войск в быстро

сжимающуюся область между балтийским побережьем и северными пределами Эльбы. Он планировал оказать сопротивление русским везде, где это было необходимо, чтобы прикрыть беженцев в его секторе. В конце он так или иначе сдал бы свои войска британским войскам с другой стороны Эльбы.

Но днем 30 апреля английские и американские самолеты внезапно появились в массивных формированиях над Северной Германией и атаковали движение на дорогах. Они поражали скудные тыловые эшелоны и отступающие боевые войска группы армий «Висла» и массы беженцев, переполнявших дороги, леса и поля. И 1 мая части Монтгомери и американские части, поддерживающие их, пошли в наступление к востоку от Эльбы по широкому фронту. Ясно, что через день или два все германские войска, оказавшиеся между русским и англоамериканскими фронтами, были уничтожены или пленены.

Генерал Штудент достиг штаба группы армий «Висла» в полдень 1 мая. Действующий командующий группой армий, которая почти распалась, оставил свой пост согласно военному ритуалу и традиции, и генерал Штудент принял командование. Фон Типпельскирх возвратился в штаб 21-й армии.

Полковник фон Варнбюлер, начальник штаба 21-й армии, уже вступил в контакт с американским командованием. Он встретил бронетанковое острие американских войск, и они отвели его к генералу Гэвину, командиру американской 82-й пехотной дивизии.

Гэвин встретил немецкого офицера любезно, но отклонил запрос, чтобы раненым солдатам и гражданским беженцам позволить пройти через американские линии, на том основании, что такая процедура будет означать помощь немцам против Советов.

Немец спросил, будет ли принята капитуляция 21-й армии западными державами. Гэвин ответил, что единственная капитуляция, которая будет принята, – это безоговорочная капитуляция перед всеми союзниками и войска, которые

не сражались ни с кем, кроме Советов, станут пленниками Советов. Но Гэвин выслушал спокойно объяснения фон Варнбюлера и через некоторое время прервал беседу, чтобы войти в контакт с более высоким штабом.

Когда Гэвин возобновил обсуждение, он, очевидно, действовал по инструкциям, полученным из штаба маршала Монтгомери, – он пояснил, что в случае безоговорочной капитуляции при определенных условиях, возможно, войска 21-й армии будут взяты в плен американскими и английскими силами. Но это был пункт, который мог быть обсужден только непосредственно с фон Типпельскирхом.

Фон Типпельскирх поехал на американский командный пункт без задержки. Колонны беженцев по дорогам просачивались через американские линии повсюду – очевидно, никто не отдавал приказа останавливать их.

Беседа немедленно затронула главную проблему.

– Мои войска, хотя они дисциплинированные, – сказал фон Типпельскирх Гэвину, – не будут выполнять мой приказ сдаться русским. Они не боятся встретить русских на поле боя, но они боятся обращения, с которым к ним отнесутся в русских лагерях для военнопленных. Если я прикажу сдаться на востоке, то сразу возникнет хаотическое массовое бегство на запад с последствиями, которые вы можете легко вообразить. Русские, вероятно, напали бы на мои бегущие войска и начали резню среди них и гражданских жителей на всех дорогах.

Гэвин молчал. Через некоторое время он спросил:

– А что вы задумали?

– Я должен быть в состоянии продолжить борьбу против русских, – ответил фон Типпельскирх. – Я должен быть в состоянии воспрепятствовать русским проникать в мои линии и дать моим войскам шанс переместиться на запад, пока они не достигнут ваших линий, не будучи рассеянными русскими. Если это можно сделать, то мои войска не сделают ни одного выстрела в вашем

направлении и сложат оружие, как только встретят ваши войска.

Гэвин покачал головой:

– Это невозможно для нас – позволить продолжать бои на вашем Восточном фронте, в то время как мы здесь за спиной наших союзников заключаем соглашения с вами...

Фон Типпельскирх глубоко задумался. У него сложилось впечатление, что американец не против удовлетворить его запросы, но ему мешали формальные обязательства перед Советским Союзом.

– Разве мы не можем найти формулировку, – сказал фон Типпельскирх, – в которой не будет никакого упоминания о ваших русских союзниках? Если бы мы могли ограничиться заявлением о моем обязательстве сделать так, что мои войска сложат оружие, когда достигнут ваших линий...

– Сформулируйте это, – предложил Гэвин. – Я посмотрю, будет ли это приемлемо для моих начальников.

Фон Типпельскирх написал: «21-я армия продолжает отрываться от врага, предотвращая попытки русских прорваться через ее линии. Все мужчины, которые в течение этого отступления встретятся с английскими или американскими войсками, сложат оружие и станут пленными этих войск».

Гэвин взял бумагу и внимательно прочитал ее, сделал несколько исправлений и затем прервал беседу. Фон Типпельскирх ждал с отчаянным беспокойством. Но только спустя полчаса прибыл ответ, по-видимому, из штаба Монтгомери. Формулировка была принята.

– Вы не хотите остаться прямо сейчас в качестве нашего пленного? – спросил генерал Гэвин.

Но фон Типпельскирх возвратился в свой штаб. Он добрался до него вскоре после полуночи. На рассвете приказы, воплощающие соглашение, достигли каждого солдата 21-й армии. Они были сообщением о спасении.

Утром 3 мая колонны Рокоссовского возобновили атаку с новой энергией. К полудню того же дня первые советские танки появились перед американскими линиями. Но более ста тысяч германских солдат к тому времени вошли в американские лагеря для военнопленных.

Удача этих ста тысяч была куплена высокой ценой. Американские войска, чтобы сохранить контроль за перемещением, отделили гражданских жителей и заставили их ждать вдоль дорог, пока солдаты не пройдут торжественным маршем. Этот марш длился слишком долго. Ни один из гражданских жителей не избежал плена русских, которые следовали по пятам германских войск.

21-я армия спаслась. Подобным же способом и 3-я танковая армия встретила с силами маршала Монтгомери и просочилась через их линии.

Когда адмирал фон Фридебург, эмиссар Дёница, встретил маршала Монтгомери, чтобы предложить капитуляцию войск в Северной Германии, он ничего не знал о событиях, которые только что произошли. Поэтому его предложение касалось 3-й танковой армии и 21-й армии.

Монтгомери с непроницаемым лицом заявил, что должен отклонить капитуляцию германских армий, которые сражались исключительно против русских. Относительно германских войск, оказавшихся перед его линиями, продолжал Монтгомери, он готов принять капитуляцию всех сухопутных, морских и воздушных сил на все еще оспариваемых территориях к западу от Эльбы.

Фон Фридебург, скрывая потрясение, заявил, что он не имел никаких полномочий предлагать капитуляцию войск в Голландии и Дании. Он запросил бы эти полномочия и, без сомнения, получил их. Но адмирал Дёниц не желает жертвовать немцами к востоку от Эльбы и по этой причине еще не может сдать германский флот, так как еще оставались войска в Курляндии, Восточной Пруссии и Померании, которые только флот мог спасти от русских.

Монтгомери позволил фон Фридебургу закончить. Затем он ответил, что безоговорочная капитуляция всех войск –

сухопутных, морских и воздушных – неизбежна. Германское правительство имеет выбор только между да и нет. Относительно германских наземных войск в Северной Германии он, Монтгомери, не имеет возможности принимать капитуляцию войск, которые сражались только против Советов. Но Монтгомери продолжил, что он мог принять только следующую формулировку: «Любой военный служащий германской армии, который прибывает в сектор 21-й британской группы армий с востока и пожелает сдаться, будет взят как пленный».

Фон Фридебург вздохнул с облегчением. Монтгомери продолжил, что не было никакой необходимости обсуждать вопрос о гражданских беженцах и капитуляция германского флота не обязательно означала, что эвакуация через Балтийское море должна быть немедленно остановлена.

Утром 4 мая Дёниц принял условия Монтгомери.

Дух понимания фон Фридебурга, с которым он столкнулся в штабе Монтгомери, дал новую надежду Дёницу и его группе. В то же самое время они узнали, что британский маршал Александер принял капитуляцию немецких войск в Северной Италии.

Дёниц решил теперь предпринять попытку частичной капитуляции армий в Южной Германии под командованием фельдмаршала Кессельринга. Это касалось не только войск, выступавших против американских войск в Австрии и Германии, но также и армий, воевавших против Советов на Балканах и в Чехословакии. Но Кессельринг сообщил, что генерал Эйзенхауэр настоял на капитуляции всех сил перед англичанами и американцами так же, как и перед русскими.

Дёниц установил радиосвязь со штабом генерала Эйзенхауэра. Ему сообщали, что генерал желал принять адмирала фон Фридебурга в городе Реймсе 5 мая.

Самолет фон Фридебурга прилетел в Брюссель 5 мая. Союзнический автомобиль привез его в Реймс. Он был

принят начальником штаба Эйзенхауэра, генералом Смитом. Сроки капитуляции были уже оговорены в письменной форме. Эйзенхауэр потребовал безоговорочной капитуляции всех германских войск одновременно перед всеми союзниками.

Фон Фридебург пробовал объяснить генералу Смиту то, что он объяснил маршалу Монтгомери. Но Смит не отреагировал. Он сказал, что единственный выбор был между да и нет. Фон Фридебург указал на частичную капитуляцию в Северной Германии. Смит ответил, что это была тактическая мера, вовлекшая отдельные части, в то время как теперь обсуждалась полная капитуляция всех германских воюющих войск.

Эта капитуляция, согласно соглашениям среди союзников, могла быть произведена только таким образом, который предписывал генерал Эйзенхауэр.

Фон Фридебург вынужден был ответить, что его власть не достаточна, чтобы принять условия так, как они были поставлены. Он вошел в контакт с адмиралом Дёницем, который решил послать в Реймс Йодля, чтобы продолжить обсуждение. Почему он выбрал Йодля, никогда не станет достаточно ясно.

Йодль прибыл в Реймс 6 мая. В присущей ему холодной, безличной манере он повторил аргументы, которые предложил фон Фридебург. Он указал на то, что сроки генерала Эйзенхауэра явно предполагали, что все войска должны были остаться на позициях, которые они занимали в момент капитуляции. Но германское Верховное командование просто не могло гарантировать, что германские войска, оказывающиеся перед советскими войсками, будут соблюдать это условие. Этот факт создал дилемму, при которой германское правительство не имело никакого выбора, кроме как оставить мысль о капитуляции и позволить событиям идти как они идут – а это означало хаос. Он, Йодль, приехал в Реймс, главным образом, чтобы заявить об этой дилемме и просить у американцев помощи в ее решении.

– Вы играли по очень высоким ставкам, – сказал Смит, когда Йодль закончил. – Когда мы пересекли Рейн, вы проиграли войну. И все же вы продолжали надеяться на разногласия между союзниками. Таких разногласий не было. Я не нахожусь в том положении, чтобы помочь вам выпутаться из трудностей, которые выросли из этой вашей политики. Я должен поддержать существующие соглашения между союзниками. Как солдат, я связан приказами. – Он посмотрел на Йодля и закончил: – Я не понимаю, почему вы не хотите сдаться нашим русским союзникам. Это был бы лучший выход для всех заинтересованных сторон.

– Даже если вы правы, – ответил Йодль, – мне не удастся убедить в этом ни одного немца.

Но американские условия остались неизменными. Йодль в отчаянии предложил капитуляцию в два этапа: американцы должны установить дату, после которой больше не будут вестись бои, и другую дату, после которой больше не будут передвигаться войска. Он указал, что потребуется не меньше сорока восьми часов, чтобы приказ сдаться достиг широко рассеянных германских войск. Если бы капитуляция была подписана днем 8 мая, то она не вступила бы в силу до полудня 10 мая.

Генерал Смит покинул комнату, чтобы представить эти предложения генералу Эйзенхауэру. Он возвратился почти сразу и сообщил, что Эйзенхауэр потребовал немедленно подписать документ о капитуляции, заявив, что капитуляция вступит в силу не позже полуночи 9 мая, и дал Йодлю полчаса, чтобы обдумать это.

– Если вы откажетесь, то обсуждение будет считаться законченным. Вы тогда будете иметь дело только с русскими. Наши военно-воздушные силы возобновят операции. Наши линии будут закрыты даже для отдельных германских солдат и гражданских жителей.

Йодль, бледный как смерть, встал.

– Я пошлю радиодонесение маршалу Кейтелю, – сказал он напряженным голосом. – В нем будет сказано: «Мы

подписываем, или будет общий хаос».

Ответ пришел в половине второго утром 7 мая: «Адмирал Дёниц разрешает поставить подпись под капитуляцией на утвержденных условиях. Кейтель».

Час спустя Йодль и фон Фридебург вошли в комнату, где должен был быть подписан документ о капитуляции. Представители сил союзников собрались вокруг простого стола. Четыре копии документа о капитуляции в простых серых бумажных обложках лежали на нем.

Лицо генерала Эйзенхауэра выражало отвращение, если не презрение. Через переводчика он спросил Йодля, все ли пункты в документе ясны. Йодль ответил, что они ясны.

Снова через своего переводчика Эйзенхауэр заявил:

– Вы будете считаться ответственным, официально и лично, за любое нарушение условий этой капитуляции, включая условия официальной капитуляции перед Россией. Германский Верховный командующий появится для капитуляции перед русскими в то время и том месте, которое определит русское Верховное командование. Это – все.

Эти четыре документа были подписаны двумя авторучками, которые генерал Эйзенхауэр зарезервировал с этой целью, начиная со своего приземления в Африке.

Йодль поднялся. Сначала на английском языке, затем продолжив на немецком языке, он сказал:

– Сэр, с этой подписью германская нация и германские вооруженные силы оказались во власти победителей. В этой войне, которая длилась в течение пяти лет, обе стороны выполнили больше и, возможно, пострадали больше, чем любая другая нация на земле. В этот час мы можем только надеяться, что победители будут великодушными.

Ответа не последовало. Йодль покинул комнату.

Генерал Эйзенхауэр также оставил комнату. Он ехал с гордым чувством, что пережил самый великий час своей жизни, час венчающей победы. Он ехал со знанием того,

что теперь стоял на пороге того объединенного мира, на который он и его люди надеялись и за который сражались.

На севере датской границы адмирал Дёниц сформировал «действующее правительство». Он не следовал списку, составленному в заключительном послании Гитлера. Он отклонил Риббентропа, и Риббентроп исчез где-то в Гамбурге. Розенберг отказался с начала и нашел убежище в качестве пациента ближайшего госпиталя.

Человек, который с самым большим постоянством боролся за пост, был Гиммлер. 6 мая Дёниц, наконец, решил лишить Гиммлера всех его многочисленных постов. Но Гиммлер осадил приемную Дёница, пока Шверин фон Крозигк, наконец, не сказал ему:

– Вы думаете, что существующее состояние дел пройдет через несколько месяцев. В течение этого времени вы попытаетесь скрыться. Но не дело для имперского руководителя СС быть пойманным с поддельными документами и фальшивой бородой. Единственное, что вы можете сделать, – это пойти к Монтомери и сказать: «Я здесь». И затем вам придется взять на себя ответственность за ваших людей из СС.

Гиммлер слушал в тишине. На следующее утро он исчез – попробовал скрыться среди немецких солдат.

Но английский персонал идентифицировал его немного позже, и он принял капсулу с ядом, которая была при нем.

8 мая Дёниц получил инструкции из Реймса, чтобы послать в Берлин делегацию для подписания заключительного документа о капитуляции. Группа включала Кейтеля и фон Фридебурга. Союзники были представлены советским маршалом Жуковым, британским маршалом авиации Теддером, американским генералом Спаацем и французским генералом де Латтром де Тассини. Подписание состоялось вскоре после полуночи 9 мая 1945 г. в тихом зале заседаний, не нарушаемое звуками убийства, грабежа и насилия, которые расползлись по руинам тлеющей столицы.

Глава 8

Восстание в Праге

В первые дни марта фронт группы армий Шёрнера пребывал в бездействии по линии, приблизительно параллельной северной границе Чехословакии и отступающей в юго-восточном направлении из Дрездена в Саксонии вниз к Западной Бескиде около Кракова в Польше. Но к концу месяца русское наступление отбросило 1-ю танковую армию Шёрнера назад, продвинулось к Брюнну в самом сердце Чехословакии и отрезало его от группы армий «Юг» в Южной Чехословакии и Западной Венгрии. После этих завоеваний русское продвижение замедлилось снова, оставляя немцев в неуверенности, хотели ли Советы взять группу армий Шёрнера в двойной охват или готовили наступление на Австрию.

Отступление 1-й танковой армии сопровождалось отступлением 17-й армии в Остраве в Северной Чехословакии. Горячо оспариваемая индустриальная область попала к русским. Километр за километром они пробивали свой путь через бурные горные кряжи Карпат.

Только 4-я танковая армия Шёрнера, удерживая свой левый фланг в Силезии к югу от осажденного Бреслау, видела относительную активность противника. Но в начале апреля начали множиться признаки того, что группа армий Конева готовилась к новому и мощному продвижению в этом секторе.

Фон Натцмер, начальник штаба Шёрнера, знал, что 4-я танковая армия не могла противостоять русскому нападению, если не получит подкрепление. Даже сам Шёрнер должен был признать, наконец, что соотношение сил врага к его собственным было таким, что угрожало катастрофой. 15 апреля он летал в Берлин. Но там он услышал новости о том, что в течение последних двадцати четырех часов отчаянное сражение бушевало в секторе группы армий «Висла». Ясно, что не было никакой

надежды на подкрепление на силезском фронте. Шёрнер возвратился с пустыми руками.

Меньше чем через двенадцать часов началось русское наступление на реке Одере. Войска Конева прорвались через фронт 4-й танковой армии и перерезали контакт Шёрнера с 9-й армией на севере. Но затем русские повернули на север для атаки на Берлин, и войска Шёрнера наслаждались периодом благодати.

Русское наступление развивалось настолько быстро, что настигло сотни тысяч гражданских жителей. Внезапно дороги были заполнены беженцами. У некоторых, кто знал о мерах русских, принятых к востоку от Одера, создалось впечатление, что в Саксонии Красная армия проявляет большую сдержанность, чем она показала в других местах. Гвардейские дивизии Конева демонстрировали моменты сдержанности и дисциплины. Возможно, имелась политическая цель использовать эти войска в этом секторе – Саксония была старой коммунистической территорией. Но когда все сказано и сделано, различие было только одним из нюансов.

Это кажется невероятным, но все же случилось так, что окружной руководитель Мучман из Саксонии уже 25 апреля послал полицию на переправы через Эльбу в Мейсене, в 24 километрах к северо-западу от Дрездена, чтобы воспрепятствовать колоннам испуганных беженцев пересечь реку. Партийный руководитель Мейсена Бёме, который держал мосты открытыми для колонн беженцев и для своего населения, обвинялся в пораженчестве, поэтому Бёме совершил самоубийство. Он являлся исключением среди партийных чиновников, которые, как правило, повиновались, пока не пришел момент, чтобы сбросить свои партийные униформы и исчезнуть.

5 мая, незадолго до падения Дрездена, Мучман объявил, что крутой поворот судьбы недалек, что крупномасштабное немецкое нападение быстро отбросит русских на восток. Два дня спустя он сел в свой автомобиль и сбежал. Он был пойман русскими войсками, и дальнейшая его судьба неизвестна.

К концу апреля Конев начал отводить значительные силы с берлинского фронта и поворачивать их на юг. 4-я танковая армия подверглась сильному нажиму. Но в течение ночи 26 апреля Гитлер телефонировал из Берлина в штаб Шёрнера и дрожащим от волнения голосом приказал, чтобы силы Шёрнера немедленно маршировали на Берлин для «приведения сражения за столицу к победному концу».

Шёрнер спал в то время, и его начальник штаба фон Натцмер принял звонок. Вот его примечания о прочитанном: «Нападение на расстоянии большем чем 200 километров силами, которые не существовали нигде, кроме как в воображении Гитлера! На мои протесты, что все силы группы армий заняты, что нет ни боеприпасов, ни топлива, что нет никакого шанса на успешную атаку, я получал стереотипный ответ: «Все это не имеет значения. Нехватки должны быть устранены, сражение за Берлин должно быть выиграно». Гитлер отметил, что у него сложилось впечатление, что группа армий в состоянии активно атаковать, но не хочет. Невозможно было понять ситуацию более извращенно».

Спустя несколько дней после этой беседы 4-я танковая армия отступила на юг.

Перед линиями Шёрнера тем временем столица Силезии, Бреслау, встретила свою смерть. Нихофф, командующий цитаделью, наконец, понял, что он не может надеяться ни на какую помощь своему осажденному городу. Если бы американцы или британцы стояли в воротах, то его действия были бы очевидны. Но здесь войска также отказались сдать русским.

В последние дни марта Конев объявил, что если город не сдастся немедленно, то он поднимет шторм разрушения. На Пасху в субботу он стал выполнять свою угрозу. Начался артобстрел города, который загнал население в подвалы. Заградительный огонь достиг кульминационного момента в понедельник. Советские самолеты участвовали в бомбардировке. Бреслау вскоре превратился в море огня.

Генерал Нихофф оставил руины своего штаба в предместьях города и двинулся в подвалы университетской библиотеки. В день рождения Гитлера, 20 апреля, Нихофф появился среди населения, чтобы раздать шоколад женщинам и детям. Возможно, он думал о своей жене и детях и об указе Бормана и Гитлера, угрожающем смертью любому командующему цитаделью.

21 апреля молодые женщины Бреслау были призваны, чтобы служить вспомогательным средством для обороняющихся войск. Неизвестно кто – Нихофф или окружной руководитель Силезии Ханке – ответствен за этот шаг – вероятно, оба участвовали в этом. Но теперь стал проявляться дух восстания. В одном из предместий женщины с белыми флагами появились перед партийными чиновниками и потребовали прекратить борьбу. Окружной руководитель Ханке, конечно, арестовал лидеров группы. Но дух не мог быть подавлен. Он нашел адептов в четырех священнослужителях, пасторах Хорниге и Конраде, канонике Крамере и католике Суффрагане Ферхе. Утром 4 мая эти четверо попросили аудиенцию у генерала Нихоффа.

Генерал слушал спокойно, в то время как священнослужители представили свою просьбу. Пастор Хорниг закончил вопросом:

– Генерал, можете вы перед вашим вечным судьей взять ответственность за продолжающуюся оборону города?

Прошла минута болезненной тишины. Затем Нихофф сказал:

– Господа, что я должен сделать?

– Сдайтесь!

Генерал не ответил.

В полдень эти четверо мужчин уехали и возвратились в свои дома. Это отняло у них много времени, потому что низколетящие русские самолеты-истребители затрудняли продвижение.

Русские громкоговорители объявляли о новых и еще более сильных воздушных атаках. Они предупредили, что Бреслау будет снесен до основания, если немедленно не сдастся. Распространилась паника. Гражданские жители сформировались в группы, чтобы перебежать к русским линиям, избежав ливня огня, который готовился. Но генерал Нихофф не мог принять решение, пока события 5 мая не освободили его из неволи окружного руководителя Ханке.

Той ночью Ханке узнал о смерти Гитлера. Он пошел на взлетно-посадочную полосу в городе, сел в самолет и сбежал. Его последующая судьба остается невыясненной. Известно, что он оставил город, замаскировавшись под сержанта СС. Некоторые говорили, что он попал в руки чешских войск и был убит. Другие источники указывают, что он, как Кох, скрылся.

Утром 6 мая четыре клирика возвратились в штаб Нихоффа и попросили другой аудиенции с командующим цитаделью. Он принял их со словами:

– Вопрос уже решен в вашу пользу. Я только что начал переговоры с русскими.

Красные плакаты на затемненных дымом стенах города скоро сказали населению, что помощи извне ждать нельзя и что переговоры о капитуляции идут полным ходом. Город вздохнул с облегчением. Некоторые войска пробовали отчаянные вылазки; другие выбрасывали оружие и переодевались в гражданскую одежду. Перед рассветом 7 мая русские войска двинулись в город. Артобстрел и бомбежка прекратились. Музыка звучала из русских громкоговорителей.

До конца апреля Богемия, Моравия и Судеты были спокойными, как очарованный остров среди бушевавших вокруг бурь.

В марте 1939 г. чешские области Богемия и Моравия были превращены в протекторат при немецком доминировании. Будущие поколения, возможно, не увидят ничего необычного в разбивании территорий, которые

экономически принадлежали друг другу, пока такое разделение не используется как инструмент для подавления одной нации другой. Но германский акт 1939 г. удовлетворял только такой цели – подавлению чешской нации.

Чехи, само собой разумеется, были глубоко потрясены разрушением их национального существования. Огромное большинство немцев в Судетах не приветствовало этого. Многие из них происходили из семей, которые обосновались на чешской территории много поколений назад и достигли уровня жизни, который оставлял желать немногого. Создание протектората не принесло им никакого преимущества и не дало никакой власти.

Но своевольное отношение, хорошо рассчитанное, чтобы создать глубокую вражду, было импортировано многими немцами, которые теперь приехали из рейха как администраторы и контролирующие чиновники. Затем произошли пугающие события в Лидице. Протектор Гейдрих был убит. В свою очередь, Гитлер лично выпустил приказ, который призвал к мстительному массовому убийству. Большинство немцев в протекторате и, конечно, огромное большинство старых поселенцев были глубоко потрясены событиями в Лидице, охотой за подозреваемыми и убийством заложников. Но их шок был недостаточным, чтобы спасти их. Они также должны были нести ответственность за последствия.

В начале мая 1-я и 3-я армии США приблизились к чешской территории с запада. Днем и ночью их военно-воздушные силы появлялись в небе, наносили удары по железным дорогам и нарушали движение на шоссе. Несколько городов, среди них Эгер и Пилсен, были значительно повреждены с воздуха. Но все это было ничем по сравнению с тем, что продолжалось в других местах.

Таким образом, область была сочтена последним заповедником, лежащим на полпути к мирной жизни. Колонны беженцев из Силезии росли, и люди прибывали на каждую железную дорогу. Раненые солдаты прибывали

десятками тысяч. Бесчисленные правительственные учреждения двигались в протекторат, и германские военно-воздушные силы доставили большую часть оставшихся ресурсов, в частности немного первых реактивных самолетов, в аэропорты вокруг Праги. Совещания среди политических и промышленных руководителей проходили здесь в бесконечной процессии, и страна стала нерестилищем слухов. Был слух, что область будет полигоном для того нового чудо-оружия, которое принесет немцам победу, а другой слух был о том, что Шёрнер планировал превратить протекторат в последний опорный пункт немецкого сопротивления. Появились листовки, призывающие к формированию женского «Вервольфа». И конечно, игра в «народную армию» велась везде, где жили немцы. Западни для танков готовились в больших количествах. Замешательство царило повсюду в протекторате.

Замешательство также царило в голове генерала СС Карла Франка, действующего протектора Богемии и Моравии и абсолютного владельца земли. Франк, рабски преданный Гитлеру, принял власть после смерти Гейдриха, когда неспособный и бездействующий Далюге принял титул протектора.

Когда рухнул Северный фронт группы армий Шёрнера и одерский фронт к востоку от Берлина, Франк задумал превратить правительство области в чешский национальный орган. Новое чешское правительство, которое он имел в виду, должно было быть преобладающе антикоммунистическим, состоять главным образом из членов чешских правых групп, которые отклоняли как советское доминирование, так и немецкое правление. Наиболее вероятно, такое правительство встретило бы поддержку значительного большинства чехов.

Франк намеревался оставить страну после того, как такое правительство было сформировано, взяв с собой германские войска и полицию, правительственные учреждения, недавно прибывших немцев и старых поселенцев, которые хотели уехать. Он намеревался продемонстрировать западным державам, что

прокоммунистический курс бывшего президента Бенеша не представлял мнения большинства в Чехословакии. Он хотел вынудить западные державы занять ясную позицию не к национал-социалистическому марионеточному правительству, а к стране, которая была освобождена от немцев и теперь нуждалась в защите против новой угрозы, возникающей на востоке.

Никто не знает, куда привела бы реализация его плана. Никто не может сказать, заставил ли бы он Соединенные Штаты избежать дилеммы, к которой привела их политика Рузвельта. Это кажется маловероятным. Этот план, видимо, интерпретировался бы как другая попытка немцев посеять разногласия среди союзников.

В конце апреля Франк прибыл в Берлин и представил свой план Гитлеру. Он получил категорический отказ. Гитлер объявил, что он не мечтал об отказе от невредимого протектората, арсенала Германии и германских армий. Он объявил, что Богемия будет удержана любой ценой, и, так или иначе, намеревался закончить войну в течение нескольких следующих недель.

Теперь, как и всегда, Франк подчинился Гитлеру. Он возвратился в Прагу и запретил дальнейшее обсуждение своего плана. Он отпустил чешских лидеров, с которыми провел беседы, и ждал поворота судьбы, который обещал Гитлер.

Секретная служба Франка сообщила об увеличивающихся приготовлениях к восстанию чехов – не только коммунистов, которые получили оружие из России воздушным путем, но также и националистических групп, надеющихся на быстрое прибытие американцев. Франк ночью 30 апреля на музыкальном фоне барабана и горна выступил по пражскому радио с речью, в которой предупредил чехов, что он потопит восстание «в море крови». Даже Франк редко использовал более опрометчивый язык. Немцы в протекторате восприняли речь с глубоким беспокойством. Но они остались и ждали.

Ни Франк, ни немецкие поселенцы, ни любой человек в Германии не знали тогда об обмене радиосообщениями в

последней части апреля между генералом Эйзенхауэром и начальником штаба советской армии Антоновым. В этом обмене Антонов сделал все, что смог, чтобы воспрепятствовать американцам занять большую часть чешской территории. Коммунистическая Чехословакия могла быть создана, только если вся страна и прежде всего «золотой город Прага» будут освобождены Красной армией. Только тогда чешские националисты, или часть их, могли быть побеждены и использованы в целях Советов. Но русскому продвижению все еще мешали войска Шёрнера.

4 мая Эйзенхауэр радировал в Москву, что 3-я армия США готова двинуться в Чехословакию и Прагу и «зачистить всю территорию к западу от рек Эльбы и Молдау». В тот же самый день Антонов через американскую военную миссию в Москве «предложил» Эйзенхауэру «не продвигаться за линии Карлсбад – Пилсен-Будвейс», чтобы «избежать возможного беспорядка среди войск с обеих сторон». И Эйзенхауэр приказал, чтобы его войска не пошли дальше линии, установленной Антоновым.

День 1 мая наступил и прошел спокойно.

Вскоре после полуночи новости о смерти Гитлера достигли Праги. Каждая газета в городе – немецкая и подвергнутая цензуре чешская – вышла в траурных рамках и с напечатанными длинными хвалебными речами о человеке, который «умер, борясь до последнего».

Первые новости о восстаниях среди чехов достигли Праги в тот же день. Франк внезапно понял, что надежды, которыми вдохновило его посещение Берлина, не имели никаких оснований. На какое-то время он пал жертвой полного отчаяния, но затем доверился Дёницу. 3 мая он вылетел в штаб адмирала для совета.

Дёниц не дал ему больше нескольких минут. Адмирал чувствовал то же самое отвращение к Франку, которое он чувствовал к очень многим партийным лидерам. Он проинструктировал Франка поддерживать порядок в Праге, пока он мог, и объявить город открытым. Франк не упомянул о своих переговорах с чешскими лидерами.

Признаки восстания распространялись. В Восточной Чехословакии, где прибытие русских казалось неизбежным, чешские национальные флаги и еще более красные флаги реяли над городами и деревнями. Чешские железнодорожники вышли и оставили поезда, многие из которых были заполнены немецкими беженцами, оказавшимися в затруднительном положении везде, где они стояли. Фургоны беженцев были остановлены на дорогах чешскими партизанскими группами. Чешская промышленность должна была закрыться из-за прекращения работы железной дороги. Массы фабричных рабочих празднично ходили по улицам. Появилось все больше красных флагов. Немецкие уличные знаки были удалены, и немецкие надписи на магазинах исчезли под слоем краски. Но пока еще почти не было вспышек насилия.

4 мая массовые митинги были проведены на улицах Праги. Прошел слух, что Франк не возвратился в город, что Шёрнер принял всю власть повсюду в протекторате, который германские войска оставят в течение нескольких дней, что они договаривались о капитуляции перед американцами, что правительство будет передано чешским лидерам и что американцы достигнут Праги через день или около того.

Вечером общественные громкоговорители объявили, что в Праге объявлено осадное положение. Для чешского населения был установлен комендантский час. Но массы людей на улицах не обращали на это внимания. Немецкая полиция оказалась в общем замешательстве и не предпринимала никаких действий.

Когда Франк возвратился в Прагу утром 5 мая, он узнал, что в его отсутствие и чешское правительство протектората, и недавно избранный Национальный совет, представлявший антикоммунистическую фракцию, настоятельно просили, чтобы полномочия правительства были официально переданы им. В свою очередь они гарантировали бы охранное свидетельство всем германским войскам и всем немецким гражданским жителям, которые желали уехать.

Но прежде чем Франк мог прийти к решению, чешские коммунисты начали кровавое восстание. Коммунисты знали, как приводить массы в движение, и, вероятно, они редко имели дело с более алчущими массами.

В утренние часы 5 мая коммунисты распространили слух, что американские танки приближаются к западным предместьям Праги. За ним последовал слух, что американцы потребовали немедленной капитуляции и что немцы согласились.

Чешские и красные флаги сразу появились в бесчисленных окнах. Толпы выстраивались вдоль улиц, на которых ожидалась американцы. Общественные демонстрации были проведены на улицах и площадях. Чешские национальные песни заполнили воздух. Немецкая полиция и немецкие войска оставались в чрезвычайном замешательстве. Немецкие солдаты, которые показались на улицах тем утром, были приняты со словами: «Радуйтесь, мальчики, скоро война будет закончена и вы сможете пойти домой!»

Чешские массы были полны ликования. Теперь единственной искры было бы достаточно, чтобы произошел взрыв.

В заключительном порыве гордости Франк приказал очистить улицы от собраний. Спустя несколько часов после этого приказа он снова погрузился в пропасть апатии. Но вред был нанесен.

Только несколько из немецких войск последовали за приказом Франка. Но было достаточно, чтобы в одной или другой части города эсэсовцы начали очищать улицы, стрелять в демонстрантов или выкатывать полевые орудия. Радость и волнение масс, которые еще не знали, что ни один американский солдат не стоял перед Прагой, обернулись волной ярости.

В это время въехал грузовик с вооруженными чешскими коммунистами на территорию пражской радиостанции, они преодолели маленькую охрану и захватили здание. Немецкие усилия вернуть станцию не увенчались

успехом. Пражское радио начало призывать Чехословакию к оружию. Бои вспыхнули по всему городу. Другие коммунистические команды захватили немецкие склады с одеждой и оружием, среди них большой арсенал народной армии.

«Чешские полицейские, члены чешской армии! – призывало пражское радио. – Поднимайтесь против угнетателей, идите на помощь нам. Дороги к Праге открыты...» Затем следовали ужасные описания злодеяний, совершенных войсками СС, и призывы к мести.

Более умеренные среди чешских лидеров поняли, что должны принять участие в восстании, пока их не отодвинули за пределы призыва. Хорошо вооруженная полиция чешского протектората и подпольная организация чешских армейских офицеров присоединились к рядам повстанцев. В тот момент их превосходящее вооружение и обучение обеспечили им преобладание в движении. Соответственно новый Национальный совет принял лидерство в восстании. Националисты и коммунисты боролись плечом к плечу.

Но под поверхностью продолжалось соревнование между этими двумя фракциями. И это скрытое соревнование за поддержку масс заставило обе стороны применять все более резкие методы. Коммунисты, однако, применили свой главный метод – они пытались воспламенить людские страсти. Их курьеры с востока сообщили, что русские, а не американские войска займут Прагу. Они знали, что заключительная победа придет к ним, а не к националистическому лагерю, и таким образом преследовали только одну цель: разжигать и поддерживать огонь кровавой революции против немцев, из которого выросла бы их собственная революция, коммунистическая революция против старой чешской буржуазии, против правящего класса вообще.

Все же эта несообразная масса повстанцев едва ли одержала бы победу так быстро, как произошло, если бы немецкие войска оказали решающее сопротивление. Но

недавно призванные солдаты СС не имели никакого энтузиазма для этого сражения. Многие из них были призваны из числа немецкого населения Праги. И многие из них дезертировали в попытке достигнуть своих, которые, как они знали, были в опасности. Только старые войска СС и люди из службы безопасности боролись безжалостно, отвечая на жестокость повстанцев собственной жестокостью.

В сумерках 5 мая большинство немецких административных офисов попало к чехам. Главные проезды, большинство мостов и железнодорожных станций, центральная телефонная станция, богемская радиостанция и пражское радио были в руках повстанцев. Немецкие члены правительства протектората были арестованы; некоторые из них – расстреляны. Только немецкий правительственный сектор во дворце Храдчаны и несколько немецких армейских постов удерживались. Была также маленькая группа немецких солдат на железнодорожной станции Масарик, которых собрал решительный капитан, чтобы защитить несколько тысяч немецких беженцев и раненых в поезде, остановленном из-за забастовки железнодорожников. Но между положениями немецких солдат и немецких правительственных учреждений во дворце располагались мосты Молдау, которые контролировали повстанцы.

Чешское население стояло в стороне и наблюдало, в то время как коммунистические и националистические партизаны хватали членов СС и полиции, так же как солдат регулярной германской армии, и убивали их на улицах. Пражское радио призывало каждого чеха к оружию. Партизаны начали врывать в немецкие дома. Постепенно массы последовали их примеру.

Днем 5 мая большинству немецких гражданских жителей приказали идти в подвалы зданий, а в некоторых частях города они были помещены под арест. Многие из них были собраны, чтобы заполнить тюрьмы, так же как школы, театры, гаражи и другие временные тюрьмы. Эта облава дала начало первым массовым избиениям и даже множеству перестрелок. Общественные пытки немцев на

улицах Праги начались 6 мая. Толпы чехов ждали транспорты немецких заключенных на улицах, чтобы забрасывать их камнями, плевать им в лицо и бить любым предметом, который попадал под руку. Немецкие женщины, дети и мужчины подверглись тяжелым испытаниям, пока достигли тюремных ворот под градом ударов и пинков. Женщин любого возраста вытаскивали из групп, брили им головы, мазали краской лица и рисовали свастики на их обнаженных спинах и грудях. Многие были изнасилованы, других заставляли открыть рот для плевок их мучителей.

Действующий протектор Франк во дворце Храдчаны знал о событиях в городе. И все же за весь день 6 мая он не предпринял никаких действий, чтобы установить контакт с чешским Национальным советом или с чехами из правительства протектората.

Но прежде чем закончилось 6 мая, восстание в Праге было прервано. В вечерние часы в город вошли войска – полностью вооруженная дивизия солдат в немецких униформах, но на их плечах и знаменах виднелся синий крест Святого Андрея на белом щите: 1-я дивизия войск генерала Власова.

Власов когда-то был советским генералом. Он заработал высокие почести в сражении за Москву и стал командующим армией. Власов, сын русского крестьянина и коммунист с юности, повзрослев, начал замечать раскол между социалистической доктриной и советской действительностью.

В 1942 г. Власов был захвачен немцами. Будучи в плену, он подумал, что с помощью Гитлера мог бы удалить Сталина и большевизм и создать новую, действительно социалистическую Россию. Он был уверен, что мог воспитать миллионную армию из числа тех граждан, которые любили свою страну, но не любили Сталина. Возможно, что Власов мог бы победить советские армии и выиграть войну. Но он не мог даже пытаться бороться с Советами, если его усилия использовались Гитлером для

учреждения германской колониальной империи на востоке Европы.

Власов и несколько немецких сочувствующих отчаянно боролись за признание своих планов. Но боролись напрасно. Приближаясь к заключительным дням ужаса, ни Гитлер, ни Розенберг не поняли, какую возможность благородного решения восточного конфликта им предложили. Только в конце осени 1944 г., когда война была для немцев проиграна, Власову позволили публично призвать к формированию антибольшевистской русской армии и русского контрправительства. Но даже это обращение было превращено почти в фарс: человеком, который спонсировал Власова, был Гиммлер, самый горячий защитник германской колониальной империи на востоке, где славянской кастой рабов будут управлять германские владельцы. Гиммлер действовал под влиянием определенных советников, которые убедили его, что обещание свободы, свободной России могло теперь подвигнуть многих русских солдат оставить советские ряды. Оппортунизм Гиммлера позволил Власову зачитать его обращение в Праге и сформировать Комитет по освобождению народов России.

Это обращение было зачитано 14 ноября 1944 г. Двадцать четыре часа спустя штаб Власова получил ответы от сорока тысяч добровольцев в лагерях для военнопленных и трудовых лагерях. «Что было бы, – спрашивал Власов тогда некоторых немецких посетителей, – если бы вы дали мне свободу действий в 1943 году?»

Власову обещали материальную часть и вооружение для двадцати пяти дивизий. Есть подозрения, что Гиммлер, высшая власть над резервами, воспрепятствовал тому, чтобы это вооружение достигло Власова. Более того, Власову не давали возможности собрать войска вместе или даже войти в контакт с его бесчисленными добровольцами.

Тем не менее Власову удалось сформировать и оснастить две дивизии. К февралю 1945 г. он сформировал общий штаб «армий освобожденных народов России», с

начальником штаба Трухиным, бывшим советским генералом. Начало было положено учебной офицерской школой, воздушным корпусом и несколькими специальными частями. Два других бывших советских генерала, Бунишенков и Зайцев, обучали эти две дивизии.

Власов вскоре утратил все иллюзии о возможности немецко-русского сотрудничества. Но, как и бесчисленные немцы, он вынашивал другую надежду до самого последнего часа: надежду, что союзники после краха Германии выступят против расширения власти Сталина в сердце Европы, что неестественный союз между СССР и западными державами развалится, как только Германия будет побеждена. Он надеялся получить от западных держав поддержку, которую Гитлер был не в состоянии дать ему.

В марте 1945 г. Власов послал секретных посланников в английский и американский штабы во Франции и Бельгии. Он пробовал ясно дать понять, что не был рабом Германии, а был врагом большевизма и надеялся найти помощь, чтобы строить новую Россию. Он пробовал сообщить западным державам политические и идеологические цели Сталина и тот факт, что коммунизм, старый неисправимый коммунизм, останется империалистическим до конца его дней.

Его посланники были арестованы, как прихвостни Германии и предатели Советского Союза. Никто не побеспокоился, чтобы выслушать их.

Власов переместил все свои войска в ненемецкую область Богемии, где ясное разделение немецких войск и гражданских жителей было налицо. Его Генеральный штаб и 1-я дивизия, насчитывавшая приблизительно восемнадцать тысяч человек, были размещены приблизительно в 32 километрах от Праги. Комитет по освобождению народов России оставался в Карлсбаде, в 120 километрах к западу от Праги.

В начале мая германское Верховное командование приказало 1-й дивизии Власова двигаться на север, где ее должны были использовать против русских войск,

наступавших на Берлин. Власов отказался следовать приказу, даже при том, что не знал, какими будут последствия его отказа. Но теперь он оказался в действительно безнадежном положении.

Затем его достигли новости о восстании в Праге и призывы о помощи, раздававшиеся по пражскому радио. 5 мая он приказал своей 1-й дивизии двигаться на Прагу, поддержать чешских повстанцев и восстановить порядок в городе. Дивизия вошла в Прагу вечером 6 мая.

С тех пор говорилось, что 1-я дивизия Власова, которой командовал генерал Бунишенков, перевесила чашу весов в пользу чехов, что сомнительно в лучшем случае. Это решение было только вопросом времени. Но нет сомнения, что шесть полков Бунишенкова ускорили победу повстанцев.

Власов послал свои войска в надежде на спасение Праги от длительной борьбы и тяжелого разрушения и таким образом на установление некоторых связей с западными союзниками, которые пока отклонили его предложения. Он действовал согласно ложному предположению, что не Советы, но более близкие американские войска займут город.

Взволнованное население Праги оказало дивизии Бунишенкова восторженный прием. Растущая жажда крови спала, и в течение двенадцати часов люди Власова стали спасением для немецких гражданских жителей, заключенных и раненых. Некоторые из русских освободили заключенных в тюрьму немецких солдат и позволили им убежать на запад – хотя они не могли воспрепятствовать большинству из них попасть в руки чешских партизанских групп и быть убитыми или замученными до смерти. Другие войска «свободной России» участвовали в сильных боях против немцев, в которых они теперь видели не больше чем предателей их общего дела.

В течение ночи 6 мая маленький американский патруль на танках и грузовиках появился в кипящем городе. Чешское население и генерал Бунишенков были убеждены, что

оккупация американскими войсками была неизбежной. Но патруль был просто разведывательным отделением, выяснявшим, что происходило в Праге. Возможно, командующий 3-й армией США стал сомневаться, не могло ли, в конце концов, восстание в Праге сделать желательным для него занятие города. Чешские радиопередачи сообщили о злодеяниях, совершенных СС, а русское наступление, казалось, не развивалось со скоростью, которую предсказал советский генерал Антонов.

Но когда командир американского патруля разузнал, что очаги немецкого сопротивления были минимизированы до нескольких небольших центров, которые были в безнадежном положении, он решил возвратиться к своим линиям. Перед отъездом он поговорил с Бунишенковым. С искренностью и поразительным простодушием, которое отличало большинство американских офицеров в те дни, он велел поддерживать порядок в Праге и ждать прибытия советских войск. И не понимал, почему Бунишенков выглядел ошеломленным. Не понимал, что предложил людям Власова с широко раскрытыми глазами идти на верную смерть.

В отчаянии, Бунишенков приказал своим людям немедленно прекратить сражаться, оставить Прагу и маршировать на запад к штабу Власова. Уличные заграждения и баррикады помешали его войскам отбыть сразу. Они уехали утром 7 мая. Чехи, переполнявшие улицы, с растущим волнением наблюдали за их отступлением, раскрыв от удивления рты.

Дивизия достигла штаба Власова днем. 8 мая Власов получил доклады, что советские танки приближались к Праге с северо-запада. Он отдал приказ двигаться на запад, и его колонны, вышедшие только что из боев с немцами в Праге, прошли среди разбросанных остатков немецких войск, среди колонн немецких беженцев, которые шли в направлении американских линий.

Трое из генералов Власова, которые передвигались отдельно, были остановлены чешскими партизанами,

захвачены и через несколько дней переданы Советам. Но 1-я дивизия без труда прошла через американские линии и сдалась 3-й армии США.

Сам Власов был отведен в штаб 3-й американской армии. У него сложилось впечатление, что он был гостем, а не пленным в американском штабе. Еще раз он попробовал объяснить свое положение и реальные цели Советского Союза. Возможно, он встретил понимание среди некоторых из американских офицеров. Но не было ни одного среди них, кто мог изменить общую политику, которой был предан генерал Эйзенхауэр.

Власов не знал, что его войска были тем временем разоружены и окружены американскими танковыми войсками. Советские комиссары требовали выдачи предателей и получали их без затруднений. Да и с формальной точки зрения такая выдача была действительно обязанностью американских командующих.

В одиннадцать часов утра 13 мая американское командование сообщило Бунишенкову, что бронетанковое американское ограждение вокруг 1-й дивизии будет открыто на восток и что в три часа дня дивизия двинется маршем в этом направлении. Генерал и его люди понимали, что означал этот приказ. Некоторые из войск пробовали скрыться. Большая их часть пошла на восток в надежде выйти из американского ограждения перед прибытием русских и бежать на запад. Но по пути они обнаружили, что двигаются в коридоре американских войск, который вел их прямо в советские шеренги.

2-я дивизия Власова и его различные отдельные части, размещенные в Баварии и Австрии, также стали пленниками американцев. Их держали в нескольких лагерях. Некоторые из них были отпущены. Другие совершили самоубийство. Все остальные были переданы Советам.

Власов и его штаб в штабе 3-й армии США не знали ничего о судьбе войск. Место, где располагался штаб, маленький город Шлюссельбург, было в это время занято

частично американскими, частично советскими войсками. Через некоторое время после 15 мая американский офицер пригласил Власова и его штаб пройти с ним на совещание в соседний населенный пункт. В то время как группа проходила по лесистой тропинке на пути к таинственному населенному пункту, ее внезапно окружили советские солдаты. Власов и его штаб были захвачены прежде, чем осознали, что случилось.

Полтора года спустя Власов и двенадцать его офицеров были повешены на Красной площади в Москве.

7 мая 1945 г. штаб генерала Шёрнера получил приказ высшего командования немецкими вооруженными силами прекратить борьбу на всех фронтах в полночь 9 мая. Фон Натцмер, начальник штаба, побледнел. Этот приказ похоронил все надежды на спасение его войск от русских лагерей для военнопленных, поскольку было просто невозможно вывести его войска с Восточного фронта к указанному часу.

Генерал Шёрнер, дрожа от ярости, кричал, что не намерен исполнять этот приказ. Он продиктовал сообщение всем командующим своей группы армий, информируя их о приказе перемирия и о своем решении продолжать сражаться. Он потребовал, чтобы мнения командующих генералов были представлены ему ночью. Он чувствовал себя уверенным относительно того, какие получит ответы. Никто не хотел сдаваться русским – и это общее настроение хорошо соответствовало секретным личным планам Шёрнера.

Штаб Шёрнера рассмотрел вопрос и постановил, что намеренное нарушение соглашения о сдаче означало разрушение последних остатков юридических отношений с союзническими войсками. Американские командующие, вне сомнения, отвергли бы любые переговоры о взятии военнопленными войск Шёрнера. Приказ бороться сделал бы каждого немецкого солдата ярмарочной игрушкой для всех, с последствиями, возможно, более плохими, чем русские тюрьмы.

Шёрнер слушал свой штаб с нарастающей яростью. Он несколько не интересовался американской реакцией на нарушение сроков капитуляции. Он беспокоился о себе одном и не намеревался стать заключенным у американцев или русских, ибо знал об отношении к нему во вражеском лагере. Он был теперь последним оставшимся в живых неустранимым приверженцем Гитлера. Он слышал, что его имя было в русском черном списке, – и не мог знать, не передадут ли его американцы Советам? Его планы были готовы к исполнению, и его штаб теперь угрожал вмешаться в них.

Но затем фон Натцмер предложил приказать северному флангу 4-й танковой армии продолжать сопротивление против русских попыток прорваться на севере, в то время как всем другим частям разрешить «организованно бежать на запад». Хотя многие части попали бы в русские руки, эта процедура казалась единственной, которая обещала спасти большинство.

Шёрнер понял, что здесь было желаемое им решение. Если бы он приказал, чтобы его войска бежали на запад, то он мог бы избавиться от всей личной ответственности и с тех пор действовать открыто во благо собственного спасения. Он согласился на предложение фон Натцмера с необычной живостью. Возможно, эта живость должна была насторожить его штаб. Но ни один из офицеров не думал, что фельдмаршал Шёрнер, человек, который потребовал от каждого из своих солдат стоять насмерть, планировал сбежать.

Шёрнер выпустил инструкции, необходимые для выполнения предложения фон Натцмера. И при этом он не забыл приказать доставить несколько маленьких самолетов в аэропорт в Зааце, приблизительно в 96 километрах к северо-западу от Праги.

В то время как приказы ушли из его штаба, багаж упаковывался, грузовики загружались, а военные документы сжигались, Шёрнер поспешил на свою частную квартиру. Он наполнил портфель деньгами и отправился к фон Натцмеру.

Фельдмаршал обратился к своему начальнику штаба с благодарностью за лояльную службу и прекрасное сотрудничество. Он продолжил несколько резко, что решил взять один из самолетов, которые придут в Заац, и бежать в баварские горы. У него было горное убежище, о котором никто не знал, хорошее место, чтобы скрыться, возможно, до Рождества. После Рождества он мог бы «высунуть голову» снова и «оценить ситуацию».

И если фон Натцмер хочет присоединиться к нему, продолжал фельдмаршал, открывая свой портфель, то эти деньги пригодились бы им.

Лицо фон Натцмера стало красным, затем белым. Он сказал, что на следующий день группа армий пойдет добывать себе жизнь. Командир не может покинуть ее в такое время. Никогда прежде командование не было более значимым. И даже в связях с американцами высокое звание Шёрнера имело величайший вес.

Но Шёрнер не дрогнул. Разве он не уполномочил свои войска бежать на запад? Он требовал для себя не больше, чем он предоставил им, – право обеспечить себе безопасность. Что осталось сделать командованию, фон Натцмер мог сделать один.

Шёрнер закрыл свой портфель, повернулся и уехал. Ночь была светлой от огня, в котором документы и бумаги превращались в пепел.

Конвой штаба уехал рано утром 8 мая. Автомобиль Шёрнера ехал впереди, сопровождаемый фон Натцмером. Затем ехал радиогрузовик и множество других транспортных средств.

Фельдмаршал торопил своего водителя. Скоро все транспортные средства, кроме автомобиля фон Натцмера, отстали.

Когда два этих автомобиля прибыли в Заац, самолеты еще не прилетели. Шёрнер пришел в ярость. Он ждал почти час. Фон Натцмер ждал с ним в надежде, что радиогрузовик догонит их. Но ни самолеты, ни грузовик

не появились. Вместо этого русские танки внезапно показались на северном крае летного поля.

Шёрнер немедленно двинулся на запад, фон Натцмер позади него. В сумерках два их автомобиля прибыли в город Подерзам вблизи немецкой границы. И здесь Шёрнер узнал, что один из его самолетов приземлился на соседнем лугу. Он сразу послал адъютанта, чтобы обеспечить самолет для себя.

Офисы городского командующего, где Шёрнер остановился, были заполнены ранеными и солдатами, возвращающимися из увольнения и ждущими инструкций. Когда фельдмаршал появился среди них, они отшатнулись в страхе от этого человека, который достиг так много одной только жестокостью.

Шёрнер не уделил внимания толпе. Он вызвал партийного руководителя города и приказал ему достать два гражданских мужских костюма, один из них должен быть баварским. На глазах солдат он отстегнул свой Рыцарский крест с дубовыми листьями и бриллиантами и опустил его в карман. Когда костюмы были принесены, Шёрнер ушел в соседнюю комнату. Немного позже он появился снова, теперь он был одет в баварский костюм, и угостил всех шампанским и сигарами. Затем он ушел снова с двумя нацистскими офицерами, которые были преданы ему, топить свою печаль в шампанском. Толпа солдат снаружи медленно пришла в себя.

Фон Натцмер оставил офис городского командующего и вышел в ночь. В ярости и отчаянии он искал в темном городе радиопост, чтобы установить контакт с группой армий. Но искал напрасно. Единственное средство связи с войсками был самолет, стоявший на лугу около города.

В течение долгого времени фон Натцмер стоял у своего автомобиля. Он понял, что появление русских танков в Зааце могло означать только одно: русские войска угрожали уходу группы армий на запад.

В конце концов фон Натцмер решил попросить у фельдмаршала Шёрнера самолет. Но фельдмаршал уже

плохо стоял на ногах. Он слушал, не выпуская из рук стакан, и затем сказал нет, протянул стакан начальнику штаба и пригласил его «забыть все это». Фон Натцмер отказался. Шёрнер взорвался. Когда поток злословия иссяк, фон Натцмер повторил свое требование. Шёрнер снова рявкнул: «Нет!» Фон Натцмер, теперь дрожа от гнева, ответил, что поставит охрану у самолета до следующего утра и затем будет использовать его так, как считает целесообразным. С этим он оставил комнату.

Поставленная охрана получила инструкции не разрешать никому, кроме фон Натцмера, приближаться к самолету. Но она состояла из нескольких пожилых милиционеров, обеспокоенных собственной судьбой и судьбой своих семей. Рано утром высокий, широкоплечий человек в гражданской одежде появился на лугу. Милиционеры подняли винтовки. Но затем они увидели его лицо и услышали рев: «Разве вы не видите, кто я? Я – фельдмаршал Шёрнер!» Они опустили оружие в полном замешательстве и стояли в стороне, в то время как Шёрнер поднялся в самолет и улетел.

Шёрнер направился на юго-запад. Мотор вскоре отказал, и самолет, едва не потерпев крушение, был вынужден приземлиться в Восточной Австрии. Шёрнер перемещался по стране в течение нескольких дней, пока не был узан населением. Затем, около 15 мая, он заявил о себе бывшему штабу германской 1-й армии, который теперь находился в плену у американцев и участвовал в увольнении из армии низших чинов германских войск.

Немного позже американские власти передали его комиссарам Советского Союза, которые искали его.

В соответствии с приказами из штаба группы армий, все командиры Шёрнера 8 мая уведомили войска, что борьба должна прекратиться в полночь и что все, кроме нескольких частей, должны двигаться на запад немедленно и любыми маршрутами. И приблизительно один миллион солдат устремился на запад по дорогам Западной Чехословакии и Судет, движимый вперед

надеждой, что их американские противники примут их как заключенных.

Судьба 1-й танковой армии может служить примером трагического исхода для всей группы армий.

Почти полностью изолированная от других частей, 1-я танковая армия едва избежала окружения русскими войсками. Вечером 8 мая эта армия, избитая, но все еще держащаяся вместе, стояла рядом с Брюнном. В ней все еще насчитывалось приблизительно четыреста тысяч человек.

Было около 176 километров между ними и американскими линиями в Восточной Чехословакии. Но 9 мая был сияющий весенний день. Деревья вдоль дорог стояли в цвету. И 176 километров не были большим расстоянием для войск, которые прошли через восточные кампании.

1-я танковая армия продвигалась. Некоторые части, идущие пешком или едущие верхом, были настигнуты русскими и пропали без вести. Но большая часть армии перемещалась единым отрядом и осталась невредимой.

Тыловые эшелоны и госпитальные части первыми достигли американских позиций. Они были взяты в плен. Волна надежды прошла по приближающимся боевым войскам.

Последний командующий 1-й танковой армией, генерал Хассе, установил свой командный пункт приблизительно в 8 километрах к востоку от линий американской 5-й пехотной дивизии, чтобы руководить заключительными этапами капитуляции. Днем 9 мая сообщения поведали ему, что американские линии закрывались для германских войск. Одновременные донесения с востока и юго-востока указывали на то, что русские войска продвигались быстро. Время для спасения немецких солдат сокращалось.

Часть за частью войска армии Хассе прибывали и концентрировались в полях и вдоль лесов перед американскими линиями. В лесу чешские партизанские группы дожидались своего часа. В конце дня американские самолеты приземлились на дорогах,

остановили походное движение германских колонн и повели их в большие лагеря.

Генерал Хассе теперь знал, что было приготовлено для его людей. Но он не хотел сдаваться без борьбы. Он послал своего начальника штаба, фон Вайтерсхаузена, искать аудиенции у командира 5-й американской пехотной дивизии.

Фон Вайтерсхаузену позволили пересечь линии и встретили с любезностью. Он умолял, он объяснял. Американское командование делало одну техническую отговорку за другой, но фон Вайтерсхаузен не сдавался, и в конце концов ему сказали простую правду: войска 1-й танковой армии воевали против русских, и они должны будут стать русскими пленными.

Фон Вайтерсхаузен возвратился к своему автомобилю в тишине. Один из американских штабных офицеров протянул руку и убежденно сказал:

– Мы уважаем русских, как очень справедливых бойцов. Я не сомневаюсь, что с вами обойдутся согласно международному праву и вы скоро возвратитесь домой.

Фон Вайтерсхаузен покачал головой.

– С Советами можно иметь дело только с оружием в руке, – ответил он. – Если вы не имеете никакого оружия, вы – их раб.

Все войска, которые были окружены американскими силами, были переданы русским. Войска, которые все еще оставались на марше, были быстро пленены русскими. Некоторые группы убежали в горы и брели на запад. Возможно, таких было несколько десятков тысяч человек. Все, кроме нескольких тысяч из них, были пойманы чешскими партизанами и убиты или переданы русским. Обширные массы армий сформировались в колонны и пошли на восток.

Все 7 мая прошло в сильных боях вокруг немногих немецких центров сопротивления в городе Праге. Ночью генерал Туссен, командант Праги, получил известие об

общей капитуляции и приказ прекратить сражаться в полночь 9 мая.

Туссен сразу обратился к чешскому Национальному совету с предложением сдаться при условии, что его войскам и немецким гражданским жителям будет дано охранное свидетельство для выхода из города.

Переговоры длились в течение ночи 7 мая и до полудня 8 мая. Национальный совет был готов принять капитуляцию на заявленных условиях. Он чувствовал потребность закончить борьбу, установить порядок и сформировать чешское правительство перед неизбежным теперь прибытием русских. Совет, мыслящий в демократических терминах, полагал, что если бы правительство было составлено теперь, то оно было бы в состоянии поддержать себя, когда придут русские. Но коммунистическая фракция сопротивлялась. Они желали, чтобы борьба продолжилась, пока советские войска не войдут в город, надеясь, что эти войска принесут с ними социалистическую революцию.

Но коммунисты все же не превазировали. Их оппозиция и все более близкий подход русских армий усиливали решение умеренных элементов в Праге уладить ситуацию. Таким образом, Национальный совет предоставил охранное свидетельство германским войскам и гражданским жителям.

Днем Туссен получил донесения о русском наступлении на Прагу с севера. Он решил начинать отход немедленно, оставляя раненых и гражданских жителей под защитой Красного Креста, как предложил Национальный совет. Протектор Франк, который тихо следил за переговорами, подготовился также тихо принять участие в отходе.

Ближе к вечеру 8 мая начался марш. Длинные ряды немецких солдат и гражданских жителей двигались по забаррикадированным улицам Праги на запад. Вдоль тротуаров выстроилось чешское население. Здесь и там катил немецкий танк, здесь и там мог быть замечен немецкий солдат, несущий базуку. Раненые хромали с палками и костылями. Среди них катил автомобиль

протектора Франка и его семьи. Франк позже сдался американским войскам. Они передали его чехам, которые, не теряя времени, повесили его.

Массовое бегство длилось ночь напролет. Около двух часов утра немецкая батарея открыла огонь в городе – Туссен не был в состоянии уведомить все свои войска, и некоторые части СС отказались капитулировать. В ответ партизаны открыли огонь по уходившим походным порядком войскам. Повторные столкновения привели к тому, что отход вышел за пределы выделенного времени. Колонны все еще покидали город, когда наступил рассвет 9 мая.

Германские войска и гражданские жители, которые удерживали железнодорожную станцию Масарик, сдались чешскому майору графу Шварценбергу. Граф выполнил свою задачу с образцовой любезностью и правильностью и позаботился, чтобы группа могла сформироваться для марша. Но даже в этом случае группа, в которой было большое количество женщин и детей, оказалась последней, оставившей город.

Около семи часов утра 9 мая группа со станции Масарик пересекла мост Молдау. Перед ними в свете утреннего солнца стояли крутые склоны холма Храдчаны. Группа медленно прошла через парк по вьющейся дороге под могущественными стенами древнего дворца.

Внезапно раздались выстрелы. Советская пехота вырвалась из парка, крича «ура» и стреляя из автоматов и пистолетов. Немецкие солдаты, которые пробовали сопротивляться, были истреблены.

Революция одержала победу. Она распространялась по Праге, как огонь на ветру.

Немецких гражданских жителей, которые находились в тюрьме Рузин, теперь вызывали из переполненных камер. Они получили первую чашку воды за много дней и говорили, что война была закончена и что теперь их благородной обязанностью стало помочь восстанавливать повреждения и удалять баррикады. Но прежде чем

оставили тюрьму, они почувствовали то, что действительно было припасено для них.

Несколько грузовиков с немецкими ранеными и медицинским персоналом въехали во двор. Раненые, медсестры, доктора только выгрузились с транспортных средств, когда внезапно отряд повстанцев появился с улицы и атаковал их. Они вырвали у них костыли, палки, повалили их на землю и прикладами, кольями и молотками били до тех пор, пока немцы не испустили дух.

На улице толпы ждали тех, кто вышел из тюрем, чтобы разбирать баррикады. Нетерпеливые глаза наблюдали из окон. Никто не может сказать, сколько не отвернулись в позоре и ужасе, – таких, должно быть, было немало. Но массы на улицах знали, чего они хотели, – и они прибыли снабженные всем, что их освобожденные страсти и дикие эмоции могли желать – от кипящей смолы до садовых ножниц.

Так начался день, столь же злой, как любой злой день истории. Они тоже были людьми – те, кто на улицах и площадях Праги захватил немцев, и не только эсэсовцев, обливал их бензином, подвешивал их ногами кверху, поджигал и наблюдал за их муками, продленными тем, что в этом положении высокая температура и дым не душили их. Они тоже были людьми – те, кто связывал немецких мужчин и женщин вместе колючей проволокой, расстреливал в связке и катил их вниз в реку Молдау, кто топил немецких детей в корытах с водой на улицах и выбрасывал из окон.

Они били каждого немца, пока он не лежал бездыханным, принуждали голых женщин разбирать баррикады, перерезали сухожилия на их пятках и смеялись над их корчами. Других забивали до смерти. И все же эти действия были немногочисленными среди многих, по сравнению с которыми простой расстрел нескольких сотен мальчиков из школы Адольфа Гитлера кажется особой привилегией.

Это было началом. Прага показала пример для всей страны, для каждого города и деревни повсюду в

Чехословакии и Судетах, где были немцы. Приливная волна насилия, убийства и изгнания поднялась в мае 1945 г. и убывала в течение многих месяцев и лет, пока последний немец не сбежал из страны или не умер в тюрьме – все, кроме тех немногих, кто после конфискации и лишения гражданских прав уцелел.

Более поздние поколения могут судить эти события наравне с уничтожением или изгнанием евреев из Германии. Они могут найти, что уничтожение политической свободы чехов и ужас Лидице призвали к такому взрыву ненависти и мести. Но они не должны забывать миллионы чехов, которые держались обособленно и боялись, что сами могут пасть жертвой пробужденных масс, если скажут хотя бы одно лишнее слово; как не вправе забыть тысячи и тысячи чехов, которые даже в самые темные дни шторма помогли пищей и одеждой немецким беженцам.

Вечером 20 мая пастор Карл Зайферт и некоторые пожилые крестьяне стояли на берегах реки Эльбы, приблизительно в 24 километрах вверх по течению от города Дрездена. Советский оккупационный комендант их небольшой саксонской деревни разрешил им хоронить трупы, которые река выбрасывала на берег день за днем.

Они прибывали, плывя вниз из Чехословакии, женщины и дети, старики и солдаты. Тысячи проплывали дальше – но для тех, кто был выброшен на берег здесь, пастор и его люди рыли могилы и хоронили их, произнося молитву.

Река приносила связки, перевязанные колючей проволокой, и трупы, которые были без языков, глаз, грудей. Но этим вечером река принесла деревянный остов кровати, он плыл, как плот, к которому семья, взрослые и дети, была прибита длинными гвоздями. Мужчины вытащили костыльные гвозди из детских рук, и пастор пробовал сказать себе слова, которые он говорил так часто в своей душе: «Боже, что мы сделали, что они так согрешили!» Но сегодня вечером ужас оказался слишком большим, и эти слова не были произнесены.

Все, что он смог сказать, было: «Боже, пощади их души!»

Глава 9

Финал

Вечером 8 мая 1945 г. двадцатипятилетний капитан Бройнингер сидел в своей квартире в Либау на побережье Курляндии и писал письмо отцу.

«Дорогой отец, теперь все заканчивается. Те из нас, кто увидит свои дома снова, оставят Либау сегодня вечером и поплывут в Киль. Я отдам это письмо Герману Мейстеру, сержанту 11-й пехотной дивизии. Я надеюсь, что вы получите его.

До вчерашнего дня мы все еще надеялись, что будем отправлены назад в Германию и продолжим борьбу с русскими оттуда. Три дня назад мы получили секретное, устное сообщение от нашего командующего, генерала Хилперта. В нем говорилось, что адмирал Дёниц вступил в контакт с западными державами и заключит мир на западе. На востоке война продолжилась бы. Группа армий «Курляндия» была бы передислоцирована через Балтийское море и начала действовать на фронте Эльбы. 6 мая мы должны были разрушить все лишнее оборудование. Армейский корпус, отвечающий за порт Либау, прикрывал нашу погрузку на суда. И блокирующие позиции для постепенного отхода были готовы с декабря прошлого года – на случай, если прикажет фюрер.

Некоторые офицеры утверждали, что знали: британцы пошлют корабли, чтобы забрать нас. Говорили даже, что английские войска высадятся здесь и нападут на русский фланг вместе с нами.

Все мы ожидали поворот в наших судьбах благодаря новому оружию. Затем мы получили новости о героической смерти нашего фюрера – это было ужасное, горькое разочарование. Но затем поступил тайный приказ об отходе, и все мы почувствовали новую надежду. Мы боролись здесь всем, что имеем, против одного врага: большевизма. Если мы боролись с англичанами, французами и американцами, это было только потому, что они не хотели понять значения нашей борьбы на востоке.

Поэтому наши надежды были высоки, когда мы услышали о сепаратном мире на западе, – годы нашей борьбы оказались не бесцельны, даже при том, что пожертвовали бы целой нацией.

Вы можете вообразить, насколько разочарованы мы теперь, когда нам сказали, что все наши войска сдались и что группа армий «Курляндия» капитулировала. Русские комиссары ожидаются теперь каждый день. Говорят, что англичане помешали пройти судам, которые должны были прибыть для нас. Но никто не знает наверняка, кто предал нас. Флот послал несколько малых судов из Гданьского залива. Резерв группы армий, то есть 11-я пехотная дивизия и 14-я танковая дивизия, будет эвакуирован на этих судах, потому что они были нашими «пожарными», они заработали это. И затем каждой дивизии позволили послать несколько офицеров или офицера и сто двадцать пять человек домой, главным образом семейных и раненых. Вы должны были видеть, как 11-я пехотная дивизия маршировала через Либау, полностью вооруженная, в прекрасном порядке.

Многие из людей все еще не верят в капитуляцию. Они думают, что пойдут из Киля против русских. Порт оцеплен военной полицией, которая препятствует неправомочному персоналу входить на суда. Но все происходило в прекрасном порядке, без какой-либо паники. Так же, как сражалась армия. Мы внесли свой вклад как немецкие солдаты, поскольку это было необходимо до самого конца.

Мы не знаем, как умер наш фюрер. Мы не знаем, какая слабость и измена имели место дома в течение последних нескольких недель. Мы знаем только, что до этого дня мы боролись с большевизмом, врагом не только нашим, а всей Европы. Мы видели большевизм в действии, как никто другой. Мы видели большевистский «рай». Мы знаем, за что мы боролись. И если это верно, что англичане препятствовали нашим судам покинуть порт, то они вспомнят это однажды, когда увидят и пройдут то, что мы видели и прошли...»

Кажется вероятным, что многие из людей в Курляндии имели мысли, подобные мыслям капитана Бройнингера. Они боролись безупречно. Латыши помогли им всем, что имели. Латвийские полки боролись с упорной храбростью; латвийские фермеры осуществляли поставки для немецкого фронта. Конечно, Латвия также была разочарована политикой Гитлера на востоке. Она ожидала, что немцы принесут ей свободу, а вместо этого ее рассматривали как колонию. Но, как все маленькие восточные государства, Латвия должна была выбрать между двух зол, и большинство, казалось, думало, что меньшее зло лежит на стороне Германии.

7 мая генерал Хилперт, тогда командующий группой армий «Курляндия», получил приказ сдаться.

Только несколькими днями ранее из штаба Дёница прибыли планы для перемещения группы армий «Курляндия» через море в Германию. Каждый корабль на плаву в Балтийском море должен был приплыть в порты Курляндии и эвакуировать 18-ю и затем 16-ю армии. Хилперта информировали относительно усилий Дёница заключить сепаратный мир на западе, объединенный с длительным сопротивлением на востоке. Он узнал, что угольные поставки в немецких портах не были достаточны для больших судов, которым предстояло провести эвакуацию из Курляндии, но что обсуждения шли полным ходом со Швецией, чтобы обеспечить суда необходимым топливом. Это были сообщения, давшие начало секретным, устным инструкциям, о которых написал капитан Бройнингер. И отход фронтовых войск уже начался, когда радиодонесение от Дёница сообщило, что Швеция отказалась снабжать немцев углем.

Днем 8 мая минные тральщики, рыбацкие катера, баржи всякого вида, угольные суда, парусные шлюпки и моторные лодки были собраны, чтобы взять на борт двадцать тысяч мужчин в порту Либау и семь тысяч в порту Виндау.

Последние из судов оставили порт в восемь часов вечера. На рейде сформировались три конвоя. Только теперь, в

течение этого одного часа, прежде чем конвои сформировались и оставили побережье, дисциплина войск сломалась. Страх русских лагерей для военнопленных и желание идти домой привело тысячи солдат на паромы, плоты и маленькие лодки. Некоторые из них достигли судов и были взяты на борт. Другие переплыли море до Швеции. Остальная их часть исчезла в Балтийском море.

Тридцать пять транспортных самолетов «Юнкере» прибыли из Норвегии, чтобы эвакуировать раненых. Три из них достигли Германии; другие тридцать два были сбиты русскими самолетами-истребителями. Небольшое количество немецких самолетов, размещенных в Курляндии, вылетело в Германию. Все эти самолеты были переданы в распоряжение генералам и членам Генерального штаба. Но только один из высоких офицеров, командующий 6-й зенитной дивизией, использовал свое звание, чтобы спастись. Другие командующие остались с войсками – все, кроме немногих, убили себя, например генерал СС Крюгер.

7 мая генерал Хилперт радировал русским, что он готов сдать группу армий «Курляндия». Русские потребовали, чтобы сам Хилперт, командующие этих двух армий и все генералы – командиры боевых частей – сдались в плен прежде, чем были заявлены сроки капитуляции.

8 тот момент русские были согласны только на перемирие по фронту шириной в три дивизии.

Хилперт и его генералы сели в автомобили и поехали через русские линии. Начальник штаба Хилперта, генерал Фёрч, остался, чтобы командовать в течение нескольких оставшихся дней. После того как немецкие генералы были взяты в плен, он послал генерала Раузера, чтобы узнать сроки капитуляции.

Русские были вне себя от радости, что война закончена, приняли Раузера со словом «товарищ» и предложили ему сигареты. Но Раузер был гордым и твердым человеком, он заявил, что приехал не как друг, а только потому, что приказали. Ему указали сроки капитуляции, но он заявил, что они неприемлемы. Обсуждение длилось в течение

шести часов, и в конце концов русский командующий согласился связаться по радио с Москвой для дальнейших инструкций. Ответ из Москвы прибыл поздно ночью 8 мая – сроки были действительно смягчены. Раузер возвратился в штаб группы армий утром 9 мая.

На протяжении всей ночи русские войска наводняли Курляндию. Они не замечали немецких солдат, но искали часы, кольца и другие драгоценности. Большинство из них были в радостном настроении. Они выкрикивали немецким солдатам: «Война капут – скоро домой!» И утром 9 мая, когда русские все еще не обращали внимания на немецких солдат, многие немецкие части начали выходить на юг, в сторону Германии. Некоторые из этих частей добрались до Мемеля, в Литве, прежде чем были возвращены.

Днем 9 мая начал устанавливаться порядок. Немецкие офицеры были отделены от войск, и офицеры Красной армии обратились к пленным и заверили их, что будут обращаться с ними достойно и пищи будет достаточно. Затем их направили в различные лагеря для сбора.

23 мая большая облава была закончена. Несколько дней спустя эти сто восемьдесят тысяч солдат начали марш на восток.

В тот же самый день, 23 мая, теневое существование «правительства» адмирала Дёница закончилось в городе Фленсбурге в Шлезвиг-Гольштейне.

10 мая союзническая контрольная комиссия под руководством американского генерала Рукса и британского генерала Форда прибыла во Фленсбург, чтобы гарантировать согласие со сроками капитуляции. Марфи, политический советник генерала Эйзенхауэра, прибыл 15 мая, чтобы проверить мандат Дёница в качестве главы германского правительства. Никто не думал об этих деталях, когда капитуляция осуществлялась, но теперь Марфи, казалось, засомневался в законности Дёница. Советский генерал Трушков присоединился к союзнической контрольной комиссии два дня спустя.

23 мая Дёниц, Йодль и фон Фридебург были вызваны на борт теплохода «Патриа» в порту Фленсбурга, где была расквартирована контрольная комиссия. Им сообщили, что союзническое командование только что выпустило приказ поместить всех членов правительства Дёница и германского Верховного командования под арест.

Адмирал фон Фридебург, который получил разрешение для заключительного посещения своей комнаты, застрелился. Английская танковая бригада поставила охрану вокруг здания, в котором заседало германское «правительство». Появился батальон английской военной полиции. Немцам приказали поднять руки над головой и обыскали их. Затем в сопровождении английских танков началась их поездка в лагерь для военнопленных в Люксембурге. Это был конец без достоинства.

1

В это время 9-й армией временно командовал генерал
Смило фон Лютвиц. (Примеч. ред.)

2

Так немцы называли катюши.